
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2021. 12(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia, USA 20036
Release date 22.12.2021
Format 21 × 29,7.

Website: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global University
Order № 30

© Russkaya Starina, 2021

Russkaya Starina

2021

Is. 2

Русская старина

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2409-2118
 2021. 12(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йожеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1717 N Street NW, Suite 1,
 Вашингтон, округ Колумбия, США 20036

Дата выпуска 22.12.2021
 Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <https://rs.cherkasgu.press>
 E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Cherkas Global
 University

Заказ № 30

CONTENTS

Articles

The Opposition “Ours – Others” in the Genre of Journeys: on the Question of the Formation of the Concepts of “Russian World” and “Russian Land” A.S. Tishchenko	78
Life and Service to the Fatherland of General A.A. Karpov A.V. Venkov	87
The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 2 M.Ch. Larionova	95
National Issue on the Pages of the Taganrog Newspaper “Prizyv” O.A. Grom	102
The Press of the Donbass in 1941–1943 T.Yu. Lyudorovskaya	112
Memories and Research in History of Daugavpils Ghetto I.G. Rochko	119
Reconstruction of the Forestry Fleet on Izhevsk and Votkinsk Ponds in the 1930–1950s N.W. Mitiukov	129
Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 2. Gender and Age Groups of the Khutor Community: Boundaries, Statuses, and Functions M.A. Ryblova	141
Don Cossack Celebration of St. John’s Day: Chrononyms and Ritual Actions N.A. Vlaskina	155

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 78-86

DOI: 10.13187/rs.2021.2.78
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

The Opposition “Ours – Others” in the Genre of Journeys: on the Question of the Formation of the Concepts of “Russian World” and “Russian Land”

Alexey S. Tishchenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the concepts “Russian world” and “Russian land” through the prism of the opposition “ours – others” on the material of ancient Russian Journeys. The analysis shows that the genre of Journey contributes to the consolidation of the theme of the Russian world in Russian literature precisely in connection with the opposition “ours – others”. When considering the “The Journey of Abbot Daniel”, emphasis is placed on understanding the concept of “Russian Land” as a civilizational concept, synonymous with the “Russian world”. The analysis of the “Notes of Fedot Kotov” and “The Journey of Ignatius Smolnyanin” confirms the stability of the topic under study in the genre of Journeys. An analysis of the later “A Journey Beyond the Three Seas” shows that the theme of the Russian world in this monument of writing appears to be formed. The conclusion is made about the evolution of the genre of Journey from a purely religious orientation towards Soviet literature, the question of the transformation of the worldview and self-consciousness of the Old Russian scribe and the reflection of his ideological position in the text is raised.

Keywords: “Russian world”, “Russian land”, opposition “ours – others”, ancient Russian Journeys.

1. Введение

Хождение (хождение) – один из распространенных жанров древнерусской литературы, представляющий собой путевые записки, в которых повествовалось о путешествиях в различные страны. Самые ранние хождения датируются XI в., и первоначально путешествия носят характер паломничеств на христианский Восток. Со временем география походов расширяется, а хождение как жанр приобретает особые черты: оно перестает быть лишь определенной фиксацией путешествия, «отчетом» о проделанном пути, а все больше начинает включать различные идеи повествователя, его отношение к чужой культуре. Н.И. Прокофьев отмечает: «Хождения как очерковый жанр древнерусской литературы несли в себе политические, нравственные и художественные идеи своего времени...» (Прокофьев, 1984: 6). Различные идеи и установки древнерусского книжника, отразившиеся в хождениях, прежде всего можно постичь, исходя из сопоставлений и противопоставлений

* Corresponding author
 E-mail addresses: alex.tishchenko97@mail.ru (A.S. Tishchenko)

миров своей и иной страны, «своего» и «чужого», так как этот жанр древнерусской литературы изначально предполагает описание быта, культуры, традиций «чужих».

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат древнерусские хождения «Хождение Игумена Даниила», «Хождение Игнатия Смольнянина», «Записки Федота Котова», «Хождение за три моря». Среди научных трудов мы опираемся в основном на крупные работы В.В. Данилова (Данилов, 1954; Данилов, 1962), Н.И. Прокофьева (Прокофьев, 1968; Прокофьев, 1970; Прокофьев, 1984), В.П. Адриановой-Перетц (Адрианова-Перетц, 1958).

В отечественном литературоведении, по справедливому замечанию О.А. Белобровой, долгое время исследованию хождений не уделялось должного внимания (Белоброва, 1972), однако большой вклад в изучение памятников письменности этого жанра внесли работы В.В. Данилова (Данилов, 1954; Данилов, 1962) и Н.И. Прокофьева (Прокофьев, 1968; Прокофьев, 1970; Прокофьев, 1984). Оба этих автора подчеркивают, что многие хождения довольно сухи в художественном плане, строятся по определенным моделям, однако есть ряд других произведений данного жанра, являющихся самобытными текстами с яркими жанровыми особенностями, присущими хождениям. Кроме этого, в работах обоих исследователей делается акцент на эволюции жанра хождений: от религиозного в начале к постепенной смене на светский характер, когда целью путешествий становятся сугубо деловые и торговые отношения, изменяется и содержание повествования – со временем произведения этого жанра включают все больше личного отношения книжника и определенного комплекса идей и ценностей, свойственных представителям русского мира.

Исследование строится на органическом синтезе традиционных литературоведческих культурно-исторического и социологического методов. Культурно-исторический метод рассматривает художественный текст в неразрывной связи с эпохой, в которую он был написан, и представляет текст как цивилизационный код народа. Согласно социологическому методу, литературное произведение можно интерпретировать как выражение общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Паломничества в другие страны имели большое значение: «...содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания» (Кусков, 2003: 86). Повествователь, представитель Русской земли, является в определенном смысле воплощением духа народа, и эту черту можно выделить в некоторых хождениях, где наиболее ярко проявляется идеология путешественника, а вместе с тем и система ценностей и представлений всего народа. Н.И. Прокофьев характеризует повествователей в хождениях как представителей «своего времени, своего народа» и выразителей «его идеологических и эстетических представлений и идеалов» (Прокофьев, 1984: 10).

«Житъе и хоженъе Данила Русьскыя земли игумена» («Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли») – одно из самых ранних древнерусских произведений этого жанра. Это подробное, тщательное описание паломничества в Святую землю. По большей части это хождение имеет религиозную направленность: повествуется исключительно о святых местах; основная идея произведения – рассказать об увиденном в Святой земле «грешным» и «недостойным» игуменом Даниилом. «...Даниил придавал своему “Хождению” не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели – слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник» (Кусков, 2003: 87). Несмотря на эту исходную установку автора-повествователя, тема русского мира выражена в этом тексте имплицитно.

Принципиально важно, что в названии произведения присутствует словосочетание «Русская земля». С одной стороны, «Русская земля» здесь употребляется в географическом смысле, как обозначение отправной точки путешествия игумена Даниила. С другой же стороны, появление в самом названии произведения – в сильной позиции – этого словосочетания неслучайно: тем самым подчеркивается принадлежность игумена Даниила к Русской земле. Это понятие в тексте хождения имеет двойственный характер: оно сочетает

обозначение как территориальных границ Руси, так и неких духовных скреп, объединяющих русский народ и позволяющих говорить о «Русской земле» как об особом явлении. К примеру, в «Повести временных лет» в начальных словах летописца «Се повесть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, хто в Кieve нача пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» (*Повесть временных лет*) «Русская земля» также употребляется не только и не столько в территориальном значении: в центре внимания летописца исторические судьбы Руси, формирование, рост, укрепление и защита государства, патриотическая мысль о могуществе Русской земли, ее политической самостоятельности, религиозной независимости от Византии. С точки зрения географии, за словосочетанием «Русская земля», частотно употребляемом в «Повести временных лет», по мнению Б.А. Рыбакова, закреплено три варианта территориальных значений: «1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т.е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря» (*Рыбаков, 1953: 29*). Поскольку исторически сложилось так, что территориальные границы Русского государства всегда были подвижны, становится все убедительнее мысль о том, что во многих древнерусских текстах (в «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли», в хождениях) словосочетание «Русская земля» употребляется в значении, близком к содержанию понятия «русский мир». А. Ужанков отмечает: «...не одно чисто территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение *Русская земля*. Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее воедино все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей» (*Ужанков*). Таким образом, игумен Даниил является представителем Русской земли и русского мира в чужом ему, «нерусском» мире.

Отметим, что в работах о древнерусской литературе довольно широко распространено мнение, что путешествие Даниила имело не только религиозную, но и дипломатическую цель: из повествования игумена о встречах с королем Балдуином следует, что русский паломник пользовался определенными привилегиями, встречался с королем неслучайно. В.В. Данилов пишет: «На основании собственного рассказа Даниила можно говорить утвердительно, что в глазах иерусалимского короля Балдуина I, при котором Даниил был в Палестине, и в глазах других властей он был не обычным паломником» (*Данилов, 1954: 93*). Возникает предположение, что Даниил был послан князем Святополком Изяславичем в Святую землю с определенным заданием: «В условиях современности эти цели для них обоих могли быть и военно-политические, как полагаю я, и религиозно-политические, как думает Д.С. Лихачев» (*Данилов, 1954: 94*). В эпизоде в конце произведения Даниил собирается поставить лампаду на Гробе Господнем и обращается к Балдуину: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на Гробѣ Святѣмъ от всея Русьскыя земля!» (*Хождение игумена Даниила*). Игумен говорит от всей Русской земли, ощущает себя посланцем от Руси и выражает заботу о своей Родине, ставя лампаду от всего русского мира.

В этом же эпизоде звучит мотив богоизбранности русского народа, который отмечен «благодатью Божьей». Игумен Даниил акцентирует внимание, что лампада, поставленная им от всей Русской земли, загорается по «благодати Божьей», как и греческие свечи, а «фряжская» лампада вовсе не загорелась: «И поставих своима рукама грѣшныма в ногах, идеже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Исуса Христа. В главах бо стояше кандило гречьское, на персехъ поставлено бяше кандило Святаго Савы и всѣхъ монастырей. Тако бо обычай имут: по вся лѣта поставляютъ кандило гречьское и Святаго Савы. И благодѣтью Божию та ся 3 кандила вожгоша тогда; а фряжская кандила повѣшена бяху горѣ, а от тѣхъ ниединоже възгорѣся» (*Хождение игумена Даниила*). Мотив божественного покровительства, избранности русского народа, преемственности православия и осмысления Руси как оплота православной веры устойчив в отечественной литературе, начиная со «Слова о законе и благодати». Поэтому символично, что на службе, где были представители разных религий, Даниил зажигает свою свечу непосредственно от свечи

короля, а дальше огонь расходится среди других людей. «Он молился у гроба господня за всю Русскую землю. И когда лампада, поставленная Даниилом от имени всей Русской земли, зажглась, а “фляжская” (римская) не зажглась, то он видит в этом проявление особой божьей милости и благоволения к Русской земле» (Кусков, 2003: 89).

В произведении «О хождении с Москвы в Персицкое царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят», который иногда называют «Записки Федота Котова», повествователь описывает мусульманские праздники, иногда сравнивая с праздниками на Руси, например: «Первой у них праздник год починают марта месяца, как в небе увидят млад месяц. И тот у них праздник зовут баирам наурус, а по нашему новой год» (Записки Федота Котова). Котов последовательно и тщательно повествует о мусульманских обычаях и традициях, говорит о быте и внешнем виде «чужих» людей, противопоставляя свою культуру и чужую, русский мир и «нерусский»: «И всего в персидской земли четыре праздника, а что про них писано и то им не на славу, но на укоризну, и понос, и на пагубу им!» (Записки Федота Котова), «А сказывают, что в пятницу Бахмет родился того дня и празднуют еженедель, ему на вечный огонь, и на бесконечную муку, и на понос, и на укоризну» (Записки Федота Котова) и др.

Т.В. Чумакова пишет: «Представления о “своем” и “чужом” за последнюю тысячу лет изменились не слишком много, по-прежнему, как и в Средние века, представители своей культуры наделяются, по преимуществу, позитивными, а чужой – негативными характеристиками. В результате типичный представитель “своей” культуры одаривается стандартным набором добродетелей, а чужак таким же набором пороков» (Чумакова, 2011: 184). Оппозиция «своего» и «чужого» выявляется и в «Хождении Игнатия Смольнянина в Царьград». Повествователь четко обозначает, когда он со своими спутниками покидает Русь и попадает на другую землю: «В среду минули Великую Луку и Сарыхочзин улус. Здесь нас охватил страх, так как вступили в землю народа измаильского». Чувство страха, постигшее этого человека, подчеркивает его оторванность от Руси, его пугает чужой мир с иной культурой, и поэтому повествователь рад встретить часть русского мира за границей: «В понедельник, накануне Петрова дня, во время вечерни, пришли к нам русские люди, живущие здесь. И была радость обоим великая», «Месяца июля в 1 день пошли в монастырь святого Иоанна, к Продрому, и поклонились тут. И приняли нас хорошо тут живущие русские люди» (Хождение Игнатия Смольнянина). Таким образом, повествователь ощущает себя чужим, находясь среди незнакомой культуры, и чувствует себя своим с русскими людьми. Оппозиция двух миров – русского и «нерусского» в этом тексте проявляется не как резкое противопоставление, а скорее как некое особое пересечение.

Одним из ярких памятников жанра хождения является «Хождение за три моря». Это произведение – путевые записки тверского купца Афанасия Никитина, «...отважного и любознательного путешественника, горячего патриота и глубоко религиозного человека» (Адрианова-Перетц, 1958: 100), сделанные во время его торгового путешествия в индийское государство Бахмани в XV в. Путешественник посетил не только Индию, но и Кавказ, Персию, Крым. Однако большая часть заметок посвящена именно Индии. Автор повествует о своеобразии этой страны: особенностях государственного устройства, торговле, хозяйстве, обычаях, верованиях, традициях; в центре внимания – люди, их внешний вид, одежда, занятия.

Можно утверждать, что все повествование Афанасия Никитина основывается на оппозициях: Русская страна – Восток, православные – «неверные», мы – они, Христос – Махмет, русский мир – «нерусский» мир. Рассказывая о людях, которых встречает Афанасий Никитин, он фиксирует любую деталь, относящуюся к этому народу, «...с одинаковым интересом и вниманием вглядываясь в различные религиозные культы, изучая нравы и обычаи разных национальных и кастовых групп, расспрашивая о важных событиях, происходивших в его время в “Индийской стране”» (Адрианова-Перетц, 1958: 108). При первом описании внешнего вида жителей Индийской страны возникает противопоставление двух миров: русского и «нерусского». Автор говорит о внешнем виде жителей Индии: «И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много» (Хождение за три моря). Повествователь неслучайно делает акцент на том, что люди ходят «нагие»: это хождение написано уже в XV в., в пору, когда

православное христианство прочно укоренилось на русской почве. Принятие православия, случившееся в X в., автоматически подразумевало искоренение язычества, имевшего очень большое влияние на русскую культуру. Следы язычества можно обнаружить и в различных памятниках письменности, и в целом в русских традициях, однако в XV в. эти отголоски были уже более слабыми. Так мы можем сказать и о наготы: Никитин воспринимает ее как отголосок язычества, многие языческие обряды и ритуалы были связаны с обнажением, а христианство накладывало запрет на это, считало обнажение грехом. «Нагота – признак, в целом оцениваемый в народной культуре негативно и сближаемый со значением “чужой”, “природный”, “демонический”.<...>Функции обнажения основаны на понимании наготы как признака иномирности и естественного состояния, когда голый человек – уже не человек или не совсем человек» (Агапкина и др., 2004: 355-356). Афанасий Никитин именно по этой причине подчеркивает такую деталь во внешнем облике чужестранцев. Исходя из этого, можно утверждать, что к разнице во внешности добавляются различия и во внутренних качествах людей: скромность и богобоязненность людей русского мира вступают в оппозицию с «наготой» представителей мира чужого.

С самого начала описания страны появляется оппозиция «мы – они»: «детей у них», «князь у них», «бояре у них». Никитин подчеркивает, что он чужой в этой стране: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку» (Хождение за три моря). Автор неоднократно отмечает противопоставление не только со своей стороны, но и со стороны индийского народа. По словам исследователей, «Уже с момента попадания в эту страну у Афанасия возникает чувство отчужденности, резкого разделения “своего и чужого” не только в плане культуры, обычаев и традиций, но и в психологии, мировоззрении. В Индии Никитин ощущал себя прежде всего “гарипом” – иноземцем (“гариб” – араб. ‘чужеземец’), “белым человеком”, противостоящим всем “черным жителям” и особенно “бесерменам” (мусульманским завоевателям), которых он воспринимал как хозяев страны» (Торпакова, Королева, 2016: 180).

Афанасий Никитин показывает разницу религиозных верований: «А в том в Чюнерѣ хань у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменянин – русинь. И он молвит: “Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в вѣру нашу – в Махмет дени; а не станеш в вѣру нашу, в Махмат дени, и жеребца возму и тысячу златых на головѣ твоей возму”» (Хождение за три моря). Для Никитина переход в другую веру немислим, поэтому он радуется, что ему удалось договориться с казначеем Мухаммедом, чтобы тот «за него похлопотал», чтобы остаться православным христианином. Это повествователь расценивает как «Господне чудо на Спасов день» (Хождение за три моря). Оппозиция русского мира и Индийской страны выражается в призыве Афанасия Никитина: «Ино, братие рустии християнн, кто хошет пойти в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю» (Хождение за три моря). Символично, что, обращаясь к русскому народу, автор говорит «братие рустии християнн»: существительное «братие» имеет собирательное значение – объединение людей, в этой же фразе мы видим, что русский народ Никитин не отделяет от христианства. Исследователь пишет: «В традиции русской мысли мы обнаруживаем идею братства, декларирующую не только идеал общественного устройства, указывающий на глубинный “социальный ориентир” человека. Этот ориентир заявляет об онтологическом единстве, взаимоустремленности человека к человеку, являясь духовным основанием, благодаря которому человек сам (вне зависимости от внешних обстоятельств, от смены эпох и тенденций развития) удерживает социальное пространство, поскольку для него реальным и значимым становится его причастность и соучастие в жизни другого, в жизни сообщества с другим, другими» (Лобова, 2005: 3).

Сам автор-повествователь четко наделяет себя признаками русского мира: он общается с жителями Индии, говоря им о своей вере: «И сказах имѣ вѣру свою, что есмь не бесерменинъ исаядениени есмь християннинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуйфъ Хоросани» (Хождение за три моря). Когда в очередной раз Афанасия принуждают принять чужую веру, он говорит: «Господин! Ты молитву совершаеш и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаеш, я – три раза. Я – чужестранец, а ты – здешний» (Хождение за три моря). Причисление себя к русскому миру автором

подчеркивается и в его отказе принимать чужую веру, и в его постоянных отступлениях о Русской земле: «А Русь Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!» (*Хождение за три моря*). Афанасий Никитин переживает, что не может соблюдать христианские обычаи в чужой стране: «А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первые бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни... Праздники крестьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не знаю» (*Хождение за три моря*). Я.С. Лурье отмечает: «Путешествуя по странам Передней Азии и по Индии, Никитин не раз вспоминал с горячей любовью родину – “Русскую землю”, сравнивал с ней чужие земли и пришел к выводу, что “на этом свете нет страны, подобной ей...”» (*Лурье, 1958: 127*). Тема христианской веры, духовного общения с Богом, богобоязненности красной нитью проходит через текст Афанасия Никитина. Возвращается на Русь он со страхом, что пост держал по «бесерменским» обычаям: «А иду я на Русь с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом». Автор надеется на милостивого Бога, который его простит, однако предостерегает всех русских: «О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские» (*Хождение за три моря*).

Итак, познание чужого мира путем сопоставления со своим и противопоставления ему, постоянные обращения Афанасия Никитина к русскому народу, Руси выражаются таким образом, что это позволяет осмысливать русский мир как целостное явление. Главным скрепляющим звеном русского мира у Афанасия Никитина является христианство. Несмотря на то, что «Хождение за три моря» является одним из первых нерелигиозных текстов, тема христианства здесь постоянна. У Никитина русский мир, бесспорно, христианский, и он противопоставляется не только Индийской стране, но и другим народам: еще в начале произведения – «татары поганые» (в значении «неверные», «нечестивые»). Хотя доминантой этой оппозиции служит религия, все же противопоставление основывается и на других признаках: рассказывая о чужой земле, автор постоянно, пускай и не всегда напрямую, сравнивает другую культуру с русской, поэтому появляется четкая оппозиция «мы – они».

4. Заключение

Таким образом, основываясь на материале различных хождений, можно сделать вывод: тема русского мира постепенно проникает в этот жанр, выражение «Русская земля» приобретает значение «русский мир», и в хождениях этот цивилизационный смысл особенно отчетлив в контексте оппозиции «свой – чужой». Наиболее ярко и последовательно это проявляется в произведении позднего периода – «Хождении за три моря». Это связано, с нашей точки зрения, с двумя факторами. Во-первых, ранние хождения были сугубо религиозной направленности, это паломничества, где перед автором стояла конкретная задача – подробно описать святые места. Более поздние хождения представляют собой скорее путевые заметки, записки путешественника. Второй фактор касается именно развития темы русского мира: если в пору написания ранних хождений самосознание книжников-путешественников как части представителей русского мира еще не полностью сложилось, то к XV в., как мы видим, оно предстает уже сформированным.

Литература

Агапкина и др., 2004 – Агапкина Т.А., Валенцова М.М., Топорков А.Л. Нагота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 355-360.

Адрианова-Перетц, 1958 – Адрианова-Перетц В.П. Афанасий Никитин – путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 93-125.

Белоброва, 1972 – Белоброва О.А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 257-272.

Данилов, 1954 – Данилов В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 10. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 92-105.

Данилов, 1962 – Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 21-37.

Записки Федота Котова – Записки Федота Котова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kotow_f_a/text_1924_hozhdenie_kuptza_kotova.shtml (дата обращения: 11.10.2021).

Кусков, 2003 – Кусков В.В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

Лобова, 2005 – Лобова Т.Г. Социально-онтологическое обоснование идеи братства (в русской философской мысли): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 23 с.

Лурье, 1958 – Лурье Я.С. Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 126-142.

Повесть временных лет, 1997 – Повесть временных лет. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 10.10.2021).

Прокофьев, 1968 – Прокофьев Н.И. Хождения как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1968. № 288: Вопросы русской литературы. С. 3-24.

Прокофьев, 1970 – Прокофьев Н.И. Древнерусские хождения XII–XV веков. (Проблема жанра и стиля): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 35 с.

Прокофьев, 1984 – Прокофьев Н.И. Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. С. 5-20.

Рыбаков, 1953 – Рыбаков Б.А. Древние русы (к вопросу образования ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина) // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23-104.

Торпакова, Королева, 2016 – Торпакова Е.А., Королева Т.В. Оппозиция «свое» – «чужое» в «Хождении за три моря Афанасия Никитина» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-5. С. 180-184.

Ужанков – Ужанков А.Н. «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/268.html> (дата обращения: 15.10.2021).

Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1999 – Хождение за три моря Афанасия Никитина. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. Вторая половина XV века [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5068> (дата обращения: 07.10.2021).

Хождение Игнатия Смольнянина – Хождение Игнатия Смольнянина [Электронный ресурс]. URL: <http://starbel.by/kultura/ignacij.htm> (дата обращения: 12.10.2021).

Хождение игумена Даниила, 1997 – Хождение игумена Даниила. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. XII век [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (дата обращения: 04.10.2021).

Чумакова, 2011 – Чумакова Т.В. «Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. 2011. Вып. 5. С. 184-196.

References

Agapkina i dr., 2004 – Agapkina, T.A., Valencova, M.M., Toporkov, A.L. (2004). Nagota [Nudity]. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 355-360. [in Russian]

Adrianova-Peretc, 1958 – Adrianova-Peretc, V.P. (1958). Afanasij Nikitin – puteshestvennik-pisatel' [Afanasy Nikitin as a traveler-writer]. Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Journey

Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 93-125. [in Russian]

Belobrova, 1972 – *Belobrova, O.A.* (1972). Cherty zhanra hozhdenij v nekotoryh drevnerusskikh pis'mennyh pamyatnikah XVII veka [Features of the genre of Journey in some Old Russian written monuments of the XVII century]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 27 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 27]. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, pp. 257-272. [in Russian]

Chumakova, 2011 – *Chumakova, T.V.* (2011). «Svoi» i «chuzhie» v otechestvennoj kul'ture XI–XVII vv.: problema kommunikacii [“Ours” and “others” in the national culture of the 11th–17th centuries: the problem of communication]. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdisciplinarnye issledovaniya*. 5: 184-196. [in Russian]

Danilov, 1954 – *Danilov, V.V.* (1954). K kharakteristike «Khozhdeniya» igumena Daniila [The characteristic of the “Journey” of Abbot Daniil]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 10 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 10.]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 92-105. [in Russian]

Danilov, 1962 – *Danilov, V.V.* (1962). O zhanrovyh osobennostyah drevnerusskikh «hozhdenij» [About genre features of Old Russian “Journeys”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. T. 18 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 18]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 21-37. [in Russian]

Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina, 1997 – Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 7. The second half of the XV c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5068> (date of access: 07.10.2021). [in Russian]

Hozhdenie Ignatiya Smol'nyanina – Hozhdenie Ignatiya Smol'nyanina [A Journey of Ignatius Smolnyanin]. [Electronic resource]. URL: <http://starbel.by/kultura/ignacij.htm> (date of access: 12.10.2021). [in Russian]

Hozhdenie igumena Daniila, 1997 – Hozhdenie igumena Daniila. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [A Journey of Abbot Daniel. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 4. XII c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (date of access: 04.10.2021). [in Russian]

Kuskov, 2003 – *Kuskov, V.V.* (2003). Istoriya drevnerusskoj literatury [History of Old Russian Literature]. M.: Vysshaya shkola, 275 p. [in Russian]

Lobova, 2005 – *Lobova, T.G.* (2005). Social'no-ontologicheskoe obosnovanie idei bratstva (v russkoj filosofskoj mysli) [Socio-ontological substantiation of the idea of brotherhood (in Russian philosophical thought)]. Abstract of PhD Thesis (Philosophical Sciences). Omsk, 23 p. [in Russian]

Lur'e, 1958 – *Lur'e, Ya.S.* (1958). Afanasij Nikitin i nekotorye voprosy russkoj obshchestvennoj mysli XV v. [Afanasy Nikitin and some questions of Russian social thought of the 15th century]. Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 126-142. [in Russian]

Povest' vremennyh let, 1997 – *Povest' vremennyh let*. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Tale of Bygone Years. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c. SPb.: Nauka, 1997. [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (date of access: 04.10.2021). [in Russian]

Prokofev, 1968 – *Prokofev, N.I.* (1968). Hozhdeniya kak zhanr v drevnerusskoj literature [Journeys as a genre in Ancient Russian literature]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*. 288: 3-24. [in Russian]

Prokofev, 1970 – *Prokofev, N.I.* (1970). Drevnerusskie hozhdeniya XII–XV vekov. (Problema zhanra i stilya) [Ancient Russian walks of the 12th-15th centuries (The problem of genre and style)]. Abstract of PhD Thesis (Philological Sciences). M., 35 p. [in Russian]

Prokofev, 1984 – *Prokofev, N.I.* (1984). Hozhenie: puteshestvie i literaturnyj zhanr [Journey: travel and literary genre]. *Kniga hozhenij: Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of journeys: Notes of Russian travelers of the 11th–15th centuries]. M.: Sovetskaya Rossiya, pp. 5-20. [in Russian]

Rybakov, 1953 – *Rybakov, B.A.* (1953). Drevnie rusy [Ancient Rus]. *Sovetskaya arheologiya: XVII*: 23-104. [in Russian]

Torpakova, Koroleva, 2016 – *Torpakova, E.A., Koroleva, T.V.* (2016). Oppozitsiya «svoe» – «chuzhoe» v «Hozhenii za tri morya Afanasiya Nikitina» [The opposition of “ours” – “others” in “Journey Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin”]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk.* 1-5: 180-184. [in Russian]

Uzhankov – *Uzhankov, A.N.* «Rus'» i «Russkaya zemlya» v mirovozzrenii drevnerusskih knizhnikov XI–XV vv. [“Rus” and “Russian Land” in the worldview of ancient Russian scribes of the 11th–15th centuries]. [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/268.html> (date of access: 15.10.2021). [in Russian]

Zapiski Fedota Kotova – *Zapiski Fedota Kotova* [Notes by Fedot Kotov]. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/k/kotow_f_a/text_1924_hozhdenie_kuptza_kotova.shtml (date of access: 11.10.2021). [in Russian]

Оппозиция «свой – чужой» в жанре хождений: к вопросу о формировании понятий «русский мир» и «Русская земля»

Алексей Сергеевич Тищенко ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу концептов «русский мир» и «Русская земля» через призму оппозиции «свой – чужой» на материале древнерусских хождений. В ходе анализа показывается, что жанр хождения способствует закреплению темы русского мира в отечественной литературе именно в связи с оппозицией «свой – чужой». При рассмотрении «Хождения игумена Даниила» делается акцент на осмыслении понятия «Русская земля» как цивилизационного концепта, синонима «русского мира». Разбор «Записок Федота Котова» и «Хождения Игнатия Смольнянина» подтверждает устойчивость исследуемой темы в жанре хождений. Анализ более позднего «Хождения за три моря» показывает, что тема русского мира в этом памятнике письменности предстает сформированной. Делается вывод об эволюции жанра хождений от сугубо религиозной направленности в сторону светской литературы, поднимается вопрос о трансформации мировоззрения и самосознания древнерусского книжника и отражения его идеологической позиции в тексте.

Ключевые слова: «русский мир», «Русская земля», оппозиция «свой – чужой», древнерусские хождения.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: alex.tishenko97@mail.ru (А.С. Тищенко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 87-94

DOI: 10.13187/rs.2021.2.87
<https://rs.cherkasgu.press>

Life and Service to the Fatherland of General A.A. Karpov

Andrey V. Venkov ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In Rostov region since 2013, the decision to rebury the remains of three Don Cossack generals, heroes of the War of 1812 – Lieutenant General A.A. Karpov, Major General P.M. Grekov and Major General G.A. Dyachkin is delayed. Their remains were found by students and teachers of the Cossack cadet corps named after Ya.P. Baklanov in Shakhty in Tarasovsky district of the Rostov region. During the revolution of 1917, their former graves were destroyed and looted. The bodies were found lying randomly mixed with construction debris. The process of identifying the remains is still underway. When it is completed, the Don generals will be interred according to their status and merits. This article gives a brief biography of one of the honored Don generals, whose ashes have not yet found rest. Studying his life path, we found a number of problems connected with the formation of a new Don Cossack elite, which began to form in the late 18th – early 19th centuries.

Keywords: Cossacks, service, Cossack elite, wars, Don artillery.

1. Введение

В казачьем движении в Ростовской области есть одна не разрешенная до конца проблема. В 2013 г. в слободе Дячкино Тарасовского района Ростовской области стараниями учащихся и преподавателей Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса были обнаружены захоронения трех донских казачьих генералов, героев войны 1812 г. – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова и генерал-майора Г.А. Дячкина. Их прежние захоронения были разорены во время революции. До сих пор не разрешен вопрос о месте перезахоронения найденных останков. Есть предложения захоронить их там же, где они обнаружены, либо в цокольном помещении Новочеркасского патриаршего всеказачьего собора, либо по месту рождения двоих из них – в станице Старочеркасской. Уже несколько лет идет процесс идентификации останков. Когда он завершится, донские генералы будут преданы земле согласно их заслугам. Предлагаемая статья дает краткую биографию одного из этих несправедливо забытых героев, который входил в военную элиту Войска Донского в XIX в., был создателем донской артиллерии, а на Бородинском поле командовал казачьими войсками на левом фланге.

2. Материалы и методы

Представители донской казачьей верхушки стали объектом изучения еще в начале XX в. (*Донцы XIX века, 1907*), тогда же были составлены краткие биографии казачьих

* Corresponding author

E-mail addresses: andrey_venk@rambler.ru (A.V. Venkov)

генералов и офицеров, заслуживших орден Святого Георгия (*Донцы-кавалеры, 1911*). Признанным специалистом по истории донской казачьей элиты, получившей статус российского дворянства, был Н.С. Коршиков (*Коршиков, 1999*). О боевом пути донских генералов в 1812 г. есть интересное исследование В.М. Безотосного (*Безотосный, 1999*). Большой материал о жизни героя нашего исследования собрал С.В. Корягин (*Корягин, 1999*). Важнейшим источником по основным этапам жизни донской служилой верхушки являются послужные списки, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и Российском государственном военно-историческом архиве.

При написании статьи автор опирался на принцип историзма и использовал антропологический подход, поскольку исследовал биографию представителя особого сообщества; применялся просопографический анализ: прослежены жизнь и служба одного из выдающихся донских генералов со второй половины XVIII в. до первой половины XIX в.

3. Обсуждение и результаты

Донская верхушка – старшина – сложилась еще в XVII в. Однако борьба за власть внутри Войска Донского, борьба с центральной российской властью за сохранение или даже расширение казачьей автономии и казачьих привилегий влияли на ее состав. Наш герой являет собой образец представителя новой донской казачьей верхушки, которая стала складываться в конце XVIII в. и окончательно оформилась уже в начале XIX в. в несколько ином статусе.

Когда наш герой, Аким Акимович Карпов, по-настоящему начал службу, в донской старшине, официальной элите Войска, числилось 47 человек. Это были бывшие атаманы и наиболее отличившиеся командиры казачьих полков.

Среди донской старшины значились пятеро Денисовых, четверо Грековых, трое Иловайских, двое Кутейниковых, двое Ребриковых, двое Агеевых, по одному представителю прочих родов. Главнейшим из старшин считался атаман Алексей Иловайский, за ним по списку и по старшинству – Себряков Михаил, далее двое Денисовых, потом войсковые судьи Мартынов и Луковкин, поднимаемые вверх за верность престолу. Большая часть – потомственные старшины. Некоторые получили «старшинство», как только в службу вступили: таковы Себряков, Григорий и Кондрат Денисовы, Алексей Пушкарев, Иван Дячкин, Алексей Краснощеков. Последний стал донским старшиной в 11-летнем возрасте, «по заслугам отцов».

Но были среди донской старшины и простые «казачьи дети», пробившиеся вверх, благодаря личным заслугам. Таков Луковкин, отличившийся против Пугачева и удачно женившийся, выкрест из чеченцев Осип Данилов, старший из Грековых – Макар, и еще один Греков – Василий, отец нашего героя Аким Карпов, оба Агеевы, Петр Кубанов; среди них же – отец будущего атамана – Иван Федорович Платов (*Венков, 2013: 30-31*).

Описываемый нами Аким Акимович Карпов родился примерно в 1764 г. В послужном списке за 1799 г. он указал свой возраст – 35 лет (*ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 85 об.*). В послужном списке за 1800 г. – 36 лет (*ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 231. Л. 43 об.*). Изначально он числился казаком города Черкаска (*Донцы XIX века, 1907: 170*).

Родословная нашего героя небогата. Отец вышел в старшины в 1764 г. при атамане Степане Ефремове. Умер он в 1787 г. и записан как Аким Карпович (*Корягин, 1999: 6*). То есть «Карпов» – отчество отца нашего героя. Родовое прозвище неизвестно и позже нигде не всплывает. И наш герой, Аким Акимович получает фамилию «по деду» – Карпов. Напомним, что, уезжая с посольством в Европу, царь Петр I записался как Петр Алексеевич Михайлов – по деду Михаилу Федоровичу. Так что подобное образование фамилий на Руси было делом обычным.

Аким Акимович имел младшего брата, Ивана Акимовича, и двух сестер, Евдокию и Екатерину.

Казаком на службу он был записан 10 мая 1778 г., в 14 лет, и целых 4 года просто числился на службе.

В 1782 г. М.И. Платов, собирая полк в Чечню, зауряд-есаулами (впоследствии произведенными Канцелярией в есаулы) взял Акима Карпова и Василия Герцова, которым было по 17–18 лет. Герцов был сыном таможенного чиновника, и Платов, видимо, рассчитывал на капиталы его отца в случае денежных затруднений в полку. Выбор Акима

Карпова, возможно, объясняется тем, что шурин Платова был женат на сестре нашего героя, или тем, что отец Карпова и отец Платова были старшинами «из казачьих детей» и поддерживали друг друга.

Впрочем, детям таких старшин, получившим прекрасные возможности карьерного старта, приходилось служить по-настоящему. И наш герой записал в послужном списке: «782-й, 783-й и 784-й на Кавказской линии у содержания передовых постов и разъездов и пограничной стражи, где между тем неоднократно был в экспедициях за Кубаном, на Лабе и в Чечне и имел с тамошними народами неоднократно сражения» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 867). Полк Платова участвовал в экспедиции П.С. Потемкина в Чечню: «и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны и Гехи... Чеченцы на время присмирели», – писал В. Потто (Потто, 1994: 128-129). Затем Аким Карпов участвовал в боях на Кубани и записал: «785-й во всеобщем Войска Донского на Кубань поголовном походе и того же года в отрядном походе так же для пресечения набегов тамошних народов» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 86).

Отслужив на Кавказе, Аким Карпов в полку полковника К.К. Сулина 1 мая 1786 г. отправился на службу в недавно приобретенную Таврию. В послужном списке записано: «786-го, 787-го и 788-го в Таврической области для содержания по берегам Черного моря кордонов и разъездов, а также был в экспедиции в Тамани с нынешним генералом от кавалерии и кавалером графом Денисовым» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 86). За время службы в Таврии Аким Карпов получил чин армейского поручика (27 марта 1787 г.) (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 85 об.).

Здесь же его застало начало войны с Турцией. Но с турками наш герой не воевал. С 1 января 1789 г. он назначен войсковым есаулом. Обычно войсковые есаулы выбирались на Войсковом Круге по два на Войско и исполняли функции помощников при атамане, позже, в XIX в., они исполняли обязанности адъютантов при войсковом наказном атамане. На этой должности Аким Карпов находился два года, 1789 и 1790. К этому времени относится и его женитьба.

Женился наш герой на штаб-офицерской дочери Марфе Васильевой, в девичестве Иловайской, на племяннице войскового атамана. Она родила ему 8 детей и материально, видимо, не бедствовала. Но в послужном списке за 1799 г., через 10 лет после женитьбы, у Акима Карпова записано: «крестьян и подданных не имеет» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 85 об.). Получается, что он пошел «в зятья» к брату войскового атамана Василию Ивановичу Иловайскому.

Вообще брачные отношения всей родни Акима Карпова подпадают под характеристику «династические браки». Сестра Евдокия вышла за сына опального донского атамана Данилу Степановича Ефремова, брат Иван женился на дочери наказного атамана Василия Машлыкина, младшая сестра Екатерина вышла за Григория Дячкина, старшинского сына и будущего генерал-майора.

1 января 1791 г., отслужив войсковым есаулом и женившись, Аким Карпов становится войсковым старшиной, получает право командовать полком. 1 марта 1791 г. с полком Дмитрия Иловайского, родного дяди жены, он отправляется в Белоруссию и там, вместо старшего родственника, с 1 марта по 27 ноября командует полком «у содержания по реке Двине кордонов» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 86). Наконец, 1 октября 1792 г. Аким Карпов получает в командование полк «своего имени». В Белоруссии и на Украине в это время стоят лучшие казачьи полки, и ситуация должна закончиться Вторым разделом Польши, но наш герой «с вверенным донским казачьим полком» отправляется на Кавказ. Там он около четырех лет (до 1 августа 1795 г.) служит «на Кавказской линии у содержания передовых постов и разъездов» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 86). Полк его стоит на Кубани, и Аким Карпов участвует «в неоднократных с кубанскими народами сражениях» (Корягин, 1999: 6).

Его младший брат, Иван Акимович, за это время обогнал Акима Акимовича в чинах, отличившись в кампании 1794 г. в Польше. Там в августе 1794 г. полки И.А. Карпова и В.М. Серебрякова «получили повеление переправиться через Вислу прямо на неприятельские батареи. Казаки сняли с себя мундиры, седла с лошадей и с одними дротиками в руках, с военными кликами, вылетели из лесу и ринулись в Вислу. Поляки так оробели от сего, что оставили все пункты и бежали» (Записки донского атамана, 2000: 71-72). За этот подвиг Иван Карпов был произведен в премьер-майоры.

Родственные связи и административные способности помогают Аким Карпову избавиться от нудной пограничной службы в глухомани. В 1796 г. он назначается начальником в Медведицком сыскном начальстве. Здесь он получает майорский чин, и на следующий год, 10 ноября 1797 г., ему поручают организовать донскую артиллерию. На Дону своя войсковая артиллерия была, она участвовала во всеобщем походе казаков на Кубань, когда последний раз воевали с турками. Теперь ее доводили до штатов русской армейской конной артиллерии (Преснухин, 2011: 19).

19 февраля 1798 г. новый донской атаман В.П. Орлов доложил императору Павлу Петровичу о сформировании первой конной артиллерийской 12-орудийной роты. Вторую роту готовили дольше. В это время готовилось выступление 22 донских полков к западной границе на случай войны с Францией. 15 мая 1798 г., в день выступления, Орлов доложил о готовности и второй роты. Однако приказа о выступлении в поход донской артиллерии не было. О ней вспомнили, когда части русской армии уже собрались на границе. С 1 сентября 1798 г. Аким Карпов с конноартиллерийскими ротами выступил в поход и до конца 1799 г. находился с ними в г. Пинске.

Во время похода, 17 сентября 1798 г., он был произведен в подполковники и уже в Пинске 2 ноября 1799 г. получил чин полковника.

Как известно, отношение Павла I к союзникам России изменилось, и он послал Войско Донское через Оренбургские степи в поход на Индию, поход этот прервался в 1801 г. со смертью императора. И Аким Карпов с 30 января по 5 мая 1801 г. вместе с донской артиллерией находился в походе «к стороне Оренбурга» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 38).

Вступление в атаманскую должность М.И. Платова ознаменовалось началом эпопеи с перенесением донской столицы г. Черкаска на другое место. Но сначала заливаемую в половодье водой столицу стали укреплять насыпью. Для этого создали два «рабочих полка», которые прибыли на службу на телегах и стали возить землю для насыпи (Венков, 2014: 221). Жители донской столицы, некогда заявлявшие в переписке с Москвой: «Нам потная работа не в обычай», – презрительно называли эти полки «кучурами» (искаженное «кучер»). Даже поговорка появилась: «Не мой там ноги, там поганый кучур воду пил». И столичный житель, полковник Аким Карпов, был поставлен командиром такого полка, о чем свидетельствует его послужной список: «Ныне находится сего 1802 июня с 13-го со вверенным казачьим полком для высылки города Черкаска» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71. Л. 37 об.-38).

Но все же в том же году его вернули на пост командира донской артиллерии, и 21 сентября 1802 г. и 21 сентября 1803 г. он удостоивается Высочайшего благоволения «за исправность артиллерийских рот», а в 1804 г. с 1-й артиллерийской ротой участвует в экспедиции «за Кубаном», и, «командуя в корпусе авангардом, с тамошними горскими народами был в сражениях». В декабре 1804 – январе 1805 г. бои шли на Большом Зеленчуке, на Урупе, на Лабее, на Малом Зеленчуке, за которые 7 марта 1805 г. Аким Карпов был пожалован орденом Святой Анны 3 класса. Тогда же, в марте 1805 г., он участвовал в экспедиции в Кабарду, которую, как считал Аким Карпов, вернули в «подданство России» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 5 об.-6).

С 21 сентября 1805 г. по 12 ноября 1806 г. Аким Карпов с 1-й ротой числится в Днестровской армии, затем «с того числа в Молдавской армии и был с ней в неоднократных с неприятелем сражениях» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 6 об.). Речь идет о русско-турецкой войне 1806–1812 гг., которую Аким Карпов начал в составе 11-й дивизии генерала М.А. Милорадовича. Трудно перечислить все сражения, в которых наш герой участвовал. Мы опишем лишь один эпизод, когда он в составе отряда донского генерала И. Исаева 1-го был послан за Дунай на соединение с сербскими войсками. Под Видином разгорелся бой с Мулла-пашой. Турки засели в трех окопах, сербское наступление было отбито, тогда Исаев атаковал с батальоном Олонецкого полка, казаками, арнаурами и пандурами. Все три окопа были взяты, захвачены 4 пушки и 13 знамен. Раненный Мулла-паша заперся в Видине.

В послужных списках донских артиллеристов, бывших в отряде Исаева 1-го это событие проходит вообще как сплошной пятидневный бой: 18 июня – при селениях Малайнице и Неготине, 19 июня – при взятии штурмом неприятельских укреплений, бывших на Дунае, 19-22 июня – при взятии штурмом укреплений у селения Малайницы, на р. Штубик.

Победа была громкая, но и наградили казаков щедро. Генерал-майор Исаев 1-й получил алмазы к Ордену Святой Анны 1-й степени. Капитан А.И. Исаев 4-й был награжден чином майора и Орденом Святого Георгия 4-й степени («с охотниками казаками ходил на штурм, отбил 1 мортиру, 1 пушку и взял 2 знамени»). Так же Георгия 4-й степени получил 1-й Донской артиллерийской роты полковник А.А. Карпов 2-й (Корягин, 2014: 37).

Эта война с турками оказалась самой продолжительной. Весь 1808 г. тянулось перемирие. Зато в 1809 г. Аким Карпов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени (за бои под Браиловым и Гирсово), золотой саблей с надписью «За храбрость» (за взятие крепости Кюстенджи) и произведен в генерал-майоры (за сражение под Росевато). Затем были блокада Силистрии и сражение у Татарицы. Но войну закончить не удалось. Еще полтора года Аким Карпов дрался на турецком фронте, вновь осаждал Силистрию, сражался под Шумлою, брал Руцук и Никополь. Так и не дождавшись окончания войны, в сентябре 1811 г. он был переведен в Гродненскую губернию, где во главе казачьего полка должен был содержать пограничные кордоны.

1 марта 1812 г. Аким Карпов был назначен командовать всеми казаками 2-й Западной армии П.И. Багратиона. Под его началом оказалось сразу 8 казачьих полков. Таким же корпусом в 1-й Западной армии командовал М.И. Платов.

В своем послужном списке за 1816 г. Аким Карпов начинает описание войны 1812 г. так: «18 июня выступили от границы из Бреста Литовского и начали отступать в Россию. Во время сего выступления был с неприятелем в сражении: 27 и 28 июня при местечке Мир Гродненской губернии, июля 2 при местечке Романово Минской губернии, за что удостоен высочайшего благоволения, 9-го и 10-го в Белоруссии близ города Могилева, 24-го при местечке Лиды Смоленской губернии, августа 2-го при городе Красном, 3, 4, 5, 6 при городе Смоленске, 7-го...» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 7-7 об.). И так постепенно доводит до сражения «близ города Можайска на позиции при Бородине» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 70б.)

На Бородинском поле казаки Карпова прикрывали левый фланг русской армии. Против них стоял 5-й польский корпус Понятовского, имевший задание обойти левый фланг русских и выйти в тыл Багратиону. По ряду причин, в том числе и из-за казаков Карпова, обход не состоялся (Арзамасцев).

После Бородинского сражения и оставления Москвы казаки Карпова прикрывали отход русской армии на позицию под Тарутино. «И как во все время расположения на этой позиции армии, так и в преследовании за границу командовал 10-ю казачьими полками при главной армии в авангарде у содержания передовых постов и с оными был в неоднократных с неприятелем сражениях» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 70б.). Перечисляются бои под Малоярославцем, Боровском, Вереей, Дорогобужем, Смоленском, Красным, под многими другими селениями, и, наконец, разгром французов «при Борисове», т.е. на Березине. За Тарутино Карпов получил орден Святой Анны 1-го класса, а за события «при Борисове и как за преследование неприятеля, так и за сражения в то время бывшие», он был награжден «Георгием» 3 класса (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 8). И далее без перерывов – бои 1813 г.

Здесь образ Акима Карпова в какой-то мере противопоставлен образу Матвея Платова, олицетворявшего в армии донское казачество. После неоднозначно трактуемого рейда на Бородинском поле и неудачного командования арьергардом Платов был отстранен от командования, но после ряда скандальных заявлений получил из прибывшего с Дона ополчения под свое командование ряд полков и опять стал блистать на поле боя. После перехода границы и до августа 1813 г. он снова впал в «сокрушение» и лишь под Альтенбургом показал себя настоящим военачальником. Карпов же всегда в строю и со своими казаками участвует во всех важных событиях. Одно перечисление мест боев в 1813–1814 гг., написанное убористым почерком, занимает в его послужном списке две страницы. Командование казачьими полками авангарда главной армии, награждение еще раз саблей, но уже с алмазами, награждение орденом Святого Владимира 2-й степени и королевско-прусским красным орлом 2 класса, производство в генерал-лейтенанты (17 января 1814 г.), вступление в Париж...

После победы М.И. Платов с императором Александром I отправился в Англию, а Аким Карпов, сдав командование многочисленными полками, во главе полка «своего имени» отбыл на Дон, куда и прибыл 1 октября 1814 г. В день прибытия он вновь стал командиром донской конной артиллерии.

Послужной список 1816 г. констатирует, что Карпов состоит «в комплекте при артиллерии» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 15 об.-16). Интересно, что его материальное положение резко улучшилось: у него 267 душ крепостных (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 5 об.). Меняется его «прописка». Из города Черкаска, переименованного в станицу Старочеркасскую, Аким Карпов перебирается в Новочеркасск, как и большинство служилой верхушки. Отныне он приписан к станице Средне-Новочеркасской (Корягин, 1999: 8).

С 1817 по 1821 г. Аким Карпов являлся первым предводителем донского дворянства, а в 1819 г. вошел в состав комитета по устройству Войска Донского (Безотосный, 1999: 167).

В книге «Донцы XIX века» говорится: «Будучи первым начальником донской артиллерии, он дал ей правильное устройство. Не бесполезен был он Войску и в должности войскового дворянского депутата» (Донцы, 1907: 172). Имущество А.А. Карпова продолжало разрастаться. Его сестра, Екатерина Акимовна, после смерти своего мужа, генерала Г.А. Дячкина, унаследовала имение в слободе Дячкиной, но ушла в монастырь и имение передала брату, Акиму Акимовичу (Корягин, 1999: 11).

В отставку он вышел 11 марта 1836 г. Через год, 26 марта 1837 г., Аким Акимович Карпов умер.

Он оставил многочисленное потомство. На 1816 г. в послужном списке он записал: «Женат на штаб-офицерской дочери Марфе Васильевой, имеет детей сынов 1 Екима 26, 2 Петра 24, в службе штаб-офицерами, 3 Ивана 18, 4 Афанасия 17, 5 Иосифа 16, в службе обер-офицерами, 6 Алексея 12, 7 Василия 10 лет, и дочь Анну 11 лет» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 15об.-16).

Три его сына, два внука и даже один правнук вышли в генералы. Все они продолжали честно служить России.

4. Заключение

Перед нами образ представителя очередного поколения донской казачьей верхушки. Это дети донских старшин, ставших таковыми за успехи в службе, но вышедших из простых казачьих семей. Таковым был, например, М.И. Платов. Они рождаются через брак со старой донской верхушкой, но служат, служат и служат. Вспомним, что А.А. Карпов трижды на несколько лет посылался на Кавказ. Они старательно занимаются административной деятельностью, осваивают новый род войск. Естественно, их стереотип поведения – царская служба, а отнюдь не морские походы «за зипунами». На примере жизни А.А. Карпова мы видим, как меняются и сама донская казачья верхушка, и ее ценности.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература

Арзамасцев – Арзамасцев И.В. Мемуары Людвика Ельского и его взгляд на бои на Старой Смоленской дороге и в Бородинском сражении. [Электронный ресурс]. URL: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/4_Arzamastsev_I.V.pdf (дата обращения: 01.06.2021).

Безотосный, 1999 – Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М.: РОССПЭН, 1999. 192 с.

Венков, 2013 – Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013. 368 с.

Венков, 2014 – Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2014. 480 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Донцы XIX века, 1907 – Донцы XIX века: [биографии и материалы для биографий донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и пр.]. Т. 2. [Новочеркасск, 1907]. 309 с.

Донцы-кавалеры, 1911 – Донцы-кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия: 1775–1908 г. М.: Типография М.Г. Сазонова, 1911. 95 с.

Записки донского атамана, 2000 – Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 2000. 253 с.

Коршиков, 1999 – *Коршиков Н.С.* Из истории донского дворянства // Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону: Логос, 1999. С. 226-243.

Корягин, 1999 – *Корягин С.В.* Рубашкины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 6. М.: Пробел, 1999. 96 с.

Корягин, 2014 – *Корягин С.В.* Русско-турецкая война. 1806–1812 (период 1806–1809). Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 113. М.: Древлехранилище, 2014. 605 с.

Потто, 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Т. 1. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 672 с.

Преснухин, 2011 – *Преснухин М.* «Бог войны» на Дону: конная артиллерия Донского казачьего войска // *Родина*. 2011. № 7. С. 19-21.

References

Arzamastsev – *Arzamastsev, I.V.* Memuary Lyudvika El'skogo i ego vzglyad na boi na Staroi Smolenskoj doroge i v Borodinskom srazhenii [Memoirs of Ludvik Yelsky and his view of the battles on the Old Smolensk Road and in the Battle of Borodino]. [Electronic resource]. URL: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/4_Arzamastsev_I.V.pdf (accessed on: June 1, 2021). [in Russian]

Bezotosnyi, 1999 – *Bezotosnyi, V.M.* (1999). Donskoi generalitet i ataman Platov v 1812 godu. Maloizvestnye i neizvestnye fakty na fone znamenitykh sobytii [Don generals and ataman Platov in 1812. Little-known and unknown facts against the background of famous events]. М.: ROSSPEN, 192 p. [in Russian]

Dontsy XIX veka, 1907 – *Dontsy XIX veka: [biografii i materialy dlya biografii donskikh deyatelei na poprishche sluzhby voennoi, grazhdanskoi i obshchestvennoi, a takzhe v oblasti nauk, iskusstv, literatury i pr.] [Residents of the Don of the XIX century: [biographies and materials for biographies of Don figures in the field of military, civil and public service, as well as in the field of sciences, arts, literature, etc.]. Vol. 2. [Novocherkassk, 1907]. 309 p. [in Russian]*

Dontsy-kavalery, 1911 – *Dontsy-kavalery ordena Svyatogo Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiya: 1775–1908 g. [The residents of the Don – the knights of the the Order of Saint George: 1775–1908]. М.: Tipografiya M.G. Sazonova, 1911. 95 p. [in Russian]*

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of Rostov region].

Korshikov, 1999 – *Korshikov, N.S.* (1999). Iz istorii donskogo dvoryanstva [From the history of the Don nobility]. Problemy istochnikovedeniya i otechestvennoj istorii (Pamjati A.P. Pronstejna) [Problems of Source Studies and National History (In memory of A.P. Pronstein)]. Ростов-на-Дону: Логос, pp. 226-243. [in Russian]

Koryagin, 1999 – *Koryagin, S.V.* (1999). Rubashkiny i drugie. Genealogiya i semeinaya istoriya donskogo kazachestva. Vyp. 6 [Rubashkins and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks. Issue 6]. М.: Probel, 96 p. [in Russian]

Koryagin, 2014 – *Koryagin, S.V.* (2014). Russko-turetskaya voina. 1806–1812 (period 1806–1809). Genealogiya i semeinaya istoriya donskogo kazachestva. Vyp. 113 [Russian-Turkish War. 1806–1812 (period 1806–1809). Genealogy and family history of the Don Cossacks. Issue 113]. М.: Drevlekhranilishche, 605 p. [in Russian]

Potto, 1994 – *Potto, V.A.* (1994). Kavkazskaya voina. Ot drevneishikh vremen do Ermolova [The Caucasian War. From ancient times to Yermolov]. Vol. 1. Stavropol': Kavkazskii krai, 672 p. [in Russian]

Presnukhin, 2011 – *Presnukhin, M.* (2011). «Bog voiny» na Donu: konnaya artilleriya Donskogo kazach'ego voiska [“God of War” on the Don: horse artillery of the Don Cossack Army]. *Rodina*. 7: 19-21. [in Russian]

Venkov, 2013 – *Venkov, A.V.* (2013). Kazaki protiv Napoleona. Ot Dona do Parizha [The Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris]. М.: Veche, 368 p. [in Russian]

Venkov, 2014 – *Venkov, A.V.* (2014). Ataman Voiska Donskogo Platov [Ataman of the Don Army Platov]. М.: Veche, 480 p. [in Russian]

[Zapiski donskogo atamana, 2000](#) – Zapiski donskogo atamana Denisova [Notes of the Don ataman Denisov]. SPb.: VIRI, 2000. 253 p. [in Russian]

Жизнь и служба Отечеству генерала А.А. Карпова

Андрей Вадимович Венков ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В Ростовской области с 2013 г. затягивается решение вопроса о перезахоронении останков трех донских казачьих генералов, героев войны 1812 г. – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова и генерал-майора Г.А. Дячкина. Их останки были обнаружены в Тарасовском районе Ростовской области учащимися и преподавателями Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса. Во время революции 1917 г. их прежние захоронения были разрушены и разграблены. Обнаруженные тела хаотично лежали вперемешку со строительным мусором. Все еще тянется процесс идентификации обнаруженных останков. Когда он завершится, донские генералы будут преданы земле согласно их статусу и заслугам. Данная статья дает краткую биографию одного из заслуженных донских генералов, чей прах пока еще не нашел успокоения. Исследуя его жизненный путь, мы обнаружили ряд проблем, связанных со становлением новой донской казачьей элиты, которая стала формироваться в конце XVIII – начале XIX вв.

Ключевые слова: казаки, служба, казачья элита, войны, донская артиллерия.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 95-101

DOI: 10.13187/rs.2021.2.95
<https://rs.cherkasgu.press>

The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 2

Marina Ch. Larionova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

V.I. Tumansky was considered an exclusively elegiac poet for a long time. However, Tumansky was an active participant in the literary life of the 1820–1830s and was in friendly relations with the future Decembrists. Staying in France, proximity to the French intelligentsia contributed to the formation of the socio-political views of Tumansky. During a European trip, he became close to V.K. Kühelbecker, who dedicated him the poem “To Tumansky”, later renamed “To Achates”, which reflected the poets’ general attitude to the Greek struggle for independence. Under the influence of Kühelbecker, his famous lecture on the Russian language, given in the Athenaeum, Tumansky wrote the poem “The Holy Union of Peoples”, which was a free translation of Berange’s poem “La Saint-Alliance des peuples”. The main idea of the poem is the unification of peoples as opposed to the “Holy Union” of monarchs. The anti-sefdom position of Tumansky is also close to the Decembrists. Tumansky’s poem is utopian in nature and embodies the idea of the “golden age”, as opposed to the real world, reality. Thus, we may confidently say that Tumansky was not a poet of the “pure art” as he actively participated in the public life of the 1820s.

Keywords: Tumansky, Kühelbecker, “To Tumansky”, “Holy Union of Peoples”, Decembrists.

1. Введение

Долгое время В.И. Туманского считали исключительно элегическим поэтом. Начало этому положил В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1844 году». С.Н. Браиловский позже писал о Туманском: он «правдиво и искренно передал мысли и чувства, навеянные случаями его жизни и подчас столь далекие от всяких “злоб дня”» (Браиловский, 1890: 12). А потом и советский литературовед Б. Мейлах причислил Туманского к поэтам «чистого искусства», мотивируя это тем, что поэзия определяется им как дар богов, нечто неземное, чуждое действительности (Мейлах, 1937: 166). Однако Туманский был активным участником литературной жизни 20-30-х гг. XIX в. и состоял в дружеских отношениях с будущими декабристами. Восстановлению литературной репутации поэта и посвящена эта статья.

2. Материалы и методы

Материалом статьи стали стихотворения В.И. Туманского, публикации в журналах «Сын отечества», «Благонамеренный», воспоминания современников поэта, архивные источники. В качестве исследовательской позиции избраны биографический и культурно-

* Corresponding author
 E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

исторический методы, которые позволяют на основе фактов биографии поэта «вписать» его в литературный и общественный контекст эпохи.

3. Обсуждение и результаты

В 1819 г. молодой поэт В.И. Туманский, чьи первые опыты уже обратили на себя внимание критики (Larionova, 2021), отправился за границу. Планы отъезда он строил еще в 1818 г., о чем писал в стихотворении «К друзьям детства»:

Я покидаю вас, о Лары красных дней!
 О кров родительской, прелестной,
 Где я в тиши расцвел, где я вкушал покой!
 О други с доброю душой!
 Я покидаю вас для дали неизвестной:
 Так долг святой велит! (Туманский, 1912: 58)

О сильном влиянии заграничного путешествия на выработку общественной позиции писали многие современники поэта. Знакомство с европейской цивилизацией в ходе войны 1812 года, европейский дух свободы, проникший в Россию, и возникшие вследствие этого тайные общества, составленные умеренно монархические и радикально республиканские конституции привели к тому, что «до смерти Александра I либерализм стал уже достоянием каждого мало-мальски образованного человека», как писал декабрист А.П. Беляев (Беляев, 1882: 155).

Существует немного документальных сведений о пребывании Туманского за границей. Известно, что сначала он отправился в Вену с сенатором П.П. Щербатовым, а затем – в Париж. Оттуда он сообщал в журнал «Благонамеренный» свои впечатления и знакомил читателей с новинками французского искусства. Так, в «Письме к издателю» он писал: «Выставление новых картин Французской школы в Королевский музей наделало много шума. Патриоты восхищаются множеством произведений любимых своих живописцев» (Туманский, 1819: 341). Лучшей картиной выставки Туманский счел «Пигмалиона и Галатею» Жироде: «Галатея – идеал божества. Легкость и нежность кисти, правильность и совершенство рисунков, выражение фигур отмечают сего славного художника-поэта» (Туманский, 1819: 342).

В «Письме к издателю» Туманский писал и о модном увлечении литографией. Стихотворение «Литография! ура!..», названное автором «водевиль», несмотря на шуточный тон, содержит идею, занимающую поэта с его первых литературных опытов. Это вопрос об отношении к войне:

Ныне наши бульвары –
 Вывеска кровавых дел:
 Здесь пожар известных сел,
 Дале – носятся гусары...
 ...Всюду Русские штыки
 Впереди Австрийских пушек,
 И карманные платки
 Полны воинских игрушек,
 Та, что девушка всегда,
 Следуя последней моде,
 Может даже и в народе,
 Без малейшего стыда,
 Смерть оплакивая брата,
 Слезы отереть порой
 Грудью Прусского солдата
 Или Козака ногой (Туманский, 1819: 342-343).

Скрытый смысл стихотворения становится понятен, если вспомнить, что оно появилось в период создания Священного союза трех держав – России, Австрии и Пруссии. Все они названы Туманским: «русские штыки», «австрийские пушки», «пруссский солдат». Священный союз призван был, прежде всего, подавлять всякое национальное революционное и освободительное движение.

Пребывание во Франции, близость к французской интеллигенции способствовали становлению общественно-политических взглядов Туманского. Он слушал лекции Кузена и Араго в «Коллеж де Франс», бывал на заседаниях общества «Атеней», где часто выступал Бенжамен Констан. Имя Констана было необыкновенно популярно у молодых российских дворян, из которых вышли будущие декабристы. П.А. Вяземский позже вспоминал, какое влияние оказывали речи Констана на молодежь: «Политическая трибуна представителей французского народа была в то время богата великими и красноречивыми ораторами. Я, грешный человек, особенно любовался и увлекался красноречием ораторов левой стороны: Бенжамена Констана, генерала Фуа, Казимира Перье и других передовых сподвижников конституционного порядка» (Вяземский, 1879: XVII). Поэтому, когда в Париж в 1821 г. приехал В. Кюхельбекер, он нашел в Туманском единомышленника.

Кюхельбекер отправился за границу после скандала в Вольном обществе любителей российской словесности, вызванного его стихотворением «Поэты» на высылку Пушкина из Петербурга, в качестве секретаря А.Л. Нарышкина, который к этому времени оставил пост Главного директора Императорских театров. Туманский познакомился с Кюхельбекером, видимо, на заседаниях Общества в 1818 г. Известно, что Кюхельбекер в это время приносил своим ученикам-пансионерам стихи Туманского, в частности, его элегию «Монастырь» (Вацуро, 1975).

О пребывании Кюхельбекера в Париже сохранилось немногим больше достоверных сведений, чем о Туманском. Последний фигурирует в записях Кюхельбекера как «старый знакомый», а его имя стоит в одном ряду с Констаном (Тынянов, 1968: 308). Можно думать, что Туманский бывал вместе с Кюхельбекером в обществе «Атеней», где тот читал цикл лекций о русской литературе, общался с издателями либеральной газеты «Минерва», в том числе с Бенжаменом Констаном. О степени духовной и идейной близости двух молодых поэтов свидетельствует стихотворение Кюхельбекера «К Туманскому», названное в поздней редакции «К Ахатесу». Стихотворение написано в связи с начавшейся в марте 1821 г. борьбой греков за национальную независимость против турок. Оно датировано апрелем того же года.

Очевидная близость политических взглядов автора и адресата и позднее название «К Ахатесу» определили ошибочное мнение М.В. Нечкиной, что стихотворение посвящено А.С. Грибоедову. Несмотря на неверную адресацию, приведем аргументацию исследователя, поскольку она характеризует близость автора стихотворения и его адресата: «Ахатес – Fidas Achates – друг Энея, верность которого стала символическим образом дружеской верности. Кто другой в эти годы, кроме Грибоедова, мог получить от Кюхельбекера столь лестное и высокое наименование? <...> Поэтому мне представляется правдоподобным, что стихи “К Ахатесу” адресованы именно Грибоедову, тем более что только что исколесивший Европу Кюхельбекер вполне может подойти под сравнение с Энеем. Если это так, то естественно сделать вывод, что Грибоедов и Кюхельбекер были одних политических настроений в бурные 1821–1822 гг. и оба горели желанием принять участие в борьбе. <...>

Ахатес, Ахатес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас? –
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, полетим на священную брань!
Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам

Лететь к Марафонским, святым знаменам!» (Нечкина, 1977: 250).

Трудно более убедительно показать общность двух молодых поэтов. Верно все, за исключением имени адресата. Туманский, совсем недавно переведивший письма о Греции Савари, не мог равнодушно отнестись к греческим событиям. Вполне вероятно, что стихотворение «К Туманскому» стало результатом реальных бесед Туманского и Кюхельбекера, который собирался отправиться в Грецию сражаться за независимость, и даже, возможно, их намерений:

Нет, нет! – не останусь в бесчестном я сне;
Прости! – я сказал гробовой тишине:
Уж ждет меня сладостный бой;

И пусть я паду, я паду как герой! –
и в вольность, и в славу, как я, ты влюблен;
Навек ты со мною душой сопряжен:
О друг, полетим же туда,
Туда, где восходит Свободы звезда! (Кюхельбекер, 1967: 620).

Название «К Ахатесу» возникло позже, вероятно, по возвращении поэта в Петербург. Адресат первоначальной редакции – реальный, конкретный человек: «Туманский, Туманский», «пламенный юноша», «мы Россы» и т.д. В «Ахатесе» он теряет индивидуальные черты, заменяется условным образом борца. При этом утраченной оказалась биографическая основа. «Ахатесы» – это все друзья лирического героя, все молодые, горячие его современники. В.Н. Касаткина заметила: В литературе появился новый романтический образ друзей – товарищей – сынов отечества – единомышленников, исповедующих возвышенные социальные, нравственные идеалы и реализующих свою высокую мораль в личных отношениях» (Касаткина, 1987: 103).

Под влиянием Кюхельбекера, его известной лекции о русском языке, прочитанной в «Атенее», Туманский написал стихотворение «Священный союз народов». Оно было прочитано на заседании Вольного общества любителей российской словесности 11 декабря 1822 г., одобрено большинством голосов, но не опубликовано. Текст этого стихотворения обнаружил В.Э. Вацуро и впервые опубликовал его в 1975 г. (Вацуро, 1975). Стихотворение представляет собой достаточно близкий перевод «La Saint-Alliance des peuples» Беранже, французского поэта, популярного в декабристском окружении. Политические стихи Беранже популяризировала и группа издателей журнала «Минерва» во главе с Б. Констаном. Туманский, не случайно выбрав для перевода именно это стихотворение, заострил и углубил его политическое содержание в связи с лекцией Кюхельбекера и антикрепостническими, антисамодержавными взглядами декабристов.

Основная идея стихотворения – объединение народов в противовес «Священному союзу» монархов. Декабристы отрицательно относились к участию России в «Священном союзе». П. Беляев, например, вспоминал: «много также нашему либерализму содействовали и внешние события, как-то: движение карбонариев, заключение Сильвио Пелико Австрией; отмененный поход нашей армии в Италию, показывающий, что и Россия была готова следовать за Австрией в порабощении народов» (Беляев, 1882: 155).

В отличие от Беранже Туманский назвал свое стихотворение гимном, гимном священному братству народов. Каждая строфа стихотворения заканчивается рефреном:

Народы – в славный круг! Как с братом брат,
Воздвигните союз священный!

Мысль о единении народов с целью отстаивания своих человеческих и гражданских прав высказана и в лекции Кюхельбекера: «наступило время, когда для всех народов существенно взаимное... знание того, до какой степени развились среди них идеи, порожденные веком и просвещением, идеи, которые совершают в настоящую минуту великий переворот в духовной и гражданской жизни человеческого рода и пророчат еще более значительную и всеобщую перемену» (Кюхельбекер, 1954: 374).

Рассуждая о всеобщем равенстве, Туманский возвращается к идее «вечного мира», особенно усилившейся в Европе после наполеоновских войн. В 1820 г. в Париже было создано «Общество для установления всеобщего и вечного мира». Находясь в Париже, Туманский мог узнать об этом.

Войной изнеможены
Германец, галл, и русский, и сармат!
Народы – в славный круг! Как с братом брат,
Воздвигните союз священный!
О смертные! вражда вас утомила,
И ваша жизнь – как вечный шум сует;
Равно землей судьба вас наделила
И всех равно вас греет солнца свет.
Но силою могущих увлечены,
Не видите вы милых сердцу трат.
Народы – в славный круг! Как с братом брат,

Воздвигните союз священный!

Позиция Туманского во многом совпадает с мнением Кюхельбекера, выраженным в лекции: «насилие, принуждение никогда не искоренят из человеческой души то, что в них развил ход времени» (Кюхельбекер, 1954: 374). И далее: «Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу захватчика и разрушителя» (Кюхельбекер, 1954: 380). Туманский развивает эту мысль: в том случае, когда не будут доверять свою судьбу самовластным правителям:

Да ваша кровь не льется повсечастно
По манию насильственных знамен.
Земных светил явления мгновенны,
Сверкнув на миг, лишь миг они страшат.
Народы – в славный круг! Как с братом брат,
Воздвигните союз священный!

Близкой декабристам оказывается и антикрепостническая позиция Туманского. Кюхельбекер с горьким возмущением отзывался о современном состоянии России: «В России крепостное состояние еще не было установлено, русский крестьянин был свободным на своей усадьбе в те века, когда феодализм держал в рабстве земледельцев во всей остальной части Европы... Зачем Петр I... опозорил цепями рабства наших землепашцев... Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастье моей родины...» (Кюхельбекер, 1954: 380). Об этом пишет и Туманский:

При зареве горящих ваших кущей
Воители, в свирепости своей,
Осмелились десницею могущей
Считать, клеймить, как собственность, людей.
Бессильные, на жертву обречены,
Вы цепь на цепь меняете стократ.
Народы – в славный круг! Как с братом брат,
Воздвигните союз священный!

На специфически русское, по сравнению с Беранже, содержание приведенной строфы справедливо указал В.Э. Вацуро в комментарии к этому стихотворению. Так, в первой строфе появляется сармат (у Беранже – бельгиец). Это прямая отсылка к насущному для России вопросу о Польше. В оригинале властители считают пленных, которых обрек им кровавый триумф. Народ – слабое стадо – бредет от тяжелого ярма к ярму бесчеловечному. Строка Туманского «считать, клеймить, как собственность, людей» не передает мысль оригинала о подсчете пленных, но воспринимается в контексте русской антикрепостнической поэзии. Кроме того, уподобление «народ – стадо» невозможно для Туманского. Он передает метафору Беранже традиционным «высоким» поэтизмом в духе гражданской лирики: «на жертву обречены, вы цепь на цепь меняете стократ» (Вацуро, 1975: 279).

К моменту написания «Священного союза народов» Туманский определенно был знаком и с антикрепостническими стихотворениями Пушкина. «Вольность» и «Деревня» получили широкое распространение. Картина рабства, нарисованная Туманским, уже была изображена Пушкиным. Своим стихотворением Туманский будто отвечает на пушкинский вопрос – взойдет ли «прекрасная заря» над «отечеством свободы просвещенной»:

Да отдохнет в свободе мир усталый;
Засейте вновь забытые поля,
На прошлое набросьте покрывало,
И песнями утешится земля.

4. Заключение

Стихотворение Туманского имеет утопический характер и воплощает мысль о «золотом веке», в противовес реальной действительности. Оно по проблематике и поэтическому языку включается в декабристскую поэзию. Дружеские отношения с Кюхельбекером Туманский поддерживал до трагических событий 1825 г. Таким образом, можно уверенно говорить, что Туманский не был поэтом «чистого искусства», он активно

участвовал в общественной жизни 20-х гг. XIX в. О его отношениях с К.Ф. Рылеевым и кругом «Полярной звезды» мы расскажем в следующей статье.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

Беляев, 1882 – *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном (1805–1850). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882. 507 с.

Браиловский, 1890 – *Браиловский С. В.И.* Туманский. Биографический и историко-литературный очерк с приложением неизданных произведений поэта. СПб.: Пантеон литературы, 1890. Отд. оттиск. 48 с.

Вацуро, 1975 – *Вацуро В.* «Священный союз народов» // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 265-280.

Вяземский, 1879 – *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб.: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1879. 450 с.

Касаткина, 1987 – *Касаткина В.Н.* Поэзия гражданского подвига. Литературная деятельность декабристов. М.: Просвещение, 1987. 240 с.

Кюхельбекер, 1954 – *Кюхельбекер В.К.* Лекция о русской литературе и языке, прочитанная в Париже в 1821 г. // Декабристы-литераторы: Литературное наследие. Т. 59. Кн. I. М.: АН СССР, 1954. С. 345-380.

Кюхельбекер, 1967 – *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Советский писатель, 1967. 666 с.

Мейлах, 1937 – *Мейлах Б.С.* Пушкин и русский романтизм. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 293 с.

Нечкина, 1977 – *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература, 1977. 735 с.

Тынянов, 1968 – *Тынянов Ю.* Французские отношения В.К. Кюхельбекера. Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе // Тынянов Ю. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 295-329.

Туманский, 1819 – *Туманский В.И.* Письмо к издателю // Благонамеренный. 1819. № 23-24. С. 341-343.

Туманский, 1912 – *Туманский В.И.* Стихотворения и письма / Ред., биогр. очерк и примеч. Браиловского С.Н. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 434 с.

Larionova, 2021 – *Larionova M.Ch.* The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 1 // *Russkaya Starina*. 2021. № 12(1). Pp. 13-19.

References

Belyaev, 1882 – *Belyaev, A.P.* (1882). Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom (1805–1850) [Memoirs of the Decembrist about the experience and enumerated (1805–1850)]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 507 p. [in Russian]

Brailovskii, 1890 – *Brailovskii, S.* (1890). V.I. Tumanskii. Biograficheskii i istoriko-literaturnyi ocherk s prilozheniem neizdannykh proizvedenii poeta [V.I. Tumanskij. Biographical and historical and literary essay with the application of unreleased works of the poet]. SPb.: Panteon literatury, Otd. ottisk. 48 p. [in Russian]

Kasatkina, 1987 – *Kasatkina, V.N.* (1987). Poeziya grazhdanskogo podviga. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov [Poetry of civil feat. Literary activities of the Decembrists]. M.: Prosveshchenie, 240 p. [in Russian]

Kyukhel'beker, 1954 – *Kyukhel'beker, V.K.* (1954). Lektsiya o russkoi literature i yazyke, pročitannaya v Parizhe v 1821 g. [Lecture on Russian literature and language, given in Paris in 1821]. Dekabristy-literatory: Literaturnoe nasledstvo [The Decembrists-Literalists: A Literary Heritage]. Vol. 59. Book. I. M.: AN SSSR, pp. 345-380. [in Russian]

Kyukhel'beker, 1967 – *Kyukhel'beker, V.K.* (1967). Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1 [Selected works: In 2 vols. Vol. 1]. M.; L.: Sovetskii pisatel', 666 p. [in Russian]

Larionova, 2021 – Larionova, M.Ch. (2021). The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 1. *Russkaja starina*. 12(1): 13-19.

Meilakh, 1937 – Meilakh, B.S. (1937). Pushkin i russkii romantizm [Pushkin and Russian romanticism]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 293 p. [in Russian]

Nechkina, 1977 – Nechkina, M.V. (1977). Griboedov i dekabristy [Griboedov and Decembrists]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 735 p. [in Russian]

Tumanskii, 1819 – Tumanskii, V.I. (1819). Pis'mo k izdatelyu [Letter to Publisher]. *Blagonamerennyi*. 23-24: 341-343. [in Russian]

Tumanskii, 1912 – Tumanskii, V.I. (1912). Stikhotvoreniya i pis'ma. Red., biogr. ocherk i primech. Brailovskogo S.N. [Poems and letters. Editor, biographical sketch and notes by S.N. Brailovsky]. SPb.: A.S. Suvorin, 434 p. [in Russian]

Tynyanov, 1968 – Tynyanov, Yu. (1968). Frantsuzskie otnosheniya V.K. Kyukhel'bekera. Puteshestvie Kyukhel'bekera po Zapadnoi Evrope [French relations V.K. Kjuhel'beker. Kjuhel'beker's journey to Western Europe]. Tynyanov, Yu. Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and his contemporaries]. M.: Nauka, pp. 295-329. [in Russian]

Vatsuro, 1975 – Vatsuro, V. (1975). «Svyashchennyi soyuz narodov» [“The Holy Union of Peoples”]. *Literaturnoe nasledie dekabristov* [Literary Heritage of the Decembrists]. L.: Nauka, pp. 265-280. [in Russian]

Vyazemskii, 1879 – Vyazemskii, P.A. (1979). Polnoe sobranie sochinenii: v 2 t. T. 2 [Complete collected works: In 12 vols. Vol. 2]. SPb.: izd. gr. S.D. Sheremeteva, 450 p. [in Russian]

Забывший поэт пушкинской эпохи. Часть 2

Марина Ченгаровна Ларионова ^{а,*}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Долгое время В.И. Туманского считали исключительно элегическим поэтом. Однако Туманский был активным участником литературной жизни 20–30-х гг. XIX в. и состоял в дружеских отношениях с будущими декабристами. Пребывание во Франции, близость к французской интеллигенции способствовали становлению общественно-политических взглядов Туманского. Во время европейского путешествия он сблизился с В.К. Кюхельбекером, который посвятил ему стихотворение «К Туманскому», позже переименованное на «К Ахатесу» и отразившее общее отношение поэтов к борьбе греков за независимость. Под влиянием Кюхельбекера, его известной лекции о русском языке, прочитанной в «Атенеи», Туманский написал стихотворение «Священный союз народов», явившееся вольным переводом стихотворения Беранже «La Saint-Alliance des peuples». Основная идея стихотворения – объединение народов в противовес «Священному союзу» монархов. Близкой декабристам оказывается и антикрепостническая позиция Туманского. Стихотворение Туманского имеет утопический характер и воплощает мысль о «золотом веке», в противовес реальной действительности. Таким образом, можно уверенно говорить, что Туманский не был поэтом «чистого искусства», он активно участвовал в общественной жизни 20-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Туманский, Кюхельбекер, «К Туманскому», «Священный союз народов», декабристы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 102-111

DOI: 10.13187/rs.2021.2.102
<https://rs.cherkasgu.press>

National Issue on the Pages of the Taganrog Newspaper “Prizyv”

Oleg A. Grom ^{a, *}

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
 Russian Federation

Abstract

The article deals with the publications of the newspaper “Prizyv” (“The Appeal”), which is practically not studied in the historiography. “Prizyv” was the first periodical in the Region of the Don Host with strongly pronounced nationalist tendency, printed in Taganrog in 1910–1911. The newspaper propagated so called “economic nationalism” based on the idea of the struggle of Russians with foreigners (“inorodtsy”) in trade, industry and agriculture. The Jews, who composed a negligible minority in the region, living mostly in two cities, Taganrog and Rostov-on-Don, were treated by the “Prizyv” newspaper as the main antagonists of the “Russian case”. The right-wing publicists imputed to the Jews great ascendancy, especially in the sphere of mass-media. The Armenian problem in the Don was reflected in the debates on the on the so called “Nakhichevan Question” – the project of the accession of Nakhichevan to Rostov-on-Don, which, both right-wing and “progressist” newspapers, were interpreted as a confrontation between the Armenian and Russian parties. The “Prizyv” authors considered the Don Ukrainians (Little Russians), along with the Cossacks, to be an integral part of a great Russian nation, however, unlike most of their colleagues from the nationalist camp in other regions, they left them the right to their own cultural and linguistic identity. Among other non-Russians from the Don and Azovia region (Germans, Greeks, Molokans, etc.), only the Greeks were described as a purely positive element, whose existence did not contradict the “tasks of Russian statehood”. The newspaper was closed at the beginning of 1911 due to the plans for the transformation of the publication “Rostovskiy-na-Donu Listok” (Rostov-on-Don Leaflet) into the regional daily newspaper of nationalist orientation.

Keywords: non-Russians, Don region, Nationalism, National Question, Periodicals, “Prizyv”.

1. Введение

Начало XX в. стало временем бурного роста периодической печати в России. Вызванные революцией 1905–1907 гг. отмена предварительной цензуры и упрощение порядка регистрации новых изданий привели к значительному росту числа газет и журналов, а также к расширению спектра их социально-политических направлений (Махонина, 2011: 25). Печать освещала широкий круг проблем, актуальных в условиях стремительной модернизации Российской империи в целом, таких, как экономика, политика, местное самоуправление, культура и т.д. Среди важнейших, волновавших русскую

* Corresponding author
 E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

читающую и пишущую публику, был и национальный вопрос, на общеимперском уровне звучавший в контексте Финляндии, Польши и других окраин. Дебаты по этим проблемам неизбежно проецировались и на местные реалии. Авторы статей в региональных и городских газетах реагировали на события, происходившие в общинах «инородцев» Области войска Донского (ОВД), вступали в полемику по поводу межэтнических взаимоотношений и прав различных этнокультурных групп.

ОВД редко рассматривалась в ряду «национальных окраин», так как согласно господствовавшей идеологии большой русской нации малороссы, великороссы и казаки совокупно составляли, по данным переписи 1897 г., более 95 % населения области. Но в то же время, ряд публицистов начала XX в., вне зависимости от того, были ли они сторонниками концепции «большой русской нации» или нет, рассматривали эти группы как вполне самостоятельные, обладающие собственной этнокультурной спецификой и отличными от других интересами в сфере культуры и экономики. По отдельности казаки (лица, приписанные к казачьему сословию), составляли 40 % населения ОВД, малороссы – 28 %, великороссы (за вычетом казаков) – 27 %. Среди «инородцев» наиболее заметными были немцы (1,36 %), калмыки (1,26 %), армяне (1 %) и евреи (0,6 %). В городах доля армянского и еврейского населения была выше (*Первая всеобщая перепись, 1905: 78-82*).

Публикации в донских газетах по околонациональной проблематике можно разделить на две группы: обсуждение общеимперских, теоретических вопросов и собственно межнациональные отношения в ОВД. Статьи на национальную тематику не были доминирующими в крупных ежедневных газетах, таких, как «Приазовский край», «Южный телеграф», «Таганрогский вестник» и т.д., и появлялись лишь эпизодически. При этом материалы, связанные с общеимперскими сюжетами, доминировали. Однако это не являлось следствием какой-либо местной специфики – аналогичная ситуация была характерной и для большинства массовых русских провинциальных изданий, в том числе и выходивших на «классических» национальных окраинах, где нерусские составляли более заметную долю населения, чем в ОВД, а соответствующие «национальные вопросы» стояли более остро.

Среди наиболее значимых всплесков интереса к национальному вопросу в «прогрессивных» газетах Дона и Приазовья можно выделить, например, полемику между А.Б. Тараховским и одним из лидеров таганрогских октябристов П. Неклюдовым по вопросу о роли инородцев в революционных событиях (*Приазовский край, 1906. № 4: 3; № 12: 3-4*), а также серию публикаций по вопросу о сущности русского национализма и отношения русских к инородцам в «Таганрогском вестнике» в 1912 г. (*Таганрогский вестник, 1912. № 17: 3; № 21: 3; № 23: 3*). Кроме того, крупные газеты постоянно следили за событиями в националистическом лагере, как на имперском уровне, так и на местном. Редкий номер «Приазовского края» или «Таганрогского вестника» обходился без заметок в стиле «У союзников», «Националисты», рассказов о деятельности правых в Думе и «выходках» крупных лидеров русских националистов, таких, как А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич, М.О. Меньшиков и т.д. Это объясняется, с одной стороны, общим информационным фоном центральных газет, влиявшим на региональные и городские издания, стремившиеся «быть в тренде», с другой, тем, что в прогрессивных изданиях на окраинах среди сотрудников был довольно высокий процент «инородцев», в ОВД, прежде всего, евреев и армян, остро реагировавших антиинородческую риторику правых.

Особняком стояли правые издания, изначально специализировавшиеся на национальной тематике. Как правило, это были газеты и журналы, аффилированные с националистическими и черносотенными организациями, такими, как Всероссийский национальный союз или Союз русского народа. Наиболее значимыми правыми изданиями в регионе были черносотенный «Стяг» (1907), «Ростовский-на-Дону листок» (1909–1917) и «Призыв» (1910–1911).

2. Материалы и методы

Источником для написания данного исследования выступает издававшаяся в Таганроге в 1910–1911 гг. «еженедельная краевая газета Приазовья и Донской области» «Призыв». Это издание до сих пор остается преимущественно вне поля зрения исследователей. В местной краеведческой литературе газета упоминается редко и, как правило, в связи с личностью одного из ее вдохновителей, краеведа, публициста

и общественного деятеля А.М. Грекова (Цымбал, 2014; Цымбал, 2015). В статье С.В. Крамской газета упоминается в ряду других правых изданий ОВД, однако непосредственно к материалам газеты автор не обращается, ограничившись анализом «Ростовского-н/Д листка» и просуществовавшей несколько месяцев черносотенной газеты «Стяг» (Крамская, 2016: 152). Ряд публикаций «Призыва», касающихся «немецкого засилья» в сельском хозяйстве ОВД, использован в диссертации О.В. Ерохиной (Ерохина, 2011). Пожалуй, единственной крупной работой, в которой содержание газеты анализируется в контексте формирования националистических организаций на Дону и дебатов по «казачьему вопросу», является монография Б.С. Корниенко «Правый Дон» (Корниенко, 2013: 38-40).

Первый номер «Призыва» вышел 21 февраля 1910 г. (рис. 1). Издателем газеты был Николай Васильевич Кутейников, казачий сотник, дворянин, почетный мировой судья Таганрогского окружного суда. Однако фактическим редактором газеты был известный донской публицист Андрей Михайлович Греков (Греков, 1912: 7). В газете печатались авторы из Таганрога, Новочеркасска и Ростова-на-Дону, причем последние доминировали.

3. Обсуждение и результаты

В программной статье «Призыва» заявлялось, что одной из основных бед России, мешающих ее обновлению, является упадок патриотизма. В то же время, по мнению издателей газеты, местная печать на 90 % находится в «нерусских руках». Исправить это положение была призвана новая «национальная» газета (Призыв, 1910. № 1: 1).

Рис. 1. Страница первого номера газеты «Призыв»

В статье «Проблема национализма и наша задача» издатели газеты подчеркивали запутанность самой постановки вопроса о национализме в русской прессе. Они предлагали «махнуть рукой» на «расколы северян» (имеется в виду националистическая печать Москвы и Петербурга) и «заняться самым выработкою самостоятельных, по мере разумения нашего, определений и директив в этом вопросе». По мнению кружка издателей газеты, истинный национализм чужд «партийности» и крайних проявлений, различного рода «фобий». Они попытались отмежеваться от деятельности Всероссийского национального союза, так как эта партия, с их точки зрения, рассматривала национализм вне экономического контекста и вывела вопрос в политическое русло. «В лагере, где незыблемо установился девиз “Россия – для русских”, – писала газета, – к нам могут повернуть спину, как к людям, допускающим принцип известных соглашений (не слияний) с инородцами» (Призыв, 1910. № 1: 2). Этот момент отличал «таганрогских националистов» от петербургских и националистов большинства других окраин, крайне неохотно смотревших на перспективы уступок инородцам. Вероятно, в этом нашел отражение полиэтничный характер ОВД в целом и приазовских городов, в частности, где «инородцы», великороссы, малороссы и казаки издавна были переплетены нитями экономических, культурных и зачастую родственных связей.

Ключевым для газеты стал тезис о том, что истинный национализм – это «национализм, поставленный на экономическую или культурную почву». Суть культурной составляющей национализма сводилась к следующей формуле: «любить свои национальные черты; стремиться всячески проявлять наши дарования в творчестве; беречь и культивировать родной наш язык, литературу и искусство, их национальные черты; гордиться успехами русского гения среди других народов; защищать все свое русское от осмеяний публичного свойства; требовать побольше уважения к русскому имени, добиваться национального самосознания; воссоздавать в душе своей как величайшую святыню народа и жизни – религию, культ чудного православного мирозерцания; популяризировать древне-русское искусство, богатейство, былины, живопись, старину и т.д. и т.п.» (Призыв, 1910. № 1: 2).

Экономическая составляющая понималась как «экономическое самоопределение» народов. Здесь газета сразу обозначила предел того, с какими этническими группами сотрудничество донских националистов возможно, а с какими нет: «мы, вероятно, не встретим симпатий лишь со стороны более богатых, более сильных и культурных инородческих групп нашего края, во главе с такими яркими националистами, как евреи, от которых и ожидаем больше всего “ярлыков”, между тем как по существу дела относясь с полным уважением к их национализму и желая даже подражать им, мы вправе были бы ожидать такового и от них» (Призыв, 1910. № 1: 3). Мотив «учиться национализму» и национальной консолидации у евреев, равно как и у других национальных движений, был достаточно характерным рефреном всей русской националистической публицистики. При этом если обратиться к материалам менее предвзятых по отношению к евреям изданий, то можно прийти к выводу, что «еврейская сплоченность» была не более чем мифом.

Из этих программных установок следовало, что аудиторией газеты станет «коренная масса населения, преимущественно средние и мелкие его классы – торговцы, крестьяне, промышленники, экономическим интересом коих угрожают более сильные и старые культурные нации, сильные капиталами, сплоченностью, солидарностью» (Призыв, 1910. № 1: 3).

В либеральном дискурсе начала XX в. за русскими националистами закрепились репутация противников прогресса, сторонников идеи консервации отживших форм общественного устройства и экономического уклада. Уже в программной статье «Призыва» таганрогские националисты попытались отмежеваться от отождествления их с черносотенцами, а риторика «экономического национализма» была призвана убедить читателей в этом. Отвечая «нашей космополитствующей интеллигенции», не различавшей национализм и черносотенство, газета писала: «Призыв к культурному национализму и экономическому объединению русских людей на почве творческой любви к “своему” есть такой же, надеемся, фактор общественного прогресса и истории, как и усиленные “самоопределения”, коими заняты другие народности России» (Призыв, 1910. № 1: 2). Не отказываясь от идеи «уберечь исторические и культурно-бытовые заветы русской

народности», издатели «Призыва» приветствовали «всякое прогрессивное начинание, откуда бы оно ни исходило» (Призыв, 1910. № 1: 4).

Важным для публицистов «Призыва» являлся вопрос о том, кто составляет категорию «русских» и, в частности, русских националистов. С одной стороны, постулировалось, что русские интересы могут отстаивать только русские люди, к которым, помимо великороссов, причислялись малороссы и казаки. Газета писала: «Каждый народ в России, по нашему глубокому убеждению, имеет свое собственное национальное лицо, воплощает свою духовную личность в какие-либо святыни: не может, поэтому напр., еврей, охранять искренно устои нашей святыни, для которой нужны не только знания, но и *вера*, не только “чувство интеллигентности”, но и *чувство народности*» (Призыв, 1910. № 1: 2). С другой стороны, в статье «Еще о задаче», подписанной псевдонимом «Старый журналист», за которым скрывался Андрей Михайлович Греков (1861–1912) (Борзенко, 2008), говорилось, что «в интересах имперской государственности мы должны дать место среди “своих” и тем обрусевшим инородцам, которые, не являясь носителями чистых начал нашей народности, по духу являются полными нашими единомышленниками» (Призыв, 1910. № 1: 4). Основным «чужим» на страницах газеты станут евреи, что было характерно для правой, националистической периодики. Второй по значимости группой антагонистов донских националистов станут армяне, игравшие заметную роль в культурной, экономической и интеллектуальной жизни Ростова и Нахичевани.

ОВД не входила в черту еврейской оседлости, однако заметное еврейское население было в Ростове и Таганроге, оно осталось «в наследство» от эпохи, когда эти города входили в состав Екатеринославской губернии. Евреи играли важную роль в торговой и культурной жизни приазовских городов. В еврейском вопросе публицисты «Призыва» старались, особенно на первых порах, не выходить за рамки «экономического национализма», рассказывая преимущественно о конфликтах интересов русских и еврейских торговцев, а также о «еврейском засилье» в печати. Однако со временем антисемитская риторика стала выходить за рамки сугубо экономической, газета скатывалась до «измерения черепов» и прочих пассажей в духе «Протоколов сионских мудрецов», характерных для русской черносотенной прессы в целом (Призыв, 1910. № 19: 3). Но все же главным в «еврейском вопросе» признавалась борьба за умы читающей публики. Газета уверяла читателей, что русским торговцам тяжело конкурировать с евреями, а основной причиной этого является то, что местная печать находится в руках евреев. Так, из трех ежедневных ростовских газет, по мнению авторов «Призыва», две были еврейскими, а одна армянской (Призыв, 1910. № 30: 7). Таганрогские газеты также обвинялись в служении «еврейскому делу». Причем если «еврейскую» «Приазовскую речь» упрекали в чрезмерном «охранении чистоты православия» (в газете постоянно публиковались материалы про скандалы, связанные с православной церковью и такими личностями, как Распутин, Илиодор, прот. Воторгов и т.д.; обращение к этим сюжетам было характерной чертой всей тогдашней еженедельной периодики), то «русская газета» «Таганрогский вестник» провинилась в чрезмерном интересе к делам местной еврейской общины (Призыв, 1910. № 19: 6-7).

Помимо «еврейского вопроса» публицисты «Призыва» высказывались и по другим темам, связанным с этническими группами ОВД, среди которых наиболее многочисленной были украинцы, составлявшие большинство населения западной части региона. Украинское движение на Дону было менее развитым, чем в малороссийских и новороссийских губерниях, однако в 1910 г. в Новочеркасске действовал филиал общества «Просвита» (Племя, 1995), а в городах, так или иначе тяготевших к сельской местности с преимущественно малороссийским населением, огромной популярностью пользовались выступления украинских театральных трупп. Местные газеты постоянно публиковали объявления и отчеты о концертах «малороссов».

В отличие от таких известных своей антиукраинской позицией изданий, как «Киевлянин» или «Окраины России», отношение «Призыва» к особой украинской/малороссийской идентичности было достаточно спокойным. В газете время от времени появлялись вставки и даже отдельные статьи на украинском языке (Призыв, 1910. № 3: 2-3). Примечательно, что издатели газеты во многих случаях при передаче малороссийской речи пользовались не только «ярыжкой» (что было типично для

большинства правых изданий Российской империи), но и «кулишовкой», более характерной для адептов украинского националистического дискурса.

В заметке «Инородцы ли малороссы?» прослеживаются отголоски дебатов по поводу причисления украинских организаций к инородческим в стольпинском циркуляре от 20 января 1910 г. и думских дебатов по этому поводу. Автор заметки призывает ответить презрением тем русским, кто пытается сеять рознь среди «неделимого единого русского народа», частью которого являются малороссы (Призыв, 1910. № 3: 2).

Украинцы, наряду с «донцами» и великороссами неизменно включались в категорию «наших». Однако таганрогские националисты не настаивали на полной гомогенизации разных «разновидностей русских». Так, в статье «Диспут о “сугубой аллилуйе” или русские ли малороссы?», подписанной псевдонимом Гр-ко, утверждалось, что в России есть только «одна этнографическая разновидность, которая выработалась и продолжает вырабатываться в процессе культурно-исторического развития страны. Эта разновидность есть *общерос*, который не есть ни великоросс, ни малоросс, ни немец, ни татарин, а продукт совместной исторической жизни и взаимных влияний всех элементов, составляющих Россию» (Призыв, 1910. № 3: 3). «Общерос» – это результат исторически закономерного подчинения «низших» культур «высшим», продукт естественного стремления большинства народов России, в то время как местные и национальные особенности – это лишь «этнографический материал, которые перерабатывается в общероссов». Автор статьи настаивал на том, что для развития малороссийской особой культуры, быта, народного духа и т.д. нет никаких преград, так как, в отличие от 70-х гг. XIX в. (время принятия запретительных мер в отношении украинского языка), в начале XX в. даже допускаются малороссийские школы. Будущее украинской самобытности, по мнению автора, «зависит всецело от их собственных усилий, способностей и симпатий к самобытности, если они есть» (Призыв, 1910. № 3: 4). Более того, Гр-ко подчеркивал, что культурное и экономическое развитие малороссов может и должно сопровождаться развитием их особых черт характера и народного духа, однако оговаривался, что только тех черт, которые являются положительными «с точки зрения русской государственности». Если же интересы малороссийской культуры не будут входить в противоречие с интересами государства, то автор не видел проблемы даже во введении малороссийских школ и развития малороссийской прессы (Призыв, 1910. № 3: 4). Таким образом, «Призыв» в освещении украинского вопроса заметно выделялся на фоне многих других правых изданий России.

Определенный интерес представляет обращение «Призыва» к «армянскому вопросу», выразившееся в серии публикаций по теме проекта присоединения Нахичевани-на-Дону к Ростову. В начале февраля 1910 г. гласный ростовской думы И.С. Кошкин возбудил ходатайство о присоединении города к Ростову. Предложение было поддержано ростовским головой Е.Н. Хмельницким. Нахичеванская дума отнеслась крайне негативно к этой идее, обвинив ростовчан в попытках захвата города, прикрываемых «узконациональной» риторикой (Приазовская речь, 1910. № 84: 3). Интересно здесь использование нахичеванской стороной термина «узконациональный», применявшегося в бюрократическом языке начала XX в. исключительно по отношению к тем или иным претензиям нерусских народов.

В мае 1910 г. в «Призыве» была опубликована статья «Нахичеванский вопрос», автор которой иронизировал по поводу попыток инородцев и выступивших в их защиту «космополитствующих кадетоидов» отстоять «автономную армянскую республику». Он сравнивал вопрос о «слиянии» двух городов с активно обсуждавшимся в тогдашней печати финляндским вопросом: «Ни дать ни взять – ламентации финляндцев; не достает лишь коллективного вмешательства Европы в Нахичеванский вопрос». По мнению автора заметки, привилегии были даны армянам для развития некогда пустынного края, однако этого развития не произошло и армяне, прикрываясь особым статусом Нахичевани, только паразитируют за счет «русского Ростова». Выступая сторонником идеи «русификации» Нахичевани посредством присоединения ее к Ростову, он приводит пример ликвидации «греческой республики», существовавшего в первой половине XIX в. Мариупольского греческого округа, в 1852 подчиненного общероссийским законам (Призыв, 1910. № 11: 7).

По мнению публицистов «Призыва», слиянию Нахичевани с Ростовом препятствовало именно армянское меньшинство, контролировавшее не только Нахичеванскую, но и, совместно с евреями, ростовскую массовую печать (Призыв, 1910. № 16: 7). Вопрос о статусе

города подавался, таким образом, как национальный или в духе «экономического национализма», проповедовавшегося газетой, как противостояние интересов инородческого и русского капиталов.

В статье Окшы (псевдоним ростовского фельетониста Сергея Даниловича Окулича) (Борзенко, 2008) проводилась мысль, что революция 1905 г. стала экзаменом на верность для инородцев России. Донские же армяне, по его мнению, этот экзамен провалили, так как они оказались в рядах оппозиции и массово образовывали общества и партии, «враждебные русской государственности». В связи с этим Окулич писал: «Можно ли и должно ли терпеть ту аномалию, тот государственный анахронизм, чтобы кучка народа, в корне враждебного нам, русским, владея клочком русской земли, распоряжалась в нем, командуя почти 30 тысячами русских» (Призыв, 1910. № 30: 5-6).

Интерес в контексте дебатов о донских армянах представляет статья «Нахичеванский вопрос». Цифры и фрагменты текста из статьи встречаются в книге А.М. Грекова «Приазовье и Дон», что указывает на его возможное авторство. По мнению автора, армяне, переселенные на казачьи земли, десятилетиями подрывали благосостояние Юга и государственной казны, а сам «инородческий Нахичевань» был средством отвлечения донцов от моря. Армян, по его мнению, в Нахичевани насчитывалось всего 6000, в то время как русское население достигло уже 35 тыс., но армяне, будучи владельцами более дорогих домов, диктовали свою волю русскому населению, которое якобы желало слияния с Ростовом. Однако, стоит заметить, что данные о численности нахичеванских армян, приводимые Грековым и другими публицистами «Призыва», вызывают ряд сомнений. Так, в 1904 г. в городе насчитывалось 20,8 тыс. армян, притом, что русских – 10,8 тыс. человек (Зайцева, 2005: 135-136). В других изданиях фигурировали разные цифры. Тот же Окша-Окулич в «Ростовском-на-Дону листке» писал о 28 тыс. русских и 12 тыс. армян (Ростовский-на-Дону листок, 1910. № 34: 3). Согласно «Ответу Нахичеванской управы на прошение 35 жителей Ростова о слиянии городов» армянская сторона в целом соглашалась с такой оценкой (Ростовский-на-Дону листок, 1910. № 43: 2). Проблема заключалась в том, что русское население было сконцентрировано на неблагополучных и неблагоустроенных окраинах города, что давало повод для различного рода статистических манипуляций.

К другим народам, населявшим Дон и Приазовье в начале XX в., сотрудники «Призыва» относились преимущественно с антипатией, приводя аргументы экономического характера. Так, в статье «Антинациональная политика» говорилось, что «Юг наш, Приазовье и Донщина стонут от тесноты... Зато купаются в многоземелье немцы, менониты, армяне, антинародные лендлорды новейшей формации – тавричане» (Призыв, 1910. № 2: 1). В газете постоянно публиковались статьи о «засилье» иностранцев разного происхождения, преимущественно немцев-колонистов и бельгийцев, в промышленности и сельском хозяйстве. Крайне негативно группа «Призыва» относилась к немцам, проживавшим в пределах Таганрогского и Ростовского округов. Им вменялось в вину, что они захватывают лучшие земли, ведут более эффективное хозяйство и, самое страшное, «упорно сохраняют свою национальную обособленность от русского народа, к которому они... относятся враждебно, с гордостью и презрением» (Призыв, 1910. № 19: 1). Кроме того, немцы воспринимались националистами как потенциальная пятая колонна, призванная сыграть свою роль в случае войны с Германией (Призыв, 1910. № 19: 3).

Среди диаспорных народов, населявших край, пожалуй, только грекам был открыт путь к сотрудничеству с русскими националистами, о котором они заявили в первых номерах газеты. «Из всех инородцев, живущих в России, – писала газета, – греки ближе всех к нам: во-первых, они православные и, во-вторых, в период несчастной нашей революции они были в стороне, или большею частью действовали заодно с русской национальной партией». Подчеркивалось, что из всех «освобожденных» Россией народов, только греки не требуют «автономий», как это делают финны, грузины и армяне (Призыв, 1910. № 6: 5). Особое отношение к грекам было также следствием таганрогской специфики, где элита имела смешанное греческо-русское происхождение, а люди с греческими фамилиями становились активными деятелями русских националистических организаций, таких, как, например, местный отдел Всероссийского национального союза.

Газета «Призыв» закрылась в начале 1911 г. Редакция сообщала, что в Ростове планируется издание ежедневной национальной газеты на базе «Ростовского-на-Дону

листка», а издатели «Призыва», «не желая раздроблять силы» переключаются на сотрудничество с новой газетой, которая будет обслуживать интересы всего Приазовья и Дона (**Призыв, 1911. 15 янв. Без №: 1**). Тем не менее, «Листок», так и не стал ежедневной газетой и не сменил название. По сути, он еще несколько лет так и остался органом ростовских октябристов и умеренных националистов. Газета оставалась скорее ростовской, чем «краевой», на что претендовали издатели «Призыва», а обсуждение на ее страницах национального вопроса, чаще всего ограничивалось армянско-нахичеванской тематикой. Тем самым кратковременное существование «Призыва» с его «экономическим национализмом» и попытками вывети национальную проблематику за узкие рамки политики стало уникальным опытом в истории периодической печати на Дону.

4. Заключение

Отношение донских правых публицистов, издававших газету «Призыв», к основным этнокофессиональным группам сочетало как типичные идеологемы русского националистического дискурса начала XX в., так и своеобразные трактовки, связанные с местной спецификой. Газета проповедовала «экономический национализм», в основе которого лежала идея борьбы русских с «инородцами» в торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Несмотря на то, что националисты воспринимались оппонентами как консерваторы, а зачастую и сами выступали с традиционалистской риторикой, на практике их программа была обращена в будущее, а «национализация» Российской империи выступала непременным условием модернизации. Именно в этом контексте следует понимать логику «экономического национализма».

Евреям, составлявшим в ОВД лишь незначительный процент населения Таганрога и Ростова, однако, по мнению правых публицистов, «захватившим» областную торговлю и «контролировавшим» прессу, отводилась роль главных антагонистов «русского дела». Армянский вопрос нашел отражение в дебатах по «нахичеванскому вопросу» – проекту присоединения Нахичевани к Ростову-на-Дону, который как правые, так и «прогрессивные» газеты трактовали как противостояние «армянской» и «русской» партий. Донских украинцев (малороссов) авторы «Призыва» признавали, наряду с казаками, неотъемлемой частью единой русской нации, однако, в отличие от большинства своих единомышленников из других регионов, оставляли за ними право на культурную и языковую самобытность. Среди прочих «инородцев» Дона и Приазовья только греки описывались как невраждебный элемент, чье существование не противоречило «задачам русской государственности».

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

Борзенко, 2008 – *Борзенко В.В.* Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей XIX- начала XX века // *Донской временник*. 2008. Вып. 16. С. 209-215 [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (дата обращения: 15.10.2021).

Греков, 1912 – *Греков А.М.* Приазовье и Дон (Очерки общественной и экономической жизни края). СПб.: Общественная Польза, 1912. 208 с.

Ерохина, 2011 – *Ерохина О.В.* Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе юга России: 1868–1934 гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. Воронеж, 2011. 493 с.

Зайцева, 2005 – *Зайцева Н.Н.* Нахичевань-на-Дону 100 лет назад // *Донской временник*. Год 2004-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 12. С. 135-136.

Корниенко, 2013 – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 223 с.

Крамская, 2016 – *Крамская С.В.* Деятельность Союза русского народа на Дону (1906–1916 гг.) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 9 (51). С. 151-155.

Махонина, 2011 – *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. Учебн. пособие. М.: Флинта, Наука, 2011. 240 с.

Первая Всеобщая перепись, 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. XII. Область Войска Донского. СПб.: Тип. кн. Мещерского, 1905. 255 с.

Плема, 1995 – *Плема С.* «Киевлянин» против «Просвиты» // Наше время [Ростов-на-Дону]. 1995. 28 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://ukr-don.jimdofree.com//статті/киевлянин-против-просвиты/> (дата обращения: 11.09.2021).

Приазовская речь – *Приазовская речь, газета.* Таганрог, 1910.

Приазовский край – *Приазовский край, газета.* Ростов-на-Дону, 1906.

Призыв – *Призыв, газета.* Таганрог, 1910–1911.

Ростовский-на-Дону листок – *Ростовский-на-Дону листок, газета.* Ростов-на-Дону, 1910.

Таганрогский вестник – *Таганрогский вестник, газета.* Таганрог, 1912.

Цымбал, 2014 – *Цымбал А.А.* Славный казачий род Грековых в Таганроге // *Вехи Таганрога.* 2014. № 58. С. 11-16.

Цымбал, 2015 – *Цымбал А.А.* Все началось с «дневников путешествий» // *Вехи Таганрога.* 2015. № 62-63. С. 9-15.

References

Borzenko, 2008 – *Borzenko, V.V.* (2008). Pseudonimy donsikh zhurnalistov i obshchestvennykh deyatelei XIX- nachala XX veka [Pseudonyms of Don Journalists and Public Figures of 19th and Early 20th Century]. *Donskoi vremennik.* 16: 209-215]. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (date of access: 15.10.2021). [in Russian]

Grekov, 1912 – *Grekov, A.M.* (1912). Priazov'e i Don (Ocherki obshchestvennoi i ekonomicheskoi zhizni kraia) [Priazovia and Don (Essays of the Public and Economic Life of the Region)]. SPb.: Obshchestvennaya Pol'za, 208 p. [in Russian]

Erokhina, 2011 – *Erokhina, O.V.* (2011). Nemetskoe predprinimatel'stvo v khozyaistvennom komplekse yuga Rossii: 1868–1934 gg.: dis. ... d-ra. ist. nauk [German Entrepreneurship in the Economic Complex of the South of Russia: 1868–1934. D. dissertation of Doctor of History]. Voronezh, 493 p. [in Russian]

Zaitseva, 2005 – *Zaitseva, N.N.* (2005). Nakhichevan'-na-Donu 100 let nazad [Nakhichevan-on-Don 100 Years Ago]. *Donskoi vremennik.* God 2004-i. Don. gos. publ. b-ka. Rostov-na-Donu, 12: 135-136. [in Russian]

Kornienko, 2013 – *Kornienko, B.S.* (2013). Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Right-Wing Don: Cossacks and Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 223 p. [in Russian]

Kramskaya, 2016 – *Kramskaya, S.V.* (2016). Deyatel'nost' Soyuza russkogo naroda na Donu (1906–1916 gg.) [The Activities of the Union of the Russian People on Don (1906–1916)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal.* 9 (51): 151-155. [in Russian]

Makhonina, 2011 – *Makhonina, S.Ya.* (2011). Istoriya russkoi zhurnalistiki nachala XX veka. Uchebn. posobie [History of Russian Journalism of Early 20th Century]. M.: Flinta, Nauka, 240 p. [in Russian]

Pervaya Vseobshchaya perepis', 1905 – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. T. XII. Oblast' Voiska Donskogo* [The First General Census of the Russian Empire of 1897. Vol. XII. Region of the Don Host]. SPb.: Tip. kn. Meshcherskogo, 1905. 255 p. [in Russian]

Plema, 1995 – *Plema, S.* (1995). «Kievljanin» protiv «Prosvity» [“Kievljanin” Against “Prosvita”]. *Nashe vremya* (Rostov-on-Don). November 28 [Electronic resource]. URL: <https://ukr-don.jimdofree.com//statti/kievlyanin-protiv-prosvity/> (date of access: 11.09.2021). [in Russian]

Priazovskaya rech' – *Priazovskaya rech', gazeta* [“Priazovskaya rech'”, newspaper]. Taganrog, 1910. [in Russian]

Priazovskii krai – *Priazovskii krai, gazeta* [“Priazovskii krai”, newspaper]. Rostov-na-Donu, 1906. [in Russian]

Prizyv – *Prizyv, gazeta* [“Prizyv”, newspaper]. Taganrog, 1910–1911. [in Russian]

Rostovskii-na-Donu listok – *Rostovskii-na-Donu listok, gazeta* [“Rostovskii-na-Donu listok”, newspaper]. Rostov-na-Donu, 1910. [in Russian]

Taganroгskii vestnik – *Taganroгskii vestnik, gazeta* [“Taganroгskii vestnik”, newspaper]. Taganrog, 1912. [in Russian]

Tsybal, 2014 – Tsybal, A.A. (2014). Slavnyi kazachii rod Grekovykh v Taganroge [Glorious Cossack Family Grekovs in Taganrog]. *Vekhi Taganroga*. 58: 11-16. [in Russian]

Tsybal, 2015 – Tsybal, A.A. (2015). Vse nachalos' s «dnevnikov puteshestvii» [It all Started with “Travel Diaries”]. *Vekhi Taganroga*. 62-63: 9-15. [in Russian]

Национальный вопрос на страницах таганрогской газеты «Призыв», 1910–1911 гг.

Олег Андреевич Гром ^{а,*}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются публикации практически не изученной в историографии газеты «Призыв», – первого в Области Войска Донского (ОВД) периодического издания националистического направления, выходившего в Таганроге в 1910–1911 гг. Газета проповедовала «экономический национализм», в основе которого лежала идея борьбы русских с «инородцами» в торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Евреям, составлявшим в ОВД лишь незначительный процент населения Таганрога и Ростова, отводилась роль главных антагонистов «русского дела». Армянский вопрос нашел отражение в дебатах по «нахичеванскому вопросу» – проекту присоединения Нахичевани к Ростову-на-Дону, который как правые, так и «прогрессивные» газеты трактовали как противостояние «армянской» и «русской» партий. Донских украинцев (малороссов) авторы «Призыва» признавали, наряду с казаками, неотъемлемой частью единой русской нации, однако, в отличие от большинства своих единомышленников из других регионов, оставляли за ними право на культурную и языковую самобытность. Среди прочих «инородцев» Дона и Приазовья (немцы, греки, молokane, «тавричане» и др.), только греки описывались как сугубо положительный элемент, чье существование не противоречило «задачам русской государственности». Газета была закрыта в начале 1911 г. в связи с планами преобразования «Ростовского-на-Дону листка» в ежедневную краевую газету националистической ориентации.

Ключевые слова: инородцы, Область войска Донского, национализм, национальный вопрос, периодические издания, «Призыв».

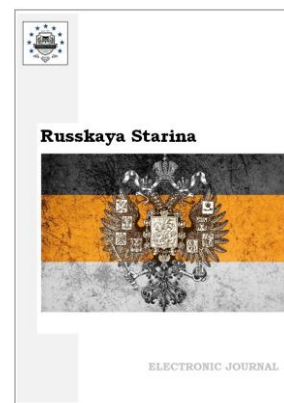
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 112-118

DOI: 10.13187/rs.2021.2.112
<https://rs.cherkasgu.press>

The Press of the Donbass in 1941–1943

Tatyana Yu. Lyudorovskaya ^{a, *}

^a Donetsk National University

Abstract

The article analyzes the printed mass media that were published on the territory of the Donbass during the occupation period (1941–1943). The main newspapers of the region were “Socialist Donbass”, “Donetsk Bulletin”, “Grain Grower”, “Bakhmut Bulletin”, “Donbass Rebuff”. They continued their work during the occupation regime, often becoming underground. Since September 1941, the structure of the print media in the Donbass has been reorganized, when new newspapers began to appear along with the existing ones. A comparison of the materials of local newspapers makes it possible to determine the main focus and the degree of completeness of the description of events taking place on the territory of the Donbass, to identify the specifics of the functioning of the occupation authorities, as well as to identify distortions and inaccuracies in the provision of information.

Keywords: mass media, press, Donbass, Great Patriotic War, occupation regime, newspaper.

1. Введение

В современных условиях развития общества средства массовой информации превратились в мощный рычаг воздействия на коллективное сознание. Наибольших масштабов достигла эта тенденция в странах, находящихся в состоянии войны. В условиях полного контроля СМИ превратились в один из важнейших инструментов государственной агитации и пропаганды. Максимально использовался этот инструмент и на территории Донбасса как в довоенный период, так и в ходе Великой Отечественной войны. К общему числу источников, раскрывающих вопросы оккупационного режима в регионе в 1941–1943 гг., можно отнести прессу, которая публиковалась во время оккупации.

Целью исследования является характеристика печатных средств массовой информации, издававшихся на территории Донбасса в 1941–1943 гг.

2. Материалы и методы

Некоторые аспекты данной проблематики нашли отражение в отечественной историографии. Вопросам использования прессы в качестве исторического источника, методике ее исследования посвящены работы Д.Н. Титаренко (Титаренко, 2002; Титаренко, 2009). Определенный вклад в разработку проблемы функционирования подпольно-партизанской прессы в Украинской ССР в течение немецко-фашистской оккупации был сделан в монографии И.Л. Демьянчука (Демьянчук, 1956). Случаи использования

* Corresponding author

E-mail addresses: t.ludorov@mail.ru (T.Yu. Lyudorovskaya)

окупационных газет в пропагандистских целях подпольщиками и партизанами Восточной Украины приводились в работе И.Я. Омеляненко (Омеляненко, 1972). В то же время требуется более детальный анализ функционирования печатных СМИ на территории Донбасса в окупационный период.

Первоочередное значение имели периодические издания, выходившие на оккупированной территории Донбасса в 1941–1943 гг., которые хранятся в государственных архивах Донецкой Народной Республики (ГА ДНР) и Луганской Народной Республики (ГА ЛНР). В докладных записках в ЦК КП(б)У органов разведки НКВД, отчетах нацистских пропагандистских органов содержатся ценные сведения о направлениях ведения пропаганды на оккупированной территории прифронтовой полосы, дислокации подразделений пропаганды вермахта, действовавших на территории Донбасса, источниках поступления информации в газеты, издававшиеся в оккупированном регионе.

Согласно данным ГА ЛНР, в каждом городе и районном центре Донбасса выходила газета, которая была органом государственной управы: в г. Юзовка (Донецк) – «Донецкий вестник», в г. Артемовске – «Бахмутский вестник», в г. Волноваха – «Хлебороб», в г. Горловка – «Голос Донбасса», в г. Енакиеве – «Новая жизнь», в г. Константиновка – «Константиновские вести», в г. Мариуполь – «Мариупольская газета», в г. Чистяково (Торез) «Новая жизнь» и «Чистяковский листок» (ГА ЛНР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5204. Л. 125).

3. Обсуждение и результаты

До немецко-фашистской оккупации на территории Донбасса функционировала разветвленная сеть официальных периодических изданий, представленная 24 газетами и 1 журналом, из которых 19 выпускались на территории Сталинской (Донецкой) области, 5 – Ворошиловградской (Луганской). Периодичность выхода пяти газет – от 4 до 7 раз в неделю, восьми – 1 раз в неделю, остальные издания выходили 2–3 раза в неделю. На своих страницах печатные органы помещали значительное количество информации по вопросам местной жизни (Донецкая область, 1982: 165). Особенность анализируемой прессы заключается в том, что ее материалы значительно расширяют возможности исследователей при освещении социально-экономического состояния и духовной жизни Донбасса в 1941–1943 гг., подпольно-партизанского движения и хода боевых действий советских и немецких войск на территории региона.

В окупационный период на территории Донбасса произошла кардинальная перестройка структуры прессы, были созданы новые центральные военные газеты: фронтовые, армейские, дивизионные издания. Номера армейских газет – синтез из партийных передовых, сообщений Совинформбюро о положении на фронтах с подробным описанием боевых действий, информации о жизни в тылу, а также краткого освещения международных событий. Зачастую корреспонденты военных газет принимали материал прямо в землянках или окопах, иногда даже на огневых позициях.

Среди основных источников прессы периода оккупации в Донбассе особого внимания заслуживают газеты «За Родину», «Правда» в Донбассе», «Донбасский отпор», многотиражка «Кировец», в которых освещалась деятельность советских патриотов на захваченных территориях, высмеивалась примитивность нацистской пропаганды, приводились примеры экономической эксплуатации местного населения, а также сообщалось о репрессиях против подпольщиков и партизан.

5 мая 1941 г. в Донецке проводилось торжественное собрание, посвященное Дню советской печати, после которого все его участники – журналисты и рабселькоры – направились на площадь им. Дзержинского, где проходило массовое гулянье в честь праздника прессы. Участники собрания спорили о том, как в дальнейшем осуществить все свои творческие замыслы, договаривались о совместных рейдах, рабкоровских смотрах. «Кто мог предполагать в тот праздничный вечер, – вспоминает один из старейших журналистов Донбасса, корреспондент газеты «Правда» Д. Акулышин, – что через полтора месяца грянет война... Когда же озверелые фашистские орды вторглись в пределы нашей страны, редакции донецких газет стали и днем, и ночью напоминать растревоженный улей. Ежедневно уходили на фронт журналисты: одних призывали, другие отправлялись в армию добровольцами. А те, кто оставался, работали за двоих, за троих. И газеты выходили регулярно. Только страницы их изменили свое лицо. Теперь они рассказывали о мужестве

и героизме советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны, о самоотверженном труде работников тыла, ковавших победу над врагом» (ГА ДНР. Ф. 4674. Оп. 1. Д. 7. Л. 13).

В большой трудовой армии донбассовцев еще до начала оккупации была создана газета «Донбасский отпор», в редакцию которой вошли донецкие журналисты Н.М. Протасов, И.И. Зенин, А.И. Ярмаль, Б.М. Щаранский, М.М. Сорокин, а ее активными помощниками стали сотни бывших рабкоров и селькоров.

12 сентября 1941 г. в пятом номере газеты «Донбасский отпор» сообщалось: «В районе тов. Яншина на всех дистанциях организованы редколлегии. Первые боевые листки вышли в свет 7 сентября. В стенновке дистанции № 1 показана многообразная лагерная жизнь. Рабкору особенно уделяли внимание вопросам производства и агитационно-массовой работе. Передовики-стахановцы поделились опытом организации труда. Такие боевые листки теперь будут выходить на дистанции ежедневно».

На страницах этой прифронтовой газеты для поднятия боевого духа, патриотических настроений периодически сообщалось о рабкоровской инициативе во время войны: «Три раза в день передвигается по дистанции тов. Бережного щит с прибитым к нему стендом. На щите под старательно разрисованным заголовком – стенная газета. Утром газета находится на левом фланге дистанции, днем – в центре, перед вечером передвигается на правый фланг. Газет таких в районе, руководимом товарищем Петровым, имеется пять. Выпускаются они ежедневно редколлекцией, находящейся при районном управлении. Каждая из пяти газет имеет свое название и построена на материале, отображающем будни данной дистанции. Помогает газете в этом обширный рабкоровский актив, который она имеет. – Еще в дороге, когда наш эшелон двигался к месту назначения, – рассказывает редактор тов. Бондарев, – я обошел все вагоны. Как бывший зам. редактора районной газеты, я отлично знал в лицо всех рабкоров района. Многие из них оказались тут же. Мы договорились с ними, что и на трассе они будут такими же активными помощниками большевистской печати, как были дома. Каждый день, объезжая трассу, я посещаю своих корреспондентов, беседую с ними, собираю заказанный ранее материал, советуюсь по поводу предстоящих тем» (ГА ДНР. Ф. 4674. Оп. 1. Д. 7. Л. 96).

Рабкору в ежедневных «кочующих полевках» кратко публиковали сообщения с фронта, в которых повествовали о подвигах жителей региона, работавших на строительстве оборонительных рубежей приднепровских степей, имена передовиков заносили на Доску почета.

Отдельного внимания заслуживают отделы сатиры и юмора, существовавшие в каждой газете, рубрики, которые вели общественные корреспонденты, записывая самые острые и злободневные частушки. «Частушки эти, – писал «Донбасский отпор», – пользуются огромной популярностью, распеваются в часы отдыха и во время работы на всех дистанциях» (Донецкая область, 1982: 132).

После оккупации территории Донбасса в октябре 1941 г. нацисты стали издавать свою газету под названием «Донецкий вестник», где пропагандировались антигуманные националистические идеи с целью разжечь этническую вражду между украинцами и русскими, внести раздор в дружную семью народов СССР, освещались условия нацистского «нового порядка», результаты кампании принудительного изъятия у местного населения продовольствия и личного имущества. На страницах этого издания публиковались прежде всего правила поведения для местных жителей региона, согласно которым населению «положено быть законопослушным, не проявлять никакого свободомыслия, зарегистрироваться на бирже труда, работать в пользу “великой Германии”». Под угрозой смертной казни запрещалось предоставлять кому-либо убежище без разрешения оккупационных властей (Рендо, 1993: 51).

В каждом номере газеты «Донецкий вестник» выходили статьи, в которых нацисты пытались убедить местное население в своей доброй миссии, в благородстве немецких войск. Так, в статье «На пороге новой жизни» от 15 ноября 1941 г., описывалось счастливое будущее украинского народа: «В истории Донбасса открывается новая светлая страница. Народ выходит на широкую дорогу творческой жизни. Но это право он должен завоевать упорным повседневным трудом» (Присяжный, 2000: 118).

Жители районного центра Яма и окрестных сел 13 июня 1942 г. получили газету «За Родину», которую выпустил подпольный райком партии. Редактором этой газеты

был коммунист Н.А. Шило, активными общественными корреспондентами и распространителями – подпольщиками и партизаны Ямского отряда И.Д. Клименко, А.Ф. Шишацкий, Ю.Ф. Шишацкий, Е.И. Иванов, Б.М. Дейнега, И.М. Басистый, И.М. Храпко, В.М. Мозговой и другие. Из источников стало известно, что данную газету печатали эти патриоты самостоятельно, тайно доставляя ее в город и окрестные села, подбрасывая ее даже на стол фашистскому бургомистру и начальнику полиции (Дашичев, 1973: 328).

В газете «За Родину» жителям региона, временно попавшим под фашистскую оккупацию, рассказывалась правда об обстановке на остальной территории Советского Союза, о героических боях Красной армии на фронтах, с призывом к трудящимся Донбасса: «Дорогие братья и сестры, проживающие на временно оккупированной территории, идите в партизанские отряды, помогайте партизанам громить врага в тылу». В отдельных номерах этой партизанской газеты статьи посвящались молодежи, женщинам, военнопленным, содержали призыв к саботажу распоряжений фашистских властей, созданию захватчикам невыносимых условий на донецкой земле, а также обращения к местному населению препятствовать вывозке хлеба, скота и прочего продовольствия в Германию (Титаренко, 2009: 26).

В статье «Школа мракобесия» газеты «За Родину» от 18 сентября 1942 г. сообщалось: «В номере 41 “Донецкого вестника” на днях была напечатана речь шефа немецкого отдела пропаганды гауптмана Папенброка об основных принципах обучения и воспитания детей в школах “Великой Германии”. Когда и где выступал с этой, с позволения сказать, речью Папенброк, газета умалчивает, но плешивый оратор, не успев рассказать о своих новых “принципах” воспитания детей, принял суровую позу и с угрозой сказал, что их должен усвоить каждый, если хочет понять современную войну. Так пусть же помнит он и ему подобные, что угрозами советский народ не запугаешь. Никогда дети советские не будут послушно принимать программу мракобесия, сфабрикованную шайкой бандитов, которые величают себя во временно оккупированных районах представителями высшей арийской культуры» (Титаренко, 2009: 29). Данная статья является подтверждением достойного ответа на пропаганду фашистского режима на оккупированных территориях. Такие смелые выступления в подпольной газете, издававшиеся на территории Донбасса в 1941–1943 гг., призваны были поднимать боевой дух местного населения, укреплять в них веру в Великую Победу.

В общей сложности за 7 месяцев работы в тылу врага редакция выпустила 33 номера газеты «За Родину» общим тиражом более 10 тысяч экземпляров. Благодаря сотням местных патриотов, которые, нередко рискуя собственной жизнью, поддерживали газету морально и материально, оберегая ее от нацистского контроля, удавалось регулярно ее издавать.

Известно, что в период оккупации Донбасса на территории края действовали 31 подпольный горком и райком партии, 27 партизанских отрядов и десятки подпольных партизанских групп. В большинстве из них существовали печатные средства массовой информации в виде газет или листовок. Так, в Горловской партийной организации, которую возглавлял Н.С. Щетинин, листовки распространяли 30 активистов-общественников (Дем’янчук, 1956:48).

Нередко подпольщики и партизаны Донбасса для того, чтобы обеспечить материальную базу печати газет и листовок, устраивались разнорабочими на предприятия. Так, подпольщик Борис Орлов из Буденовского комсомольского партизанского отряда Саввы Матекина, по заданию штаба устроился чертежником на работу в контору «Донбассэнерго», откуда он выносил бумагу, шрифты и другие необходимые материалы. Листовки издавались от имени «Общества партизан» (ГА ДНР. Ф. 4674. Оп. 1. Д. 7. Л. 20).

Однако фашистам удалось выследить и арестовать комсомольцев-подпольщиков, и 30 мая 1943 г. они были расстреляны. 31 мая на улицах Юзовки была распространена листовка, которая называлась «На смерть героев», со следующим текстом:

Не испугают нас расстрелы
Ни казни, ни зверства, ни тюрьма.
Мы будем биться до победы,
Пока не разобьем врага! (Голос Донбасса).

Известны случаи, когда местные патриоты, не имея связи с подпольем, сами писали и распространяли листовки, призывавшие местных жителей на борьбу оккупантами.

В оккупированном Славянске жительница города Л.К. Шабалина приобрела типографский шрифт, наладила настоящую подпольную типографию, сама печатала листовки, незаметно распространяла их в толпе на базаре, подбрасывала в учреждения и в другие общественные места. «Гитлеровские бандиты, – говорилось в одной из них, – освобождают наш родной город не только от хлеба и одежды, но и от населения. Палачи расстреливают, заполняют овраги, балки в окрестностях города трупами наших советских людей...» (Алехина, 1988: 29). 25 февраля 1942 г. гестаповцы выследили и схватили патриотку.

Всего, по неполным данным, за период оккупации Донбасса партизаны и подпольщики отпечатали и распространили десятки газет и листовок общим тиражом 14 715 экземпляров (Донецкая область, 1982: 236).

В сентябре 1943 г., после освобождения территории Донбасса, стала возрождаться и местная печать – заводская, стенная, во всех городах и районах. Возобновила выход и областная газета «Социалистический Донбасс». По этому поводу в одном из воспоминаний говорится: «Через два дня после освобождения Макеевки, в сентябре 1943 года, жители города остановились у вывешенной на доске по улице Ленина стенной газеты “Крокодил”. “Привет Армии-Освободительнице!” – крупными буквами было написано на картонном листе. Местное население, два года не видевшее официальной газеты, толпой стояло у доски. Следующий номер “Крокодила”, выпущенный через несколько дней, был озаглавлен боевым призывом: “Все силы – на восстановление!”» (Социалистический Донбасс).

Стенная газета «Крокодил» (позже снова станет юмористической), которая была организована редакцией многотиражки «Кировец» (редактор А. Василенко) в 1939 г., стала первой газетой, вышедшей в освобожденной Макеевке. С сентября 1943 г. возобновился регулярный выпуск «Крокодила».

Восстановление массовой печати Донбасса началось со стенных газет, издававшихся общественниками. В период восстановления региона, когда в разрушенных городах и районах было затруднительно наладить работу типографий, снабдить их всем необходимым, на помощь донбассовцам пришла газета «Правда». В октябре 1943 г. на запасных путях в г. Горловке начал свою работу новый вагон-типография на колесах, работу которого осуществляли приехавшие в край представители центральной газеты «Правда». И к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции вышел в свет первый номер «“Правды” в Донбассе». В статьях публиковался призыв к помощи фронту, а также к быстрейшему восстановлению Всесоюзной кочегарки.

4. Заключение

Таким образом, в оккупационный период на территории Донбасса был создан разветвленный пропагандистский механизм, главным элементом которого стала пресса. Инициатива основания официальных печатных органов принадлежала пропагандистским органам вермахта, военным комендатурам, штабам военных частей, которые реализовывали ее преимущественно через органы местного самоуправления. Однако основным рупором пропаганды в регионе оставались местные газеты, издаваемые подпольными и партизанскими отрядами или отдельными патриотами.

Литература

Алехина, 1988 – Алехина А.С. Советская публицистика периода Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 213 с.

ГА ДНР – Государственный архив Донецкой Народной Республики.

ГА ЛНР – Государственный архив Луганской Народной Республики.

Голос Донбасса – Голос Донбасса. 1943. 9 апреля.

Дашичев, 1973 – Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. М.: Наука, 1973. 766 с.

Дем'янчук, 1956 – Дем'янчук І.Л. Партизанська преса України (1941–1944 рр.). Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1956. 108 с.

Донецкая область, 1982 – Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. докум. и материалов. Донецк: Донбасс, 1982. 310 с.

[Омельяненко, 1972](#) – *Омельяненко И.Я.* За наше правое дело // Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2. М.: Политиздат, 1972. С. 100-147.

[Присяжний, 2000](#) – *Присяжний М.* Преса української еміграції в Німеччині (1945–1953). Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000. 220 с.

[Рендо, 1993](#) – *Рендо С.І.* Організація пропагандистської діяльності Червоної Армії у період бойових дій восени 1939 р. // *Журналістика: історія і сучасність*. 1993. № 5. С. 46-54.

[Социалистический Донбасс](#) – *Социалистический Донбасс*. 1943. 12 сентября.

[Титаренко, 2002](#) – *Титаренко Д.М.* Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 2002. 30 с.

[Титаренко, 2009](#) – *Титаренко Д.Н.* Нацистская пропаганда в оккупированном Донбассе: цели, средства, условия деятельности // *Новые страницы истории Донбасса: Сборник статей (книга 17/18)*. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 21-33.

References

[Alekhina, 1988](#) – *Alekhina, A.S.* (1988). Sovetskaya publitsistika perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Soviet journalism of the Great Patriotic War period]. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 213 p. [in Russian]

[GA DNR](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki [State Archive of the Donetsk People's Republic].

[GA LNR](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Luganskoii Narodnoi Respubliki [State Archive of the Luhansk People's Republic].

[Golos Donbassa](#) – *Golos Donbassa*. 1943. 9 aprelya [The Voice of the Donbass. April 9, 1943]. [in Russian]

[Dashichev, 1973](#) – *Dashichev, V.I.* (1973). [Bankruptcy of the strategy of German fascism: Historical essays. Documents and Materials]. Vol.1. M.: Nauka, 766 p. [in Russian]

[Dem'yanchuk, 1956](#) – *Dem'yanchuk, I.L.* (1956). Partizans'ka presa Ukraïni (1941–1944 rr.) [Partisan Press of Ukraine (1941–1944)]. Kiïv: Vid-vo Kiïvs'kogo un-tu, 108 p. [in Ukrainian]

[Donetskaya oblast', 1982](#) – *Donetskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): Sb. dokum. i materialov* [Donetsk region during the Great Patriotic War (1941–1945): Collection of documents and materials]. Donetsk: Donbass, 1982. 310 p. [in Russian]

[Omel'yanenko, 1972](#) – *Omel'yanenko, I.Ya.* (1972). Za nashe pravoe delo [For our righteous cause]. Geroi podpol'ya. O bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 2 [Heroes of the underground. About the struggle of Soviet patriots in the rear of Nazi invaders during the Great Patriotic War. Is. 2]. M.: Politizdat, pp. 100-147. [in Russian]

[Prisyazhnii, 2000](#) – *Prisyazhnii, M.* (2000). Presa ukrains'koï emigratsii v Nimechchini (1945–1953) [Press of Ukrainian emigration in Germany (1945–1953)]. L'viv: LNU im. I. Franka, 220 p. [in Ukrainian]

[Rendo, 1993](#) – *Rendo, S.I.* (1993). Organizatsiya propagandists'koï diyal'nosti Chervonoï Armii u period boiovikh dii voseni 1939 r. [Organization of propaganda activities of the Red Army during the fighting in autumn 1939]. *Zhurnalistika: istoriya i suchasnist'*. 5: 46-54. [in Ukrainian]

[Sotsialisticheskii Donbass](#) – *Sotsialisticheskii Donbass*. 1943. 12 sentyabrya [Socialist Donbass. September 12, 1943]. [in Russian]

[Titarenko, 2002](#) – *Titarenko, D.M.* (2002). Presa Skhidnoï Ukraïni periodu nimets'ko-fashists'koï okupatsii yak istorichne dzherelo (1941–1943 rr.) [The press of Eastern Ukraine during the Nazi occupation as a historical source (1941–1943)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Dnepropetrovsk, 30 p. [in Ukrainian]

[Titarenko, 2009](#) – *Titarenko, D.N.* (2009). Natsistskaya propaganda v okkupirovannom Donbasse: tseli, sredstva, usloviya deyatelnosti [Nazi propaganda in the occupied Donbass: goals, means, conditions of activity]. *Novye stranitsy istorii Donbassa: Sbornik statei (kniga 17/18)* [New pages of the history of Donbass: Collection of articles (book 17/18)]. Donetsk: DonNU, pp. 21-33. [in Russian]

Пресса Донбасса в 1941–1943 гг.

Татьяна Юрьевна Людоровская ^{а, *}

^а Донецкий национальный университет

Аннотация. В статье анализируются печатные средства массовой информации, которые издавались на территории Донбасса в оккупационный период (1941–1943 гг.). Основные газеты региона – «Социалистический Донбасс», «Донецкий вестник», «Хлебороб», «Бахмутский вестник», «Донбасский отпор» – продолжали свою работу в период оккупационного режима, зачастую становясь подпольными. С сентября 1941 г. в Донбассе произошла реорганизация структуры печатных средств массовой информации, когда наряду с существующими стали появляться новые газеты. Сравнение материалов местных газет позволяет определить основную направленность и степень полноты описания событий, происходивших на территории Донбасса, выявить специфику деятельности оккупационных властей, а также искажения и неточности в предоставлении информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, пресса, Донбасс, Великая Отечественная война, оккупационный режим, газета.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: t.ludorov@mail.ru (Т.Ю. Людоровская)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 119-128

DOI: 10.13187/rs.2021.2.119
<https://rs.cherkasgu.press>

Memories and Research in History of Daugavpils Ghetto

Iosif G. Rochko ^{a, *}

^a Museum “Jews in Daugavpils and Latgale”, Daugavpils, Latvia

Abstract

The Daugavpils ghetto existed from July 15, 1941 to October 28, 1943. More than 13,000 Jews passed through the ghetto gates. A little more than 100 survived. In the ghetto there were, like the Jews of Daugavpils and the surrounding area, small towns and townships of Latgale, as well as several thousand Jews from Lithuania. About ten former prisoners left diaries and memories of the terrible days, which are published and have survived to this day. Later, the works of historians and local historians about the history of the Daugavpils ghetto appeared. The author conditionally divided the works: first, written in the West and the United States, second, in the USSR, and third, in the Republic of Latvia. Such a comprehensive approach includes an ideological justification, preserves the chronology, place and language of the publication. The totality of all these works is the object of the study.

Keywords: Daugavpils, ghetto, historiography, books, memories, victims, Holocaust.

1. Введение

Тема Холокоста и связанного с ней такого понятия, как гетто, является неотъемлемой частью исследований в современной иудаике. Латвия, в частности город Даугавпилс, стала одним из центров еврейских гонений, однако история изучения этих событий наряду с другими важными событиями, повлиявшими на развитие города, складывалась весьма неоднозначна. Это было связано со многими факторами – как внешнеполитическими настроениями, так и самой особенностью данной тематики.

Данная статья посвящена анализу воспоминаний и исследований по истории Даугавпилского гетто. Цель заключается в изучении темы гетто на примере города Даугавпилса.

2. Материалы и методы

Автор статьи изучил различного рода статьи, исследования и мемуары по теме Даугавпилского гетто. Проанализированные материалы были разделены на группы в соответствии с обстоятельствами их появления. Выделены западный, советский и латышский или латвийский (после восстановления независимости Латвийской Республики) периоды в становлении и развитии историографии и источниковой базы. Сравнительный подход, выражавшийся в выявлении особенностей изучения истории Даугавпилского гетто в разные периоды и у разных авторов, является основным методом исследования.

* Corresponding author
 E-mail addresses: rochko@inbox.lv (I.G. Rochko)

3. Обсуждение и результаты

3.1. Западная историография Даугавпилсского гетто. Одной из первых работ, описывающих Даугавпилское гетто, стала вышедшая в Канаде в 1949 г. книга Песи Френкль-Залцман «Записки заключенной № 94771» (Frankel-Zaltzman, 2003)¹. Номер 94771 ей был присвоен в Штуттгофе. Автор прошла мученический путь от ворот Даугавпилсского гетто через Кайзервальд и Штуттгоф и была освобождена в Быдгоще². Свои воспоминания она начала писать сразу после освобождения.

Первые дни войны семья автора была сосредоточена только на спасении большого отца. Но уже в эти дни стали меняться представления женщины о войне, соседях, оккупантах. Горожане тут же обвиняли евреев, считая их коммунистами, т.е. абсолютным злом, их следовало уничтожить. Отношение местных жителей автор называет зверским. В многонациональном городе среди людей, преследовавших евреев, как правило, были люди разных национальностей. «Крики командиров слышны как удары: “Никто не смеет шагнуть на тротуар. Евреи должны работать и ходить по дороге как собаки”. Но даже переход через улицу был опасен. Люди кричали: «Скоро вы все будете расстреляны, как собаки. Вы все коммунисты!»» (Frankel-Zaltzman, 2003). Вместе с тем автор воспоминаний отмечает, что не все были врагами евреев. Узница приводит ряд случаев сочувствия и помощи гонимым людям как со стороны оккупантов, так и со стороны полицейских. Не раз в «Записках» противопоставляется жизнь евреев и неевреев. Автор записок отметила, что «то же самое солнце заволокло на нашей стороне, в то время как на другой сияло» (Frankel-Zaltzman, 2003). Не зря в гетто родилась песня: «Для некоторых площади и бульвары, для нас такие кварталы...»³. Медсестра Песя находилась в центре событий, происходивших в больнице. Важным в воспоминаниях является то, что она дает список работников больницы, а также перечисляет их специальности.

Автор подробно описала самые крупные карательные акции, происходившие в гетто. П. Залцман-Френкель охарактеризовала и психологическое состояние узников. «Записки заключенной № 94771» значительно расширяют наши представления о гетто и его обитателях, их переживаниях и действиях. Здесь упоминается 84 персоны, из них восемьдесят – это узники гетто. Благодаря «Запискам заключенной № 94771» нам удалось узнать судьбу самой Песи Френкель-Залцман.

В том же 1949 г. в Нью-Йорке на идише вышла книга воспоминаний бывшего узника Даугавпилсского гетто Якова Расена «Мир вилн лебн» («Мы хотим жить»). Я. Расен, еврей из Каунаса, агроном по специальности, бежал из родного города, добрался до Даугавпилса, стал узником Даугавпилсского гетто, концентрационного лагеря Кайзервальд. Ему удалось сбежать из лагеря Дундага – Попервале. В лесу северной Курземе он случайно наткнулся на группу советских разведчиков. Этот счастливый случай спас ему жизнь. Позже Я. Расен попал в лагерь для «перемещенных лиц» в Германии, а затем уехал в Израиль. Находясь в лагере, автор начал писать свои воспоминания, которые поражают своей реальностью и в то же время воссоздают картину происшедшего (Rassen, 1949: 136-153).

В первые дни войны автор добрался до латвийско-белорусской границы к северо-востоку от Двинска. Но тут его ждало страшное разочарование. Пересечь старую латвийско-российскую границу беженцам не удалось. Он отмечал, что закрытие старой советской границы для беженцев обернулось трагедией: «Тут-то и началась беда, очень большая беда. Ехать дальше не позволяют. У границы уже собрались сотни беженцев из Литвы и Латвии и число их с каждым днем растёт. Но на все их просьбы советская пограничная стража имела один ответ: “Приказано никого не пропускать! Отойдите на 20 шагов! Не то будем стрелять! Стреляем!”». Автор книги возложил ответственность на людские потери не только на нацистов, но и на советскую власть. Советские заградительные отряды на литовско-латвийской, а позже латвийско-российской границе не давали возможность беспрепятственно бежать в Россию. Эти задержки многим беженцам стоили жизни (Rassen, 1949: 22-29). Автор книги рассказал о событиях 1941–1943 гг. в Даугавпилском гетто и лагерях, в которых он побывал. Одно из самых страшных воспоминаний – это описание

¹ Книга была написана на идише, а затем переведена на английский язык.

² Быдгощ – город в Польше.

³ Имелись в виду кварталы гетто.

первомайской акции 1942 г. в гетто. Я. Расен день за днем описал события в гетто, а затем в Риге. Благодаря этой книге мы узнаем о буднях, повседневной жизни узников гетто.

В 1950-х гг. в Израиле на иврите вышла книга бывшей узницы Даугавпилсского гетто Минны Кантор «Не было ли это сном? Воспоминания о Двинском гетто» (Кантор, 1950). В основе книги 21-летней жительницы Даугавпилса лежат переживания и трагедия ее семьи. Ее удивляет и поражает отношение местных жителей к евреям. Уже в первые дни нацистской оккупации начались грабежи, оскорбления, грабежи, оскорбления, угрозы, отождествление евреев с коммунистами, стигматизация. Автор рассказывает о событиях в гетто. В августе 1941 г. она потеряла сестру, брата и мать. М. Кантор очень точно описывает психологическое состояние узников: «Не о чем говорить, все потеряно. Мы все... искалечены. Наш мир разрушен. Мы не люди, лишь тени. Сейчас люди понимают, что нет надежды на спасение».

7–8 ноября 1941 г. Минна Кантор сумела выскользнуть из гетто. Она пытается найти укрытие, но... «Нет у меня места под синим небом». Через неделю она возвратилась в гетто вместе с рабочими, которые трудились в городе. Ей удалось правдиво описать повседневную жизнь в гетто. Узница показала двойственность и трагедию руководителей юденрата и еврейской полиции.

В тоже время в воспоминаниях есть и радостные картины: спасение, помощь, любовь, описание просыпающейся природы весной 1943 г. Узница после Даугавпилса прошла мученический путь через лагеря Кайзервальд – Попервален – Дундага – Штуттогф и оказалась в Германии. Освобождение она встретила 30 апреля 1945 г. около Мюнхена.

Она хотела выжить в этом нереальном мире. Выжила благодаря цепи случайностей. Бывшая узница сожалеет о погибших родных. М. Кантор написала книгу, чтобы сохранить память для будущих поколений. Она не пользовалась никакими документами. Воспоминания М. Кантор — это подлинный документ, воспоминания естественны, они лишены литературности. В этом их историческое и научное значение. В воспоминаниях нет упоминаний Бога, рассуждений кто виноват, почему евреи не эвакуировались.

После войны М. Кантор через Италию добралась до Палестины, работала учительницей. Ее дочь сказала автору, что она никогда не читала воспоминаний матери, даже то, что она рассказывала было так страшно. Неужели это был только сон?

В 1975 г. в Израиле вышел сборник «В памяти двинской общины» на иврите, где был помещен небольшой материал Рахель Фридман, узницы Даугавпилсского гетто, «Гетто Двинск». Автор свои воспоминания написала на иврите. Позже некоторые части воспоминаний были опубликованы в периодической печати¹. Но подготовленный ею основной материал о гетто так и не увидел свет². Р. Фридман попала в гетто, работала в одной из мастерских. В конце или начале октября 1941 г. Рахель Фридман удалось бежать из гетто. Ей помогли знакомые: учительница латышского языка, спрятавшая ее в подвале, домработница, давшая ей крестьянскую одежду.

Р. Фридман удалось добраться до Браславского гетто (Беларусь). В день его ликвидации она осталась в укрытии, а на следующий день ушла в лес. В июле 1942 г. она бродила по лесам, спала под кустами, ела ягоды, орехи, пока случайно не наткнулась на партизанский отряд. Здесь, как и другим евреям, ей пришлось столкнуться с подозрением в шпионаже и угрозой расстрела. В партизанском отряде она находилась до зимы 1943 г. Во время столкновения с немецким отрядом сумела бежать, обморозила ноги, вновь добралась до своих. После лечения училась, по доносу была арестована. В 1971 г. после 11 лет отказа выехала в Израиль. Дневник Рахиль Фридман можно оценить, как факт сопротивления нацизму. Всего несколько человек сумели бежать из гетто, добраться до белорусских партизан, выжить и написать о своей судьбе. Ее дальнейшая жизнь является ярким примером борьбы за достоинство еврея.

¹ Впервые отрывки из дневника Р. Фридман были опубликованы в еженедельнике «Секрет» (г. Петах – Тиква) в 2006 г. № 622, № 631, № 636, № 643, 4. 06, № 650, а затем в газете «Еврейский мир» (Нью-Йорк).

² В Латвии впервые анализ воспоминаний помещен в статье И. Рочко «Последние свидетели (из истории Холокоста в Даугавпилсе и Латгалии)» (Рочко, 2010: 172-178).

В 1990 г. в Нью-Йорке на английском языке вышла книга Сиднея Айвенса (Сидни Ивенса) «Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора» (Ивенс, 2005) Литовский еврей, бежавший из Ионавы, достиг Даугавпилса, где попал в гетто. Несколько раз он чудом избежал расстрела, бежал к белорусским партизанам, а позднее попал в Шауляйское гетто, затем в концлагерь Штуттгоф. 30 апреля 1945 г. С. Ивенс был освобожден около Данцига. Он вернулся в Даугавпилское гетто, где была любимая девушка. Он остался в городе и после 28 октября 1943 г., когда узники покинули крепость. С. Ивенс впервые описал, что десять евреев продолжали скрываться в Даугавпилсе.

Воспоминания С. Ивенса написаны в дневниковой форме. Он подробно, день за днем описывает события своей жизни в Даугавпилском гетто, концлагерях, в которой присутствуют не только смерть и холод, голод и унижения, но и дружба, любовь и человеческое достоинство. С. Ивенс уверял автора, что свой дневник начал писать, находясь еще в гетто, однако это вызывает сомнение.

В 1997 г. в Тель-Авиве на русском языке вышла книга уроженки Краславы, Баси Цин «Выжить, чтобы вернуться» (Цин, 1997). В первые дни войны ее удивило, что руководитель города со своими знакомыми на машине спокойно отправились в Россию. На вопрос Б. Цин, в какую сторону бежать, председатель горисполкома ответил: «Зачем бежать? Вы что, не верите в силу нашей армии? Вы думаете, мы отдадим немцам Латвию? Никуда бежать не надо!». 27 июня 1941 г. Краслава была захвачена нацистами. Ее поразил грабеж, организованный представителями новой власти на глазах еще живых евреев. Одному из них понравилось обручальное кольцо Б. Цин, а также какая-то книга. На вопрос, для чего ему это надо, он ответил: «Хочу выбрать себе книгу на память о вас». Будущие убийцы уже знали судьбу своих жертв. Особенность уничтожения евреев в этом городе заключалась в том, что тридцать состоятельных семей пока оставили в относительном покое. Возможно, надеялись на получение от несчастных каких-то богатств. Летом 1941 г. порядка тысячи краславских евреев перегнали в Даугавпилское гетто. Среди них была и семья автора книги. По дороге местные охранники грабили несчастных, расстреливали старых и отстающих. В гетто Б. Цин понесла страшные потери: погибли родители, муж, от голода умерла двухлетняя дочь. Б. Цин отметила, что судьба краславских узников была страшнее, чем местных. К местным могли прийти знакомые, передать через проволоку съестное. Сорокалетнюю женщину потряс эпизод, произошедший 9 ноября 1941 г.: «В гетто явился какой-то высокопоставленный немец. Всех молодых женщин поставили на колени, отобрали 50 человек и увели. Всем было понятно, что с ними будет. Но они вернулись. Некоторые в это время посидели, другие бились в истерике, третьи были в ужасе. Оказалось, что немцу исполнилось 50 лет, и поэтому он решил расстрелять 50 евреек. Извергу не удалось сделать себе “подарок”. Вмешалось гестапо, объяснив, что убивать – это их дело» (Рочко, 2003: 106).

В своей книге «Выжить, чтобы вернуться» бывшая узница Даугавпилского гетто пытается понять, почему соседи евреев стали их убийцами. Некоторые говорили на идише, работали рядом с евреями, дружили с ними. Видимо, участие каждого из них в Катастрофе объясняется личными моральными качествами, которые персонифицированы в каждом человеке. По мнению Б. Цин, надо писать о Холокосте, это значит прокладывать мостик между прошлым и будущим¹.

В 2002 г. в Лондоне на английском языке вышла книга Майи Абрамович (Зарх) «Простить... но не забыть: история Майи» (Abramowitch, 2002). Название ярко иллюстрирует отношение автора к происшедшему: она никогда не сможет, да и не смогла простить преступление и людей, его осуществивших.

До войны Майя Абрамович (Зарх) (1928 г.р.) жила в Даугавпилсе вместе с родителями и няней Петрунелой Вилимане. Автор книги с большим уважением и любовью писала о своей спасительнице. Был расстрелян отец девочки, а она с матерью ушла в гетто. Все свое имущество они оставили няне. П. Вилимане обещала беречь и сохранить еврейское добро.

¹ В середине 1960-х гг. она выступила в качестве свидетельницы на нескольких судебных процессах против нацистских военных преступников в Риге, в начале 1990-х гг. вместе с писателем Л. Ковалем создала первое на территории бывшего СССР Общество бывших узников гетто и нацистских концлагерей. После эмиграции в Израиль в 1991 г. продолжала активно публиковаться.

Нянечка приносила к воротам гетто еду, даже лесные ягоды. При этом спасительница сама голодала, рисковала, но помогала бывшим хозяевам. Иногда П. Вилимане ухитрялась передавать буханку хлеба, в которой была спрятана золотая монета или цепочка. Эти драгоценности спасали 12-летнюю девочку. Р. Зарх уходила на работу в город и брала с собой дочку. Она понимала, что ребенка могут в любой момент расстрелять. Так удалось пережить несколько кровавых акций. Охранники, получив драгоценности, «не замечали» Майю. Осенью 1942 г. за деньги охранник «не заметил», что мать вынесла ребенка, идя на работу в город. Но и здесь было небезопасно. Мать боялась за единственную дочь, которая боялась остаться без матери; спасители могли поплатиться жизнью. Майя вернулась в гетто. Гетто – место казни евреев – стало местом спасения девочки. 28 октября 1943 г. Ребекка Зарх вместе с другими узниками гетто были отправлены в Кайзервальд, а осенью 1944 г. – в Шуттгоф. Общим улыбнулось счастье – они выжили.

Каково же было изумление евреев, когда выяснилось, что Петрунела Вилимане не продала ни одной вещи, принадлежавшей еврейской семье, хотя она сама жила в крайней бедности. Книга М. Абрамович не только о гетто. Это книга о Праведнице, ее мужестве и скромности, и о спасении как форме сопротивления.

В 2004 г. в Израиле на иврите увидела свет книга Хаима Курицкого «Уцелеть и рассказать»¹ (Курицкий, 2004). Литовский еврей, бежавший из Утяны, достиг Даугавпилса, попал в тюрьму, затем в гетто, прошел ряд лагерей. В 1945 г. был освобожден американскими войсками². Затем лечился в госпитале, служил в Красной армии. Хаим Курицкий в переписке с автором данной статьи утверждал, что стал вести дневник, находясь в гетто³. Х. Курицкий (1921, Утяны – 2017, Израиль), как и другие бывшие узники гетто, написал книгу, чтобы сохранить память о трагедии в годы Катастрофы. В то же время он отмечает болезненность воспоминаний о пережитом. Книга написана в форме дневника. Все события изложены в хронологическом порядке.

Х. Курицкий и его родные бежали из родного города. На старой литовско-латвийской границе беженцев проверил советский патруль. Через несколько дней Х. Курицкий оказался в тюрьме «Белый лебедь» в Даугавпилсе. Именно он первым описал эпизод коллективного сопротивления. Немецкий офицер вдруг обратился к евреям с предложением: «Если среди Вас найдётся миньян из 10 евреев, готовых к тому, чтобы их расстреляли, остальные останутся в живых!». Поднялось множество рук – все эти евреи были готовы идти на расстрел для того, чтобы их братья выжили (Курицкий, 2004: 20-21). Офицер неожиданно заявил: «Итак, я вижу представителей единого народа, каждый из которых, готов принести себя в жертву во имя блага остальных». Этот эпизод коллективного самопожертвования показывает, что дух евреев не был сломлен.

Автор описывает массовый расстрел мужчин в саду за тюрьмой. Подошла очередь Х. Курицкого. И тут случилось чудо: оказалось, что ров заполнен до конца, и еврею было приказано трамбовать еще шевелящиеся тела. В гетто он стал «ремесленником», выполнявшим различные работы. Точно автор описал крупнейшие акции по уничтожению евреев, в том числе и события 18–19 августа 1941 г., когда группа немецких солдат спасла жизнь ему и другим узникам.

Вместе с тем бывший узник с огромной теплотой вспоминал своих товарищей по несчастью: их отношение друг к другу, вспыхнувшую любовь. После Даугавпилского гетто ему предстояло пройти Кайзервальд, работу в Магдебурге, дожить до Победы.

Большинство выживших узников гетто не оставили своих воспоминаний, упомянув только, что они были в аду. Возможно, они боялись вновь пережить то, что невозможно даже вообразить. Они говорили автору: «Ни один рассказ, ни один кинофильм, ни один человек, не бывший “там”, никогда не сможет даже представить, что мы пережили». Но большинство их имели только среднее образование, и им было трудно логично изложить пережитое. Любая книга, правдиво рассказывающая о Катастрофе, является частью художественного мемориала.

¹ В настоящее время доступна книга и на русском языке. Автор данной статьи переписывался с бывшим узником гетто. В 2020 г. книга была издана на литовском языке.

² Анализ книги содержится в очерке И. Рочко «О книге Х. Курицкого “Уцелеть и рассказать”» (Рочко, 2010: 236- 253).

³ Автор сомневается, что в нечеловеческих условиях гетто и концлагерей можно вести дневник.

Этот мемориал, созданный страданиями людей, обвиняет не только нацистов, их пособников, но и все человечество. Ведь большая часть человечества достаточно хладнокровно наблюдала за Катастрофой. Но писать и исследовать Катастрофу нужно не с целью отмщения, а с целью, чтобы такие трагедии более не повторялись (Frankel-Zaltzman, 2003). Любое воспоминание бывшего узника – это и форма борьбы против нацизма.

3.2. Советская историография Холокоста в Латгалии. Первым упоминанием Катастрофы еще во время войны стала публикация в 1945 г. Р. Ковнатор в московской газете «Эйникайт» на идише «Сёма Шпунгин»¹ (Ковнатор, 1945). В статье рассказывается о мучениях еврейского подростка С. Шпунгина в гетто и побеге из Даугавпилсского гетто. В ней делался акцент на страдания евреев, но и отмечалось, что мальчик спасся благодаря помощи местных жителей².

И лишь один человек продолжал собирать воспоминания, искать документы о Даугавпилском гетто. Это **Залман Якуб** – известный в Даугавпилсе краевед и историк³. Не имея исторического образования, он совершил моральный подвиг, написав очерк о гетто. В 1987 г. в единственном СССР журнале, выходящем на идише, «Советиш Геймланд» в трех номерах (№5, №8 и №9) был опубликован в сокращенном виде очерк З. Якуба «В те дни». В 1993 г. еврейская община города Даугавпилс издала первую книгу «Евреи в Даугавпилсе. Исторические эссе», где была напечатана вся работа З. Якуба на русском языке (Якуб, 1993: 287-395). Эту работу также перевели на иврит, и она увидела свет в Израиле⁴. Это прекрасный и непреходящий памятник мученикам Даугавпилсского гетто, который не может оставить никого равнодушным. Очерк имеет и научное значение, т.к. его автор сумел собрать воспоминания тех, кто пережил Холокост. В работе раскрывается картина произошедшего в городской тюрьме, рядом с которой были расстреляны тысяча местных и литовских евреев-мужчин. Тщательно изложена жизнь в гетто, в т.ч. больницы, юденрата, и описаны крупнейшие акции по уничтожению узников гетто. Много места уделено спасателям и спасенным, работе в городских мастерских, попыткам оказать сопротивление. Такое всестороннее описание трагедии даже родило мысль, что трагедия исследована и больше нет смысла, что-то искать.

3.3. Историография Даугавпилсского гетто в независимой Латвии. В середине начался 1990-х гг. начался новый период не только сбора информации, но и осмысления еврейской Катастрофы. Необходимо отметить огромный вклад Латвийской Комиссии историков Латвии в изучении еврейской трагедии. Ведущие историки страны, изучающие Катастрофу, такие как М. Вестерманис, Р. Вискне, К. Кангерис, А. Странга, Х. Стродс, А. Уртанс, Д. Эрглис и другие, исследовали в основном этот вопрос в Латвии, а также в Латгалии. Например, М. Вестерманис в очерке «Холокост в Латвии.

¹ Газета «Эйникайт» («Единство») выходила на идише с ноября 1942 г. по ноябрь 1948 г. Ковнатор Рахиль (1899, Грива – 1977, Москва) – историк, филолог, редактор. В начале 1930-х гг. Р. Ковнатор редактировала рукопись «Как закалялась сталь» Н. Островского, переписывалась с писателем. В 1943 г. опубликовала биографический очерк «Мать Ленина». Во время Второй мировой войны она работала в Еврейском антифашистском комитете и публиковалась в газете «Эйникайт». Она написала ряд текстов для «Чёрной книги», вышедшей под редакцией И. Эренбурга и В. Гроссмана. Журналист участвовала в подготовке издания «М. Горький в воспоминаниях современников». Ее заслугой в 1950-х – 1960-х гг. являлось участие в издании «Московский университет в воспоминаниях». Ее перу принадлежат две публикации на идише о евреях – Героях Советского Союза: Иосифе Маковском и Полине Гельман. В ГДР о ней писали, как одной из знаменитых женщин в первые годы советской власти. Возможно, журналиста заинтересовала судьба даугавпилсского мальчика, т.к. она была родом из этих же мест (Рочко, 2019: 38-41).

² Первым об этой статье упоминает Г. Маймин (Маймин, 2010).

³ Якуб Залман (1919, Даугавпилс – 2009, Даугавпилс), краевед, историк, участник войны, автор и соавтор нескольких книг, опубликовал более 600 статей на русском, латышском языках, иврите и идише в журналах и газетах Москвы, Риги, Биробиджана, Даугавпилса, Варшавы, Тель-Авива.

⁴ Перевод с идиша на русский язык осуществили Л. Левитан и И. Штейман.

Историографический обзор» показал, как рождалась историография этого вопроса в Латвии (Vestermanis, 1992)¹.

Все названные публикации не давали ясный ответ на фундаментальный вопрос: «Кто виноват?». Узники гетто, зачастую всю вину возлагали на местных пособников нацистов, иногда на немецких офицеров, которые руководили операциями по уничтожению евреев. Но эти лейтенанты и майоры осуществляли политику фашистского государства. Конечно, бывшие узники каждый день видели в гетто своих мучителей. Им казалось, что именно они во всем виноваты. Наиболее значительной научной работой, посвященной Холокосту в Латвии, стал труд американского профессора латышского происхождения А. Эзергайлиса «Холокост в оккупированной немцами Латвии, 1941–1944» (в английском варианте «Отсутствующий центр»), вышедший в 1996 г.² (Ezergailis, 1999). На долгое время книга стала классической работой по изучению Холокоста.

В рассматриваемом труде А. Эзергайлис выдвинул и обосновал идею, суть которой в следующем: если бы не было немецкой оккупации, то не было и Холокоста. Да, антисемитизм всегда существовал, но массового уничтожения не было. Отсюда вывод: виноват немецкий нацизм, а местные коллаборационисты были лишь исполнителями воли оккупантов. Такова обычная точка зрения западных историков, а также большинства историков Латвии. В годы Катастрофы не существовало независимого латвийского государства. На этот момент указывает второе название книги – «Отсутствующий центр». Значит, никто не несет политической ответственности за преступление местных жителей. Личная моральная ответственность может быть возложена только на убийц.

Историк исследовал деятельность специальных команд эйнзацгрупп («группы полной готовности») в Даугавпилсе. А. Эзергайлис упоминает четыре крупнейшие акции по уничтожению узников гетто. Он также объективно рассчитал количество жертв-евреев в Даугавпилсе, которое он оценил в 13 000.

В 2010 г. М. Мелер опубликовал монографию «Места нашей памяти. Еврейские общины, уничтоженные в Холокосте» (Мелер, 2010). На взгляд автора, монография М. Мелера – классический труд, который охватывает Катастрофу во всех городах и населенных пунктах Латвии и Латгалии. Простое перечисление населенных пунктов Латгалии, которые М. Мелер изучил, показывает всеохватывающий характер исследования. Усилиями одного человека и его добровольных помощников в течение восьми лет была создана уникальная энциклопедия Холокоста в Латвии. Он описал историю Даугавпилского гетто, используя огромный архивный материал, а также исследования даугавпилских ученых (Мелер, 2010: 134-154).

В 2003 г. группа даугавпилских историков издала книгу «Холокост в Латгалии» (Волкович и др., 2003). Автор данной статьи для упомянутой книги написал очерк «Спасенные, спасение, спасатели». В рассматриваемом очерке предпринята попытка воссоздать картину жизни и гибели евреев Даугавпилса. В работе использованы воспоминания тех, кто выжил в гетто, сумел спастись от уничтожения, благодаря спасителям, а также воспоминания спасителей и неевреев, которые были свидетелями трагедии. Такой подход позволил показать объективную картину событий. Рассмотрена психология узников и психология убийц, а также «молчаливого большинства» или «стоящих в стороне». Анализ последних воспоминаний – фактически рассказ о Катастрофе нееврейскими глазами. Их представления лучше позволяют понять обстоятельства спасения евреев и сотрудничества части местных жителей с оккупационными властями. Автор пришел к мнению, что помочь еврею – означало не подчиниться приказам оккупационного режима. Спасти еврея – это значит оказать активное сопротивление нацизму и их местным коллаборационистам.

4. Заключение

Тема гетто и Холокоста до конца не изучена, однако сохранившиеся воспоминания узников гетто и публикации советских, западных и латвийских исследователей помогают

¹ Это исследование дополнялось в последующих публикациях (Vestermanis, 2001; Vestermanis, 2007).

² Изначально исследование было опубликовано на английском языке. Через три года книга вышла на латышском языке.

глубже раскрыть эту непростую тему – катастрофу, которая коснулась огромной территории бывшего СССР. На примере изучения истории Даугавпилского гетто, автор статьи продемонстрировал многообразие подходов к изучению данного вопроса, а также то, как менялись представления тех, кто отваживался что-либо опубликовать по данной теме.

Литература

Волкович и др., 2002 – Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И., Сташевский М., Шнейер А., Штейман И. Холокост в Латгалии. Даугавпилс: Даугавпилсская еврейская община, 2003. 146 с.

Ивенс, 2005 – Ивенс С. Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора. Пер. Е.В. Осенева, ред. И. Парина. М.: Аграф, 2005. 396 с.

Кантор, 1950 – Кантор М. Не было ли это сном? Воспоминания о Двинском гетто. [Б. м., б. г. (Израиль)]. 1950. 78 с. (иврит).

Ковнатор, 1945 – Ковнатор Р. Сёма Шпунгин // *Эйникайт*. 1945. 3 марта.

Курицкий, 2004 – Курицкий Х. Уцелеть и рассказать. Тель-Авив, 2004. 121 с. (иврит).

Маймин, 2010 – Маймин Г. Они пережили холокост // Личный архив И. Рочко.

Мелер, 2010 – Мелер М. Места нашей памяти: еврейские общины Латвии, уничтоженные в Холокосте. Рига: Рижская еврейская община, музей «Евреи в Латвии», 2010. 471 с.

Рочко, 2003 – Рочко И. Жертвы, спасённые, спасатели. Холокост в Латгалии. Даугавпилс: Даугавпилсская еврейская община, 2003. 146 с.

Рочко, 2010 – Рочко И. Евреи в Латгалии: исторические очерки. Кн. 1. Музей «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии» Даугавпилсской религиозной общины и еврейского общества. Даугавпилс: [Б.и.], 2010. 482 с.

Рочко, 2019 – Рочко И. Знаменитые евреи Латгалии. Кн. 2 / Ред. Г. Рочко. Даугавпилс: [Б.и.], 2019. 532 с.

Цин, 1997 – Цин Б. Выжить, чтобы вернуться: документальная повесть. Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного. 1997. 259 с.

Якуб, 1993 – Якуб З. В те дни: из истории Даугавпилского гетто. // Евреи в Даугавпилсе. Исторические эссе. Даугавпилс: Даугавпилсская еврейская община. 1993. С. 287-395.

Abramowitch, 2002 – Abramowitch M. To forgive... but not forget: Maja's story. London: Vallentine Mitchell. 2002. 136 p.

Ezergailis, 1999 – Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā. 1941–1944. Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 1999. 591 l.

Frankel-Zaltzman, 2003 – Frankel-Zaltzman P. Haftling (Prisoner) No. 94771. Holocaust Memoirs / Ed. by M.M. Shafir. Published by The Concordia University Chair in Canadian Jewish Studies and The Montreal Institute for Genocide and Human Rights Studies. 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://migs.concordia.ca/memoirs/frankel_zaltzman_paula/frankel_zaltzman_paula_intro.htm (дата обращения: 04.05.2021).

Rassen, 1949 – Rassen J. Mir viln lebn. New York: Kedem Press. 1949. 122 p.

Vestermanis, 1992 – Vestermanis M. Holokausts Latvijā: Historiogrāfisks apskats // *Ārzemju literatūra par Latviju*. Rīga: Zinātne, Zinātne, 1992. L. 122-135.

Vestermanis, 2001 – Vestermanis M. Holokausts Latvijā. Historiogrāfisks apskats // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā: Starptautiskās konferences referāti 2000. gada 16–17. oktobris*. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2001. L. 36-49.

Vestermanis, 2007 – Vestermanis M. Holokausts Latvijā. Historiogrāfisks apskats // *Pētījumi par holokaustu Latvijā. Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti. 2. sējums. Otrais izdevums*. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007. L. 36-48

References

Abramowitch, 2002 – Abramowitch, M. (2002). To forgive... but not forget: Maja's story. London: Vallentine Mitchell, 136 p.

Ezergailis, 1999 – Ezergailis, A. (1999). Holokausts vācu okupētajā Latvijā. 1941–1944 [Holocaust in German-occupied Latvia. 1941–1944]. Rīga, 591 p. [in Latvian]

Frankel-Zaltzman, 2003 – *Frankel-Zaltzman, P.* (2003). Haftling (Prisoner) No. 94771. Holocaust Memoirs. Ed. by M.M. Shafir. Published by The Concordia University Chair in Canadian Jewish Studies and The Montreal Institute for Genocide and Human Rights Studies. [Electronic resource]. URL: http://migs.concordia.ca/memoirs/frankel_zaltzman_paula/frankel_zaltzman_paula_intro.htm (date of access: 04.05.2021)

Ivens, 2005 – *Ivens, S.* (2005). Kak nebesa temny: 1400 dnei v tiskakh natsistskogo terrora [How the skies are dark: 1400 days in the grip of Nazi terror]. Transl. Oseneva E., ed. Parina I. Moscow: Agraf, 396 p. [in Russian]

Kantor, 1950 – *Kantor, M.* (1950). Ne bylo li eto snom? Vospominaniya o Dvinskom getto [Was it a dream? Memories of the Dvina ghetto] [a.m., a. d.], 78 p. [in Hebrew]

Kovnator, 1945 – *Kovnator, R.* (1945). Sema Shpungin. *Einikait*. 1945. March 3. [in Russian]

Kuritskii, 2004 – *Kuritskii, Kh.* (2004). Utselet' i rasskazat' [Survive and tell]. Tel'-Aviv, 121 p. [in Hebrew]

Maimin, 2010 – *Maimin, G.* (2010). Oni perezhilli kholokost [They survived the Holocaust]. Personal archive of I. Rochko [in Russian]

Meler, 2010 – *Meler, M.* (2010). Mesta nashei pamyati: evreiskie obshchiny Latvii, unichtozhennye v Kholokoste [Places of our memory: Jewish communities of Latvia destroyed in the Holocaust]. Riga: Rizhskaya evreiskaya obshchina, muzei "Evrei v Latvii", 471 p. [in Russian]

Rassen, 1949 – *Rassen, J.* (1949). Mir viln lebn... Kedem Press. New York, 122 p.

Rochko, 2003 – *Rochko, I.* (2003). Zhertvy, spasennye, spasateli. Kholokost v Latgalii [Victims, rescued, rescuers. The Holocaust in Latgale] Daugavpils: Daugavpilsskaya evreyskaya obshchina, 146 p. [in Russian]

Rochko, 2010 – *Rochko, I.* (2010). Evrei v Latgalii: istoricheskie ocherki [Jews in Latgale: historical essays]. Book 1. Muzei "Evrei v Daugavpilsē i Latgalii" Daugavpilsskoi religioznoi obshchiny i evreiskogo obshchestva [Museum "Jews in Daugavpils and Latgale" of the Daugavpils Jewish community and Daugavpils Jewish religious society]. Daugavpils: [a.m.], 146 p. [in Russian]

Rochko, 2019 – *Rochko, I.* (2019). Znamenitnye evrei Latgalii [Famous Jews of Latgale]. Book 2 / ed. G. Rochko. Daugavpils: [a.m.], 532 p. [in Russian]

Tsin, 1997 – *Tsin, B.* (1997). Vyzhit', chtoby vernut'sya: dokumental'naya povest' [Survive to return: a documentary story]. Tel'-Aviv: Biblioteka Matveya Chernogo. 259 p. [in Russian]

Vestermanis, 1992 – *Vestermanis, M.* (1992). Holokausts Latvijā: Historiogrāfisks apskats [The Holocaust in Latvia: historiographic review]. Ārzemju literatūra par Latviju [Foreign literature about Latvia]. Rīga: Zinātne, pp. 122-135. [in Latvian]

Vestermanis, 2001 – *Vestermanis, M.* (2001). Holokausts Latvijā. Historiogrāfisks apskats [The Holocaust in Latvia: historiographic review]. Holokausta izpētes problēmas Latvijā: Starptautiskās konferences referāti 2000. gada 16–17 oktobris [Problems of Holocaust Research in Latvia: international conference reports October 16–17, 2000]. Rīga, 36-49 [in Latvian]

Vestermanis, 2007 – *Vestermanis, M.* (2007). Holokausts Latvijā. Historiogrāfisks apskats. [The Holocaust in Latvia: historiographic review]. Pētījumi par holokaustu Latvijā. Latvijas Vēsturnieku Komisijas raksti [Research on the Holocaust in Latvia. Articles by the Latvian Commission of historians]. 2. sējums. Otrais izdevums. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, pp. 36-48. [in Latvian]

Volkovich et al., 2003 – *Volkovich, B., Olekhovich, D., Rochko, I., Stashevskii, M., Shneer, A., Shteiman, I.* (2003). Kholokost v Latgalii [The Holocaust in Latgale]. Daugavpils: Daugavpilsskaya evreyskaya obshchina, 146 p. [in Russian]

Yakub, 1993 – *Yakub, Z.* (1993). V te dni: iz istorii Daugavpilsskogo getto [In those days: from the history of the Daugavpils ghetto]. Evrei v Daugavpilsē. Istoricheskie esse [Jews in Daugavpils. Historical essays]. Daugavpils: Daugavpilsskaya evreyskaya obshchina, pp. 287-395. [in Russian]

Мемуары и исследования по истории Даугавпилсского гетто

Иосиф Гершенович Рочко ^{а, *}

^а Музей «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии», Даугавпилс, Латвия

Аннотация. Даугавпилсское гетто существовало с 15 июля 1941 г. по 28 октября 1943 г. Через ворота гетто прошли более 13000 евреев. Выжили немногим более 100. В гетто находились евреи Даугавпилса и окрестностей, небольших городов и местечек Латгалии, а также несколько тысяч евреев из Литвы. Около десяти бывших узников оставили дневники и воспоминания о тех страшных днях, которые опубликованы и дошли до наших дней. Позже появились работы ученых-историков, краеведов об истории Даугавпилсского гетто. Автор условно разделил работы: во-первых, написанные на Западе и США, во-вторых, – в СССР, в-третьих, в Латвийской Республике. Такой комплексный подход включает в себя идеологическое обоснование, сохраняет хронологию, место и язык издания. Совокупность всех этих работ составляет предмет исследования.

Ключевые слова: Даугавпилс, гетто, историография, книги, воспоминания, жертвы, Холокост.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: rochko@inbox.lv (И.Г. Рочко)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 129-140

DOI: 10.13187/rs.2021.2.129
<https://rs.cherkasgu.press>

Reconstruction of the Forestry Fleet on Izhevsk and Votkinsk Ponds in the 1930–1950s

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^d Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

Abstract

The composition of the Udmurtia forestry fleets and ship biographies were reconstructed according to the annual technical and statistical reports of the Udmurtia's forestry. The "26-vod" form of statistical reports of forest-enterprise was of great importance in the post-war years. However, until 1946 the completion of this or a similar form was usually ignored. In this connection, only the information on the vessels directly participating in the rafting can be reconstructed more or less reliably. But a comprehensive analysis of the reports makes it possible to identify auxiliary fleet vessels with a high probability.

In the second half of the 1920s forest divisions were separated from the Izhevsk and Votkinsk factories into separate enterprises, with the transfer of the former factory fleet to them. It is shown that until the 1940s a process of enlargement of these enterprises is underway to provide fast-growing enterprises of Izhevsk and Votkinsk with timber and timber products. But at the same time, the fleets are mainly equipped with former factory ships of pre-revolutionary construction: the Votkinsk's mechanical forest-station with the steamers "Azin", "Oktyabr" and the former barge of the Votkinsk's factory, the Selychka's timber station with the former steamer "Krasny Splyavshchik" of the Izhevsk's factories. In the early 1940s fleet renewal began, but it was interrupted by the outbreak of the Great Patriotic war, however, the Votkinsk mechanic forest-station received the "Pyatiletka" gas-generator boat, which was used during the war. In the post-war period, along with river transport throughout the country, technical re-equipment of the fleets of the forestry of Udmurtia began. New vessels with gas engines enter the enterprises, which are less labor-consuming to maintain compared to steam engines (the "Kirovets" boat of the "Izhles" trust, the half-glider of the Dulesovo's farm, the gas boat of the Votkinsk timber industry enterprise, etc.). Instead of the steamer "Krasny Splyavshchik", handed over to the Izhevsk Production Office and the non-self-propelled barge of the Votkinsk timber industry enterprise, handed over to the "Mariles" trust, self-propelled barges arrive.

However, the development of the transport network, primarily the automobile and railway, as well as the power supply network, has led to the fact that since the 1950s the need for firewood, as the main energy source, has fallen significantly. As a result, there was a serious reduction in the

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

fleets of forestry enterprises in Udmurtia, and, as a result, a complete cessation of forest transportation through ponds.

Keywords: statistical report, technical report, Central Statistical Office, navigation, river transport, historical source, Izhevsk pond, Votkinsk pond, steamboat, fleet, forestry, timber industry, forest-station.

1. Введение

Водный транспорт представлял собой один из наиболее востребованных видов транспорта в СССР. Из-за огромных территорий и сравнительной неразвитости сети шоссежных и железных дорог долгое время он был единственным средством сообщения, связывавшим целые регионы с остальной страной. Из-за своей актуальности данная тема получила широкое освещение в отечественной историографии начиная с 20-х годов XX в., особенно в экономических, технологических и исторических аспектах. Однако история водного транспорта на региональном уровне рассмотрена совершенно недостаточно. Немногие работы по водному транспорту Удмуртии поднимали, зачастую лишь фрагментарно, историю судостроения на Воткинском заводе, в основном в организационных и социальных аспектах, а также историю водных перевозок по Каме – крупнейшей водной артерии Урало-Поволжья. Что касается истории водного транспорта на замкнутых акваториях типа Ижевского и Воткинского прудов, то каких-то комплексных работ до сих пор не было, несмотря на то, что многие исследователи Ижевских и Воткинского заводов признавали высокую значимость перевозок по этим акваториям для обеспечения производства.

До середины XX в. основным энергоносителем Ижевских и Воткинского заводов оставались дрова, и от успешности подвоза леса в необходимом объеме зависело выполнение производственных программ. До середины 1920-х гг. лесными перевозками занимались соответствующие подразделения заводов, однако бурное развитие промышленности Удмуртии заставило организовать сеть специализированных лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, которые и взяли на себя функции обеспечения лесом заводов Ижевска и Воткинска.

Задача данной работы состояла в том, чтобы определить состав и проследить эволюцию флотов лесных хозяйств Ижевского и Воткинского прудов, на которые легла функция обеспечения лесом имеющихся там заводов. Хронологические рамки определились датой организации в 1931 г. Воткинского мехлесопункта – первого лесного хозяйства Удмуртии, имевшего свой технический флот. Верхняя граница – 1957 г. – это дата ликвидации единого флота предприятия «Удмуртлес».

2. Материалы и методы

История эксплуатации судов, переданных в распоряжение хозяйствующих субъектов, неподотчетных центральным транспортным министерствам и ведомствам (Минречтранс, Минречфлоту и т.д.), делает задачу реконструкции их карьеры нетривиальной. Если структуры типа пароходств постоянно издавали приказы и распоряжения, в которых фигурировали названия и регистрационные номера имевшихся судов, то флоты лесных хозяйств жили по своим правилам и практически не упоминались в общих приказах по предприятию. Не вели они и традиционную для структур речтранса делопроизводственную документацию, например, ежегодные технико-эксплуатационные отчеты. В результате, по-видимому, эксплуатационная информация по флотам лесных хозяйств оказалась утраченной, в связи с чем выявление источников, в которых могут содержаться сведения о составе и состоянии флотов лесных хозяйств, дает возможность понять принципы их функционирования и в конечном итоге выявить значение этих небольших флотов при решении важных народно-хозяйственных задач.

Условия ведения делопроизводственной документации на территории СССР предполагали заполнение традиционных годовых статистических отчетов, куда, кроме сводного баланса, входило множество приложений, сопоставляя которые за несколько лет подряд, можно выделить информацию, касающуюся флота. В послевоенные годы большое значение имела форма «26-вод», в которой подавались сведения о наличии или отсутствии у любого, даже самого маленького хозяйства собственных плавсредств. К сожалению,

эта форма отсутствует в довоенных отчетах, ее роль частично выполняла форма 7 о техническом вооружении хозяйства. Однако по опыту ее заполнения не только для лесных хозяйств, но и вообще для большинства предприятий Удмуртии можно сделать вывод, что раздел водного транспорта обычно игнорировался. В связи с чем достоверно установить до 1946 г. можно лишь флот, непосредственно задействованный в лесосплаве. Сведения об остальных судах попадают в делопроизводственную документацию лишь эпизодически, например, разъездные катера могли фигурировать как потребители бензина по статье автотранспорта. Кроме того, успеха можно достичь лишь при комплексном анализе всего корпуса источников, например, в отчете об имеющихся в наличии паровых машинах может присутствовать судовая машина без прямого указания на это.

При работе с этим видом источников приходится иметь в виду два его главных недостатка: во-первых, в нем нередко есть ошибки, а во-вторых, там отсутствует поименное перечисление плавсредств. Первый недостаток обычно объясняется неаккуратностью составителя. Наиболее грубые ошибки обычно устранялись при личном контакте работника Статуправления и представителя предприятия, но множество менее существенных погрешностей так и могло оставаться в бланках. Что касается поименного списка судов, то без привлечения других источников обычно реконструировать его не представляется возможным. Это могут быть, например, акты инвентаризации имущества леспромхоза, техпромфинпланы или иные документы.

3. Обсуждение и результаты

Состав флотов лесных хозяйств по статотчетам в 1946–1956 гг. В 1946 г. при Совете Министров Удмуртской АССР было образовано Управление по технической эксплуатации малых рек. Оно сыграло большую роль в развитии водного транспорта в республике. Но самое важное: в Управление сходились все данные о водном транспорте, даже из неподотчетных Минречтрансхозу хозяйств. Это заставило леспромхозы более ответственно подходить к заполнению соответствующих статистических форм. Если до 1946 г. были нередки случаи, когда в итоговом отчете форма «26-вод» о наличии в хозяйстве водного транспорта сдавалась незаполненной, то с 1946 г. она стала заполняться регулярно. Поэтому представляется целесообразным использовать наиболее «проработанный» период в качестве опорной информации и начальной точки отсчета, после чего проследить эволюцию флотов по более ранним документам, которые, к сожалению, дают сведения о составе флотов крайне эклектично.

Имеющиеся данные статистических отчетов сведены в [Таблице 1](#). Ранее нами была предложена методика расшифровки этих отчетов, с успехом примененная на материалах завода № 74 ([Mitiukov et al., 2019](#)) и флота Управления по транспортному освоению малых рек ([Митюков, Баутина, 2020](#)). Пользуясь ею, можно расшифровать эволюцию судового состава лесных хозяйств Ижевского и Воткинского прудов в период с 1946 по 1956 гг.

Таблица 1. Флоты хозяйств Минлеспрома Удмуртии по форме «26-вод» в отчетах ЦСУ (В – только Воткинский пруд, И – только Ижевский пруд)

Год	грузопассажирский		буксирный		несамоходный		Источник (все: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4)
	шт.	мощн., л.с.	шт.	мощн., л.с.	шт.	грузоп., т	
1946 (И)	–	–	1	115	–	–	Д. 767. Л. 710б.
1946 (В)	–	–	3	95	–	–	Д. 799. Л. 370б.
1946 (В)	–	–	4	125	1	400	Д. 766. Л. 560б.
1947 (И)	–	–	1	115	–	–	Д. 951. Л. 420б.
1947 (В)	2	90	2	106	1	250	Д. 951. Л. 430б.
1948 (И)	1	–	1	–	–	–	Д. 1367. Л. 460б.
1949	–	–	5	209	2	412	Д. 1738. Л. 58
1949	–	–	6	358	2	415	Д. 1568. Л. 11
1950	–	–	6	358	2	415	Д. 1941. Л. 16
1951	1	73	5	281	–	–	Д. 2311. Л. 17

1953	–	–	5	246	2	40	Д. 3123. Л. 17
1954	1	–	7	–	2	–	Д. 3584. Л. 46
1955	–	–	10	–	–	–	Д. 4016. Л. 410б.
1956	1	32	4	206	–	–	Д. 4315. Л. 74
1956 (И)	1	32	1	110	–	–	Д. 4315. Л. 81
1956 (В)	–	–	3	96	–	–	Д. 4315. Л. 82

На 1946 г. Селыченский лесопункт (ЛП) имеет в своем составе один пароход с мощностью машины 115 л.с. с водоизмещением 41 т, он числится в графе «буксирный» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 767. Л. 710б.). В данном случае сомнений в его идентификации не возникает, это «Красный сплавщик», переданный в 1952 г. в состав Ижевской эксплуатационной конторы. Информация о нем дополняется техническим отчетом лесопункта, который имеет на балансе пароходную паровую машину в 35 л.с. Расхождение 35 и 115 л.с. смущать не должно – в одном случае указана эффективная мощность на гребном колесе, а во втором – индикаторная, мощность под поршнем. Эта паровая машина фигурирует в составе оборудования на начало года и конец года (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 767. Л. 169).

В 1946 г. в составе Воткинского мехлесопункта (МЛП) числятся два парохода и буксирный катер (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 799. Л. 370б.). Форма указывает всех их по статье «буксирные суда» с суммарной мощностью 95 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 799. Л. 390б.). В другие годы у этого хозяйства числится баржа (табл. 1), но в 1946 г. ее почему-то нет. В последующих отчетах два парохода однозначно идентифицируются как «Азин» (48 л.с.) и «Октябрь» (28 л.с.). И тогда мощность буксирного катера с учетом округления составляет 20 л.с. В 1946 г. имеется еще один отчет по Минлеспрому УАССР, куда кроме Воткинского МЛП входит еще и трест «Ижлес» (4 судна в 125 л.с.). В результате довольно легко определяется, что во флоте последнего имеется катер с мощностью машины 30 л.с. И как дополнение к отчету Воткинского МЛП указана пропущенная там баржа в 400 т.

Отчет 1947 г. в Ижевске и Воткинске выделяет три лесных хозяйства, имеющих свой флот: Селыченский леспромхоз (ЛПХ) – «Красный сплавщик», 115 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 420б.), и два хозяйства Минлеспрома УАССР, имеющие в сумме 2 буксирных парохода в 106 л.с. («Азин» и «Октябрь»), два буксирных катера в 90 л.с. и одну баржу в 250 т (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 430б.). В форме имеется примечание, что один катер числится на балансе Дулесовского леспромхоза (на Каме), остальные – в Воткинском МЛП. Как видно, мощность пароходов странным образом округлена до 106 л.с. вместо 76 л.с. Разница в 30 л.с. как раз составляет мощность судна, имевшегося в распоряжении «Ижлеса» на Ижевском пруду, что вряд ли случайно. Тем более что в отчете этого года судно нигде более не учтено. Так что, вероятно, в бланке допущена ошибка и следует читать три буксирных судна в 106 л.с., а не два.

Соответственно, если в Воткинском МЛП в прошлом году был катер в 20 л.с., то получается, что в Дулесово имеется судно в 70 л.с. (90–20=70).

Некоторая неожиданность имеется в техническом отчете треста «Ижлес». В нем на начало и конец года имеется «Катер разъездной» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1082. Л. 490б.), который числится как приобретенный в отчетный период за 55 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1082. Л. 6). Поскольку в статведомости за 1947 г. он не указан, очевидно, судно должно появиться на следующий год. К сожалению, проверить это невозможно, так как за 1948 г. статведомости отсутствуют.

То, что приобретенный катер треста «Ижлес» и имевшийся до того катер – разные суда, подтверждается отчетом 1948 г. На начало и конец года у треста в составе оборудования снова числится «пароход буксирный» и «катер разъездной» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1367. Л. 460б.). «Пароход буксирный» – это «Красный сплавщик», а «катер разъездной» – имевшийся ранее с мощностью 30 л.с.

В 1949 г. произошло объединение флотов нескольких лесных хозяйств во флот комбината «Удмуртлес». Поэтому на этот год на его балансе числится 5 самоходных судов общей мощностью 209 л.с. и два несамоходных суммарной грузоподъемностью 412 т (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1738. Л. 58). Можно предположить, что в этой ведомости в числе

несамоходных судов учтен «Красный сплавщик», поскольку его мощность составляет больше половины от указанных 209 л.с. и вряд ли он учитывался по этой статье. В качестве предположения, что грузоподъемность баржи Воткинского мехлесопункта в 1946–1947 гг. меняется от 400 до 250 т, это вполне вероятно. Например, баржа показана в 300 т, а «Красный сплавщик» – 112 т, с учетом обычной для отчетов путницы между лошадиными силами и тоннами (самоходные суда характеризовались мощностью, а несамоходные – грузоподъемностью, и при переводе судна из самоходных в несамоходные и наоборот отчеты демонстрируют полное тождество этих параметров, лишь бы цифры совпадали).

С другой стороны, в 1947 г. в объединенном флоте Воткинского МЛП, Дулесовского леспромхоза и треста «Ижлес» имелось пять судов с суммарной мощностью 196 л.с. Получается, что в 1949 г. имеется увеличение мощности на 13 л.с., которые вполне могли появиться как погрешность округления.

Имеется еще один отчет за 1949 г., вероятно, из-за того, что в статуправлении указали на явную нестыковку в мощностях. К нему приложена пояснительная записка с калькуляцией, как были получены отчетные цифры (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 11). А именно: «Красный сплавщик» (115 л.с.), «Азин» (48 л.с.), «Октябрь» (28 л.с.), два катера 92 л.с. (по ним имеется непонятное примечание: «на Каме Саран.» – на Каме в Сарапуле? Возможно, оно намекает на Дулесовский леспромхоз) – в сумме 283 л.с. К ним добавляется полученный в этом году новый катер, о котором написано также неразборчиво: «катер Кировск[ого] завода» или «катер Кировец [с] завода» в 75 л.с. Здесь стоит отметить, что в этом же году на балансе завода № 74 также появляется катер «Кировец» в 75 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 8), который в последующие годы параллельно с «удмуртлесовским» числится на балансе завода. Вряд ли это простое совпадение, возможно, речь идет о каких-то серийных катерах. Но, так или иначе, получается в сумме шесть судов в 358 л.с.

К статистической ведомости имеется примечание: «Увеличение за счет слияния с Минлесом. Ввиду технического состояния, регистр разрешил “Кр[асный] сплавщик” использовать как производственный». Таким образом, если шесть судов давали в сумме 358 л.с., то без «Красного сплавщика» получается пять судов с суммарной мощностью 243 л.с., что очень близко к отчетности «Удмуртлеса» за 1949 г., где числится пять катеров с суммарными 209 л.с. Указанное обстоятельство можно объяснить следующим соображением. В 1949 г. пароход «Красный сплавщик» производит ремонт своей машины, которую, возможно, временно убирают с баланса, но само судно продолжает значиться как пароход по некоторым формам отчета, по другим числясь баржей. Из-за этого в 1949 г. пять судов, а в 1950 г. – шесть (в том числе три парохода).

По-видимому, в ответ на указанное из Статуправления несоответствие цифр в форме 1949 г. снова приложена пояснительная записка. В ней среди прочего указывается: «В годовом отчете комбината “Удмуртлес” за 1949 г. по основной деятельности, основные показатели по речному флоту за 1949 год, согласно форме 26-вод показаны следующие: 1. Самоходного флота (транспортного) 5 единиц общ[ей] мощн[остью] 209 л.с. ... В текущей отчетности по форме 26-вод основные показатели речного флота за 1949 г. показаны: 1. Самоходного флота (производственного) 3 единицы общ[ей] мощн[остью] 186 л.с. ... Уточняя эти расхождения по телефону с Вашими сотрудниками тт. Кычановым и Пономаревой оказывается Удмуртлескомбинат имеет 1. Самоходного флота (производств[енного]) 6 единиц общ. мощностью 358 л.с.» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 12).

Цифра 186 л.с. близка к суммарной мощности трех пароходов, если мощность «Красного сплавщика» округлить до 110 л.с. Здесь имеется в виду, что это буксирные суда, тогда остальные три получаются грузопассажирскими.

Имеется также «Акт приемки комбината “Удмуртлес” Главвостлеса Минлесбумпрома СССР» от 30 июня 1949 г., где в разделе «Техновооруженность» в составе Воткинского ЛПХ числится три парохода. Больше пароходов другие леспромхозы по этой ведомости не имеют (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 3. Д. 1. Л. 91).

Наконец, в общем статотчете Речтранса УАССР за 1950 г. в графе «Удмуртлес» показаны шесть самоходных судов с суммарной мощностью 358 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1941. Л. 16), структура которых понятна по отчету 1949 г. Возможно, этот документ

указывает на то, что предыдущий отчет был составлен ближе к концу 1949 г., чтобы как раз и обеспечить достоверными цифрами отчет за 1950 г.

Отчет 1951 г. показывает шесть судов с суммарной мощностью 354 л.с., в том числе одно грузопассажирское (73 л.с.) и пять буксирных (281 л.с.) (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2311. Л. 17). На обороте формы имеется пояснительная записка: «3 буксирных парохода: 1 – 110 сил, 2 – 76 сил работали на буксировке древесины по пруду. 3 катера служебно-разъездные и [для] вывода кошелей для буксировки». Пароход в 110 сил это «Красный сплавщик», два в 76 сил – это «Азин» и «Октябрь». В качестве грузопассажирского явно указан «Кировец» (73 л.с. вместо показанных ранее 75 л.с.). Соответственно на два разъездных катера приходится $281-110-76=95$ л.с. (вместо 90 л.с.). Что интересно, кроме трех пароходов, в тресте имеются три «жидкотопливных» (т.е. бензиновых или дизельных) катера, все как на начало года, так и на его конец (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2066. Л. 590б.). Выходит, что катера в Воткинске, Дулесово и «Кировец» – мотокатера или теплоходы.

Отчет 1953 г. показывает в «Удмуртлесе» пять судов, все буксирные, суммарной мощностью 246 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3123. Л. 17). По сравнению с предыдущими отчетами не хватает одного судна с мощностью 108 л.с. Учитывая возможность округления (два разъездных катера могут быть показаны с мощностью 90 л.с.), это явно «Красный сплавщик», переданный в Ижевскую эксплуатационную контору. По-видимому, составители отчета снова усомнились в корректности заполнения формы, и потому в ней карандашом приводятся другие варианты заполнения. Всего судов шесть в 418 л.с., в том числе четыре грузопассажирских в 323 л.с. и два буксирных в 95 л.с. Кроме того, на полях написано: «1 парох[од] – 172 [л.с.?]». В графе буксирных судов явно имеются в виду два катера на Каме, мощность которых в предыдущих отчетах указывалась в 90, 92 и даже 95 л.с. Тогда если «Азин» и «Октябрь» в сумме дают 76 л.с., а «Кировец» – 75 л.с., получается $323-76-75=172$ л.с.

Очевидно, проверяющий из Статуправления указал на явное несоответствие расчетных значений, не поняв о каком пароходе в 172 л.с. идет речь. В углу имеется примечание карандашом: «1 – пароход передан в управление малых рек» (имеется в виду «Красный сплавщик», переданный в Ижевскую эксплуатационную контору).

По отчету всего Управления малых рек за 1953 г. в тресте имеется на балансе две баржи в 40 т (ранее их не было) и пять ранее уже упоминавшихся буксирных судов в 246 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3123. Л. 17). Это «Азин» и «Октябрь» (76 л.с.), «Кировец» (75 л.с.) и два разъездных судна на Каме (95 л.с.).

В штатном расписании «Удмуртлеса» в расшифровке таблицы о наличии автотранспорта в Управлении комбината на 1949 г. указано, что кроме автомобилей там имеется катер, дающий в месяц 1000 км пробега при норме расхода 30 кг топлива на 10 км. Всего за год судно проходит 3000 км, в результате чего затраты на топливо составляют 2,7 тыс. руб. (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 6а. Л. 46). В подобной же расшифровке к штатному расписанию на 1954 г. указано, что кроме автомобилей имеется катер, совершающий в месяц по 420 км пробега и имеющий нормы расхода горючего 30 л на 10 км пробега (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 6. Л. 132). Судя по расходу топлива, в 1949 г. и 1954 г. в хозяйстве числился один и тот же катер. А поскольку он указан вместе с автомобилями, можно предположить, что его не указали в разделе водного транспорта и, скорее всего, это катер в 30 л.с., пропавший из отчетов в 1949 г. в объединенном «Удмуртлесе».

В 1954 г. в предприятии числились 2 парохода, 5 буксирных катеров, 1 разъездной катер и 2 самоходные баржи (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3584. Л. 46). Пароходы получают «Азин» и «Октябрь», самоходные баржи – те самые, что впервые упомянуты в 1953 г., разъездной катер – это может быть только тот, о котором говорилось в разделе автотранспорта. А вот относительно идентификации пяти буксирных катеров возникают вопросы. Два катера и «Кировец» имелись и ранее, получается, что флот пополнился сразу двумя судами. К сожалению, об их мощности ничего нельзя сказать из-за отсутствия в отчете формы «26-вод». Возможно, в буксирные катера ошибочно зачислили нигде более не упомянутую баржу Воткинского ЛПХ, но даже в этом случае появляется какое-то новое судно.

В 1955 г. в «Удмуртлесе» числятся 2 парохода и 8 катеров (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4016, Л. 410б.). Видно, что в число катеров зачислены как буксирные, так разъездные

и самоходные баржи из предыдущего отчета. В этот год тресту «Марилес» по распоряжению Минлеспрома РСФСР от 7.05.1955 № Г-1379, подтвержденному телеграммой от 13.02.1956 г., переданы баржа (балансовая стоимость 56,2 тыс. руб.) и катер (стоимость 55,5 тыс. руб., износ 2,6 тыс. руб.) (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4016. Л. 107).

1956 г. стал последним годом, когда у «Удмуртлеса» имеется свой флот. В итоговом статотчете предприятия за 1956 г. в оглавлении имеется запись о наличии формы «26-вод», но по факту она отсутствует (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4345). В последующих отчетах 1957 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4837), 1958 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 5241) и др. форма «26-вод» отсутствует даже в оглавлении.

К счастью, эта форма дублируется итоговым отчетом по Управлению малых рек (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4315. Л. 74). В ней за комбинатом «Удмуртлес» числится пять судов суммарной мощностью 238 л.с., в том числе одно грузопассажирское в 32 л.с. (вероятно, новое, приобретение которого было вычислено в 1954 г.), и четыре буксирных в 206 л.с. В кратких пояснениях к отчету отмечено: «В число флота включены буксирные пароходы, катера и самоходные баржи». Таким образом, подтверждается приобретение в 1954 г. нового судна (32 л.с.), а также то, что проданная баржа Воткинского ЛПХ, скорее всего, ранее была ошибочно показана как самоходная. Безымянная разъездная лодка, бывшая еще в «Ижлесе», в форме снова не показана. Это доводит численность флота до двух пароходов и восьми катеров в предыдущий год.

Этим же отчетом объясняется факт отсутствия флота у «Удмуртлеса» в последующие годы. По-видимому, из треста выделили флоты двух леспромхозов (Чуровский и Воткинский). При разделе катер, находившийся в Дулесово, скорее всего, нашел нового хозяина или был приписан к Чуровскому ЛПХ.

Форма по Воткинскому ЛПХ показывает, что там имеются три буксирных судна в 96 л.с. В кратких пояснениях написано: «В число флота включены буксирные пароходы 48 и 28 л.с. и самоходная генераторная баржа 20 л.с.» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4315. Л. 82). Выходит, что упомянутые выше две баржи в 40 т на самом деле – самоходки по 20 л.с. (снова наблюдается полное тождество лошадиных сил и тонн вместимости для составителей отчета). В форме по Чуровскому леспромхозу (пос. Сельчка, верховья Ижевского пруда) показано, что за ним числится одно грузопассажирское судно в 32 л.с. и одно буксирное в 110 л.с. без детализации, что это за суда (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4315. Л. 81).

Буксирное судно в 110 л.с., вероятно, недавно приобретенное или появившееся из-за ошибки расчетах. Действительно, 110 л.с. + 96 л.с. = 206 л.с., как в объединенном отчете. Информация, что в Воткинске имеется генераторная баржа в 20 л.с., – четкое указание на то, что полученные в 1953 г. две баржи как раз и были самоходки (2×20=40) с обычной путницей между лошадиными силами мощности и тоннами грузоподъемности (одна в Воткинске, одна в Ижевске). Но тогда получается, что четыре судна в 206 л.с. у пока еще объединенного «Удмуртлеса» – это «Азин» и «Октябрь» (76 л.с.) и два камских катера в 90 л.с. Излишек в 40 л.с. как раз и составляют две самоходки, которые должны были идти в графе баржей, но в итоге никуда не попали. Таким образом, подтверждается, что в 1954 г. с баланса хозяйства списан именно «Кировец», переданный вместе с баржей «Марилесу».

Результаты расшифровки отчетов ЦСУ сведены в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Расшифровка статотчетов (Цифра – заявленная мощность или грузоподъемность, П – поставлен на баланс, С – снят с баланса, Х – отсутствует в этом году)

	1946	1947	1949	1949 ²	1950	1951	1953	1954	1955	1956
«Азин»	47	48	48	48	48	48	48	Есть	Есть	48
«Октябрь»	28	28	28	28	28	28	28	Есть	Есть	28
Катер в Воткинске	20	20	24	20	20	20	20	Есть	Есть	20
Катер у «Ижлеса»	30	30	34	?	?	?	?	Есть	Есть	?
«Красн. сплавщик»	115	115	0	115	115	110	Х	Х	Х	Х
Катер в Дулесово	–	70	75	72	72	72	75	Есть	Есть	70
«Кировец»	–	П	?	75	75	73	75	Есть	С	Х

Самоходка 1	–	–	–	–	–	–	20	Есть	Есть	20
Самоходка 2	–	–	–	–	–	–	20	Есть	Есть	20
Грузопассажир- ское	–	–	–	–	–	–	–	Есть	Есть	32
СельчЛП	115	115	–	–	–	–	–	–	–	–
ВотМЛП	95	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ижлес + ВотМЛП	125	196	209	–	–	–	–	–	–	–
Удмуртлес	–	–	–	358	358	354	246	8 шт.	8 шт.	238
ВотЛПХ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	96
ЧурЛПХ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	52
Баржа 1	400	250	297	300	300	?	?	Есть ⁴	С ⁴	Х
Все баржи			412¹	415¹	415¹	–	40³	2 шт.³	2 шт.³	–

¹ Как баржа учтен «Красный сплавщик».

² Уточненный отчет по объединенному тресту

³ Учтены как несамоходные плавсредства самоходные баржи

⁴ Показан как буксирный

Флот Воткинского МЛП в 1930–1940 гг. Использование ежегодных технических отчетов лесных хозяйств не всегда помогает ответить на вопрос о составе их флотов. Если суда применялись для производственных целей, то они обязательно фигурировали как в техпромфинпланах, так и отчетах. Но суда вспомогательного назначения (разъездные, посыльные и т.п.), как правило, упомянуты лишь эпизодически, и реконструировать их биографию в полном объеме в рамках имеющейся источниковой базы вряд ли возможно. Тем не менее есть смысл проанализировать имеющуюся информацию о них.

В архивных фондах производственные отчеты и техпромфинпланы по Воткинскому МЛП появляются лишь в середине 1930-х гг., тем не менее есть и более ранняя информация о флоте этого хозяйства. В 1931 г. трест «Ураллес» принял решение об организации Воткинского МЛП. Маем этого года датировано письмо заведующего сплавом, в котором он описывает условия работы в новом лесопункте. В нем пароходы упоминаются во множественном числе (ЦГА УР. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 106. Л. 97), что указывает на наличие как минимум двух судов. За 1931 г. имеется также лист «По учету взаимных расчетов с трестом». Раздел X «По учету результатов по счету расходов будущих лет» говорит, что «Затраты по ремонту пароходов производятся в декабре и погашаются в навигацию 1932 г.» всего в размере 1548 руб. 85 коп. (ЦГА УР. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 23. Л. 19). Множественное число также указывает на наличие к этой дате у хозяйства двух пароходов. А вот план 1932 г. уже прямо указывает на два парохода и баржу в составе хозяйства (ЦГА УР. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 27. Л. 120б.). Указанная документация позволяет утверждать, что уже с момента организации Воткинского МЛП он имел в своем составе пароходы «Азин» и «Октябрь» вместе с баржей.

Технический отчет Воткинского МЛП треста «Удмуртлес» за 1935 г. содержит следующую информацию о его флоте. Форма «Оборудование лесозаготовок и сплава» (ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 453. Л. 55) указывает на наличие двух паровых судов с суммарной мощностью машин 76 л.с., имевшихся на балансе по состоянию на 1.01.1935 г. и 1.01.1936 г. В графе о наличии других моторных судов в ведомости стоит прочерк.

В отчете 1937 г. Воткинского МЛП заполненные формы снова изменились. Единственная форма, указывающая на наличие флота, – «Калькуляция мехтранспорта» (Форма 7) (ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 535. Л. 278). Подобная форма для флота заполнялась впервые, тем не менее, поскольку формально пароходы имели двигатели на жидком топливе («Октябрь») и на дровах («Азин»), в таблице технико-производственных показателей их характеристики заполнены по отдельности.

Имеется также промфинплан Воткинского МЛП на 1938 г. В числе паровых судов там указаны в наличии два парохода суммарной мощностью 76 л.с., моторный катер в 30 л.с.

и баржа тоннажем 350 т (ВГА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 25). Это единственное упоминание о катере, а поскольку он более в отчетах не встречается, можно предположить, что это «Культура», построенная в 1938 г. Воткинским заводом для своих нужд.

Отчет за 1938 г. снова имеет новый набор форм, но есть форма, характеризующая транспорт, раздел V которой посвящен речному транспорту (ЦГА УР. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 561. Л. 69об.). Количество судов там не указано, но суммарная мощность 76 л.с. не оставляет сомнений, что это все те же «Азин» и «Октябрь». Несамостоятельный флот представлен неизвестным количеством барж суммарной грузоподъемностью 350 т. Это позволяет утверждать, что имеется в виду та же самая баржа.

Техпромфинплан 1940 г. в бланке «Техвооруженность» говорит о наличии «парохода колесного на твердом топливе 48 л.с.» («Азин»), «парохода винтового на жидком топливе 28 л.с.» («Октябрь») и «баржи сухогрузной, грузом 300 т.» (ВГА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 3. Л. 14).

Техпромфинплан 1941 г. в форме 26 «План работы парового и моторного флота» указывает, что пароходы «Азин» и «Октябрь» предполагается эксплуатировать в течение 100 дней. Впервые появляется газогенераторный катер «Пятилетка» (60 л.с.) (ВГА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 6. Л. 36).

Годовой отчет Воткинского МЛП за 1944 г. в форме по составу оборудования в разделе Б «Прочее оборудование» указывает два парохода, один буксирный катер и одно судно несамостоятельного флота. Все они были в наличии на 1 января 1944 г. и на 1 января 1945 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 323. Л. 38об.). Годовой отчет по основной деятельности всего Наркомата лесной промышленности УАССР в форме по составу оборудования в разделе Б «Прочее оборудование» указал наличие двух пароходов и одной единицы несамостоятельного флота на начало и на конец года. Относительно буксирных катеров здесь сообщается, что на 1 января 1944 г. в народном комиссариате числись два катера, в том числе только один «установленный» (возможно, имеется в виду принятый на баланс, пароходы и баржа идут в разделе «неустановленных»), но на 1 января 1945 г. числится уже один катер, также повторяющийся в разделе «Установленные», оба парохода и баржи в этой графе также числятся как «установленные» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 326. Л. 56об.).

Отчет Воткинского МЛП за 1945 г. на начало и на конец года в «Прочем оборудовании» указывает два парохода, буксирный катер и одну единицу несамостоятельного флота (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 565. Л. 41об.).

Поскольку начиная с 1941 г. и вплоть до появления ежегодных отчетов ЦСУ по форме «26-вод» в Воткинском МЛП упомянуты только данные четыре катера, можно предположить, что «Пятилетка» вошла в суммарную мощность 90 л.с., которые дают статистические отчеты на Каме. И тогда мощность катера из Дулесовского ЛПХ составляет 30 л.с. Это предположение подтверждается актом передачи имущества Дулесовского ЛПХ на баланс комбината Удмуртлес в 1949 г., где действительно фигурирует единственное судно хозяйства – катер № 35 с мотором СТЗ-30 (ЦГА УР. Ф. Р-1108., Оп. 1. Д. 81. Л. 37). А поскольку мощность этого мотора составляла 32 л.с., ее нередко округляли до 30 или до 35 л.с., в зависимости от предпочтений составителя документа.

Флот лесных хозяйств Ижевска в 1930–1940 гг. Относительно парохода Сельченского ЛП / ЛПХ сомнений не возникает. Это до 1938 г. пароход «Красная звезда» Ижевских заводов, после передачи Ижевской эксплуатационной конторе в 1952 г. ставший «Звездой». На период нахождения судна в лесных хозяйствах Ижевского пруда оно называлось «Красный сплавщик». Других пароходов в этом месте и в это время просто не было.

В отчете Ижлеспромкомбината за 1938 г. имеется справка к форме № 2 «О составе основных средств по годам приобретения» (за несколько последних лет) (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 5. Л. 66). В ней в разделе водного транспорта за 1935 г. есть запись «8», очевидно, имеется в виду стоимость в тыс. руб. на приобретение в этом году основных средств. Больше никаких приобретений в период с 1926 г. по 1936 г. в форме нет. Однако в детализации «Основные показатели по транспорту и связи» (форма 28) в части V «Водный транспорт» (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 5. Л. 139об.) указано, что в этом году на балансе числился один буксирный пароход с мощностью машины 44 л.с.

В разделе плановых показателей по речному транспорту на начало года имеется запись «не планировалось». Для советской документации это очень странно, поскольку процент выполнения плана всегда был важнее абсолютных показателей. Указанное обстоятельство

можно объяснить лишь тем, что в этом году пароход приняли на баланс. Это также подтверждается отчетом Ижлеспромкомбината за 1937 г., где отсутствуют какие-либо упоминания, что в его составе имеются плавсредства (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 1). Таким образом, пароход «Красный сплавщик» приняли на баланс предприятия в 1938 г. К форме 28 имеется приложение в виде таблицы VI «Отчет о работе водного транспорта» (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 5. Л. 140). В ней прямо написано, что пароход не планировался, так как он поступил в Ижлеспромкомбинат после 1 января 1938 г.

В 1938 г. в Ижлеспромкомбинате треста «Оборонлес» произошла смена управляющего. В приемном акте от 3 ноября 1938 г. в составе Сельченского ЛП по состоянию на 1 ноября этого года фигурирует один пароход (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 1. Д. 22. Л. 19). Других пароходов у треста нет.

В отчете Сельченского ЛП за 1940 г. указано, что в текущем году лесопункт затратил на ремонт парохода 4,2 тыс. руб., в том числе 0,8 тыс. на вспомогательные материалы, при плане 5,0 тыс. (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 22. Л. 148).

В отчете за 1940 г. Ижлеспромкомбината в форме 26 впервые дается указание индикаторных сил парохода – 115 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-716. Оп. 2. Д. 24. Л. 690б.). Причем пароход числится как на 1 января 1940 г., так и на 1 января 1941 г.

Уже в отчете 1941 г. Сельченский ЛПХ указывает расходы по транспортировке грузов «своим пароходом» (ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 5. Л. 99 об.), хотя еще на начало года он планирует один «мотовоз» мощностью 10 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 2. Л. 180). Возможно, под цифрой 10 имеется в виду сумма приобретения (10 тыс. руб.), что вполне соответствует цене за моторную лодку. Велика вероятность, что это то же самое судно, что числится в статистических отчетах в период с 1946 по 1956 гг.

В отчете за 1942 г. один пароход числится у Сельченского ЛПХ на 1 января 1942 г. и 1 января 1943 г. (ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 18. Л. 130б.). Мощность его машин указана в 35 л.с. (ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 15. Л. 118).

В составе оборудования предприятия «Ижлес» на 1 января 1945 г. среди прочего числится одна паровая машина мощностью 35 л.с., установленная на пароходе, которая переходит на баланс 1 января 1946 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 573. Л. 43). Причем капитальный ремонт парохода в этом году не проводился, а проводился он для неуказанного катера, имевшегося в конторе (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 573. Л. 660б.). Лист отчета по наличному флоту за этот год у предприятия отсутствует, хотя упоминание о нем имеется в описи отчета.

Эволюция судового состава. На основании делопроизводственной документации лесных хозяйств Ижевского и Воткинского прудов можно выделить справки по следующим судам.

За период с 1931 по 1957 гг. через все года проходят пароходы Воткинского МЛП / ЛПХ «Азин» и «Октябрь».

Пароход «Красный сплавщик» появляется в Сельченском ЛП Ижлеспромкомбината в 1938 г. Мощность его в этом году 44 л.с., в 1940 г. 115 л.с., а с 1941 по 1945 гг. – 35 л.с. С 1946 г. мощность постоянна и равна 115 л.с., далее до передачи в 1953 г. – 110 л.с.

Безымянная баржа Воткинского МЛП / ЛПХ числилась в хозяйстве с 1931 г. с переменной грузоподъемностью, списана в 1955 г. в связи с передачей «Марилесу» по балансовой стоимости 56,2 тыс. руб.

Генераторный буксирный катер «Пятилетка» (60 л.с.) появился в Воткинском МЛП в 1941 г. и находился в хозяйстве до середины 1950-х гг.

Безымянный катер «мотовоз» (как он назван в отчете) предприятия «Ижлес» (30 л.с.). Дата появления неизвестна, но, возможно, это случилось в 1941 г. и приобретен он за 10 тыс. руб. В 1945 г. прошел капитальный ремонт. Пропадал он в 1947 г., но, вероятно, просто из-за того, что использовался как разъездной. В 1949 г. упомянут среди автомобилей треста «Ижлес». В 1954–1955 гг., по-видимому, снова учитывается в общей статистике численности катеров «Удмуртлеса». Возможно, в 1956 г. передан другому хозяйству или списан.

Катер № 35 в Дулесово числился с момента приема в «Удмуртлес» до 1957 г.

Буксирно-пассажирский катер «Кировец» приобретен «Ижлесом» в 1948 г. за 55 тыс. руб., мощность 75 л.с. Списан в 1955 г. в связи с передачей «Марилесу» по балансовой стоимости 55,5 тыс. руб.

Две самоходные баржи (по 20 т., или л.с.) приняты на баланс «Удмуртлеса» в 1953 г. В 1956 г. переданы одна Воткинскому ЛПХ, вторая – Чуровскому ЛПХ.

Неизвестное грузопассажирское судно в 1954 г. появилось в «Удмуртлесе» (32 л.с.), в 1956 г. передано Чуровскому ЛПХ.

4. Заключение

Произведенная реконструкция судового состава лесных хозяйств Ижевского и Воткинского прудов показывает, что до 1950-х гг. обеспечение предприятий Ижевска и Воткинска дровами и лесоматериалами являлось одной из приоритетных задач водного транспорта Удмуртии. В 1950 г. происходит частичное техническое перевооружение судового состава: в послевоенный период во флот начали активно поступать суда с бензиновым двигателем. На место парохода «Красный сплавщик» и самоходной баржи, переданных другим хозяйствам, приходят самоходные баржи.

Однако развитие транспортной сети, в первую очередь автомобильной и железнодорожной, а также сети электроснабжения привело к тому, что уже с 1950-х гг. необходимость в дровах как основном энергоносителе значительно упала. В результате произошло серьезное сокращение флотов лесных хозяйств Удмуртии.

Литература

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

ВГА – Управление по делам архивов города Воткинска.

Митюков, Баутина, 2020 – Митюков Н.В., Баутина С.Л. Реконструкция судового состава по статистическим отчетам // *Вопросы истории*. 2020. № 2. С. 51-65.

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Bautina S.L. Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies // *Russkaya Starina*. 2019. 10(1): 26-31.

References

Mityukov, Bautina, 2020 – Mityukov, N.V., Bautina, S.L. (2020). Rekonstruktsiya sudovogo sostava po statisticheskim otchetam [Reconstruction of the shipboard according to statistical reports]. *Voprosy istorii*. 2: 51-65. [in Russian]

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Bautina, S.L. (2019). Vessel's Composition of the Plant Number 74 ("Izhmash") in 1930–1950-ies. *Russkaya Starina*. 1(10): 26-31.

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respublikii [Central State Archive of the Udmurt Republic].

VGA – Upravlenie po delam arkhivov goroda Votkinska [Office of the Archives of Votkinsk].

Реконструкция состава флотов лесных хозяйств на Ижевском и Воткинском прудах в 1930-х–1950-х гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^d Московский институт психоанализа, Российская Федерация

Аннотация. На основе ежегодных производственных и статистических отчетов лесных хозяйств Удмуртии производится реконструкция состава их флотов и судовых биографий. Если в послевоенные годы большое значение для этого имела форма «26-вод»

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

статистических отчетов, то до 1946 г. заполнение этой или аналогичной ей форм обычно игнорировалось. В связи с чем более-менее достоверно можно реконструировать лишь сведения о судах, непосредственно участвовавших в сплаве. Но комплексный анализ отчетов позволяет с высокой вероятностью определить и вспомогательно-разъездные суда флотов.

Во второй половине 1920-х гг. произошло выделение из состава Ижевских и Воткинского заводов лесных подразделений в отдельные хозяйства, с передачей им бывшего заводского флота. Показано, что до 1940-х гг. идет процесс укрупнения этих хозяйств для обеспечения лесом и лесоматериалами быстрорастущих предприятий Ижевска и Воткинска. Но при этом флоты в основном укомплектованы бывшими заводскими судами дореволюционной постройки: Воткинский мехлесопункт пароходами «Азин», «Октябрь» и бывшей баржей Воткинского завода, Сельченский лесопункт – бывшим пароходом Ижевских заводов «Красный сплавщик». В начале 1940-х гг. произошло обновление флотов, прерванное Великой Отечественной войной, тем не менее Воткинский мехлесопункт получил генераторный катер «Пятилетка», использовавшийся во время войны. В послевоенный период вместе с речным транспортом всей страны началось техническое перевооружение и лесных хозяйств Удмуртии. В хозяйства поступают новые суда с бензиновыми двигателями, менее трудоемкие при обслуживании по сравнению с паровыми машинами (катер «Кировец» треста «Ижлес», полуглиссер Дулесовского хозяйства, бензиновый катер Воткинского леспромхоза и т.д.). На место парохода «Красный сплавщик», переданного Ижевской эксплуатационной конторе, и несамоходной баржи Воткинского леспромхоза, переданной тресту «Марилес», приходят самоходные баржи.

Однако развитие транспортной сети, в первую очередь, автомобильной и железнодорожной, а также сети электроснабжения привело к тому, что уже с 1950-х гг. необходимость в дровах как основном энергоносителе отпала. В результате произошло серьезное сокращение флотов лесных хозяйств Удмуртии, а впоследствии и полное прекращение перевозок леса по прудам.

Ключевые слова: статистический отчет, технический отчет, ЦСУ, навигация, речной транспорт, исторический источник, Ижевский пруд, Воткинский пруд, пароход, флот, лесное хозяйство, леспромхоз, лесопункт.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 141-154

DOI: 10.13187/rs.2021.2.141
<https://rs.cherkasgu.press>

Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 2. Gender and Age Groups of the Khutor Community: Boundaries, Statuses, and Functions

Marina A. Ryblova ^{a, b, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Volgograd State Institute of Arts and Culture, Russian Federation

Abstract

This publication is a continuation of an article published earlier in the 1st issue of the journal for 2021. It is devoted to the memoirs of the three years spent by the author in a small Cossack khutor as a teacher of an 8-year school, supplemented by the author’s comments on them. The peculiarity of both parts of the publication is its belonging to the genre of “notes”, in which the author appears simultaneously as a person remembering and commenting. The second part of the publication presents the characteristics of the sex and age groups of the population of the Cossack khutor during the Soviet “stagnation”: young people of marriageable age, family and old people. The author defines the boundaries, statuses and functions of these groups, as well as identifies the changes that occurred with them in the Soviet period of our history in comparison with the pre-revolutionary time. Describing a group of young men of marriage age, the author reveals the peculiarities of the process of their self-organization in adapting to the conditions of growing up using many traditional forms inherited from the former community life of the Cossacks. Such forms include youth gatherings, practices of collective mutual assistance to those who find themselves in difficult living conditions, etc. The author shows that despite the fact that the farm youth found themselves without the care of the older generation (with the loss of their former moral principles and values), they still had the need to organize their own lives with the support of the youth collective. Within this collective, their own code of honor was formed, and behavioral stereotypes were constantly levelled. At the same time, it was not the Soviet principles and forms that prevailed, but the former ones – traditional (although significantly transformed), and often associated with marginal spheres of life. The group of family Cossacks in the public space of the Cossack farm is mostly represented by women. They were active participants in the social life of the settlement and the true heads of their families and households, displacing the men who dominated them in pre-revolutionary times from these spheres. As in the Soviet village, in the Cossack farm, men took positions close to the position of unmarried youth: protected, not burdened with caring for families, often leading a very free lifestyle; in the working sphere of life, they also often realize themselves in marginal and extreme activities. As for the group of old Cossacks and Cossack women, it is also more represented by women who demonstrate special activity in the public space of the farm. Old men, having lost their former statuses and functions, practically disappeared from

* Corresponding author
 E-mail addresses: ryblova@mail.ru (M.A. Ryblova)

the social life of the farm, often found themselves excluded from the process of education and socialization of young people, being a clear illustration of the process of breaking the former intergenerational ties and ways of transferring cultural and social experience from the older generation to the younger ones. In Soviet times, there was a process of blurring the boundaries between different gender and age groups, between the moral norm and the anomaly. As studies of Soviet everyday life in recent years show, many of the phenomena described by the author were characteristic of the village as a whole at that time, but in a small and abandoned farmstead they appeared with special evidence and a significant degree of concentration, largely explaining all the subsequent political, economic and social upheavals and cataclysms of the post-perestroika period.

Keywords: field ethnography, the era of the Soviet “stagnation”, culture of everyday life, gender and age groups of the Cossack farm.

1. Введение

Эта статья является продолжением начатого мною недавно исследования социокультурного пространства маленького казачьего хутора, в котором мне пришлось провести три года в качестве учительницы восьмилетней школы. По жанру статья (как и первая часть публикации (Ryblova, 2021)) может быть отнесена к так называемой «признательной этнографии», в которой саморефлексии исследователей являются основой текста (Щепанская, 2005) или широко ими используются (Олсон, Адоньева, 2021).

В первой части публикации были охарактеризованы основные практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен советского «застоя», а также представлена власть (официальная и неофициальная) в структуре повседневности этого хутора. Во второй части публикации я попытаюсь дать характеристики трем половозрастным группам хуторского сообщества с определением их границ, статусов и функций, а также постараюсь выявить те изменения, которые произошли с ними в советский период нашей истории в сравнении с дореволюционным временем.

2. Материалы и методы

В основу публикации положены мои воспоминания о трех годах, проведенных в 1979–1982 гг. в казачьем хуторе (в качестве учительницы восьмилетней школы), которые, как стало понятно со временем, были моим первым этнографическим полем. Впоследствии я стала ученым-этнографом, всю свою профессиональную жизнь занимающимся этнографией донских казаков. Сейчас я понимаю, что выбранная мною позиция активного наблюдателя всех сторон хуторской жизни была очень верной жизненной стратегией, помогавшей преодолевать трудности тогдашней жизни. Вместе с тем, она дала мне богатый научный материал. Я могу определить положенные в основу статьи материалы в качестве полевых этнографических источников, а главным методом назвать метод включенного наблюдения. Мои воспоминания дополнены моими же комментариями, которые представляют собой попытку осмысления того времени и жизненных стратегий и практик тех людей, которые в нем жили. Для выявления происшедших трансформаций половозрастной структуры населения хутора я использовала также более поздние свои полевые материалы, записанные в разное время в этнографических экспедициях в местах исторического проживания донских казаков. В целом используемая в статье методика связана с так называемой «признательной этнографией», в текстах которой широко используются саморефлексии исследователей.

3. Обсуждение и результаты

Сразу оговорюсь, что в моем анализе положения разных половозрастных групп населения казачьего хутора не будут представлены дети. Это объясняется тем, что, несмотря на то, что общалась я с ними много и плотно (и не только в пространстве школы, а и в лодочных походах по Дону, экскурсиях в город, прогулках в лес и пр.), у меня была возможность оценивать наши взаимоотношения только в рамках оппозиции «учитель–ученики». Я не могу судить, как выстраивались отношения наших школьников с родителями и другими родственниками, как они воспитывались в семьях и социализировались в рамках хуторских разновозрастных детских групп. Могу только сказать, что в школе, конечно, дети вели себя не так, как дома, хотя и несли туда как положительные черты, включая готовность

прийти на помощь (попилить нам дрова или устроить мне школьную вечеринку в день рождения), так и пороки всего хуторского сообщества (например, возможность высказаться с применением ненормативной лексики прямо на уроке).

Итак, три половозрастные группы хуторского сообщества времен «застоя», которые я наблюдала в течение трех лет: молодежь брачного возраста, «семейные» и «старики».

Молодежь брачного возраста. В этом разделе речь пойдет исключительно о парнях, так как девушек брачного возраста мне наблюдать не приходилось. Не скажу, что их совсем не было в хуторе, но никакой отдельной группы они не составляли: по окончании нашей восьмилетки редкие из них доучивались в средней школе, расположенной на центральной усадьбе совхоза; некоторые быстро выходили замуж, но большинство сразу же уезжало в город, поступая в техникумы или ПТУ. Главной их жизненной стратегией было стремление любой ценой задержаться в городе и не возвращаться насовсем в родные места. Эту своеобразную ситуацию почти полного отсутствия девушек в хуторе нам разъяснили хуторские парни, задав однажды вопрос «на засыпку»: «Что такое глухомань?». Правильным ответом (которого мы не знали) было: «Много Вань и мало Мань...».

Моя первая встреча с представителями хуторских «Вань» состоялась сразу же по приезде. Прибыла же я в хутор на месяц позже моих подружек-учительниц, которых поселили «на квартиру» (в отдельно стоящий на усадьбе флигель) к пожилой супружеской паре. Вечером нагрянули в гости два молодых, гвардейского вида, парня. Было очевидно, что пришли они не в первый раз, и вели себя, на мой взгляд, развязно и нагло. Разговоры были ни о чем, но просидели они довольно долго, не давая нам заниматься своими делами. Примерно в третий заход незваных гостей произошел конфликт. Не выдержав хамского поведения, я попыталась им что-то объяснить, а потом просто распахнула настежь двери и предложила убраться. Уходя, один из них пообещал при будущей встрече непременно разбить мне «очочки». Впрочем, очки уцелели, а визиты на этом не закончились. После этого регулярно заходили к нам на огонек и другие хуторские ребята. Особенно они зачастили после того, как мы переселились в другой, стоящий на отшибе, дом и лишились хотя бы символической защиты со стороны семейных хуторян-соседей.

Меня немало удивляло то обстоятельство, что мои подруги гораздо спокойнее, чем я, реагировали на эти визиты. Можно, конечно, объяснить это особенностями моего характера. Но сейчас я думаю, что дело было не только в этом, но и в разных жизненных опытах: моем и моих подруг. При этом все мы были выходцами из разных социальных сред. Одна подруга родилась и выросла в городе, в семье интеллигентов, другая была родом из казачьих сельских мест, я выросла в селе, но более трех лет прожила в городе в студенческом общежитии. Для горожанки вся жизнь хутора представляла собой сплошную экзотику, причем экзотику экстремальную, включая походы за водой к колодцу, заготовку дров и пр. По всей видимости, и постоянные визиты к нам незваных гостей представлялись ей частью этой экзотической хуторской жизни, с которой нужно было просто смириться. Подруга-казачка вообще реагировала на все очень спокойно, видимо, зная что-то, неизвестное нам. Я же, и в период жизни в своем заволжском совхозе (будучи совершенно «домашней» девочкой), и во время обитания в студенческом общежитии, конечно же, имела опыт общения со сверстниками противоположного пола, но этот опыт радикально отличался от того, с чем пришлось столкнуться в казачьем хуторе.

Наше прежнее общение происходило либо на нейтральных территориях (на школьных «вечерах», вечерних посиделках на лавочках, дискотеках в городе), либо на территориях парней: все школьные и послешкольные празднования «гендерных праздников» или Нового года в совхозе организовывали наши мальчишки-одноклассники, приглашая в свои дома, откуда на это время деликатно уходили их родители. Именно парни-одноклассники брали на себя не только расходы, но и все хлопоты по организации наших вечеринок. Задача девочек заключалась в том, чтобы украсить их территорию. Я даже представить себе не могла, чтобы кто-то из моих одноклассников посмел бы прийти к нам в дом или в дом других наших девочек. Чтобы вызвать нас на какое-то мероприятие (например, на поездку на мотоциклах в степь), парни свистели у калитки со стороны улицы. В социокультурном пространстве нашего совхоза молодежь имела свою собственную территорию (кроме придворовых лавочек – еще приклубный парк, поляны за селом для весенних игр в лапту и в «третий лишний» и пр.), но это, в значительной степени, была территория парней,

на которой мы – девушки – были приглашенными и долгожданними гостями. Никогда никаких вторжений парней на нашу территорию (а девичьими компаниями мы, кстати, собирались не часто) не было.

Наверное, именно поэтому ситуация, возникшая в сфере нашего общения с представителями мужской молодежи в хуторе, воспринималась мною как нарушение границ нашего девичьего пространства, которое мы к тому же, вполне обоснованно, считали и своим домом. Причем, иногда такие нарушения происходили в форме прямого захвата с проявлением агрессии. Так, вернувшись в хутор после новогодних праздников (которые провела в городе), я услышала от своих подружек совершенно дикую историю о том, как к ним приходили очередные «ребята», сопровождавшие некоего, только что вернувшегося из заключения, Коляна. Он твердо решил использовать короткий (как предполагал) период между традиционными «отсидками», чтобы как-то исправить свою жизнь путем женитьбы. Выбор пал на нашу учительницу-казачку. В рассказе моих подружек фигурировали: взломанная входная дверь, размахивающий топором получивший отказ Колян, бегство в одних тапочках по сугробам к соседям за помощью и пр.

После этой истории со сватовством местные парни еще пару раз пытались привести к нам в гости вернувшихся из заключения приятелей, но со временем мы эти попытки смогли прекратить, а вот обязательный приход к нам для знакомства тех, кто только что вернулся в хутор после прохождения воинской службы, стал практически традицией. Поделаться с этим ничего было нельзя. Впрочем, чем дольше мы жили в хуторе, тем спокойнее проходили такие визиты. Обе стороны как-то притирались друг к другу, уступая, идя на компромиссы. Например, парни соблюдали наше условие «без спиртного», но по этой причине обычно подолгу не задерживались. Мы нередко соглашались поиграть с ними в карты или домино. Нахватались их игровой лексики: «*Горбатого лепишь?*», «*Дуру гонишь?*» и пр. Со временем с некоторыми из наших постоянных гостей у нас установились вполне приятельские отношения, в которых, однако, явно считывалось, что мы не чужие, но и не свои в полной мере. Какие-то границы и определенная дистанция соблюдались обеими сторонами.

На второй год нашей жизни в хуторе стало обычным делом, что парни могли вечером стукнуть нам в окошко и позвать на прогулку по льду Стародонья. Азартно показывали, как можно рыбалить в зимнее время. На льду расчищалась от снега небольшая окружность, после чего рыбак начинал светить в это место мощным фонариком, при этом от него требовалось немалое терпение. Когда какая-то особо любопытная рыба подплывала «на огонек», нужно было нанести по льду сильный удар кувалдой или дубиной. Рыба «глохла», и ее доставали, вскрыв лед. Рыбку, кстати, парни могли нам забросить, проходя мимо нашего дома и спеша по своим делам. Иногда они заливали воду в котел нашей системы отопления, расположенный на чердаке.

Однажды несколько парней, узнав, что я в одиночестве коротаю майские праздники, пригласила меня *в зелена*¹. Так назывались традиционные выходы казаков в весенне-летнее время на природу для празднования, например, Пасхи или Троицы, на которых устраивались *ссытки* – сбор продуктов вскладчину. Мне, кстати, совершенно нечего было положить на импровизированный стол, которым служила расстеленная на поляне старая клеенка. Зато ребята принесли массу домашней снеди и накормили меня от души выпечкой, салом и яйцами. Запивали мы все компотом из сухофруктов – *узваром*. И *зелена*, и *ссытка*, и *узвар* были для меня новыми словами, которые поступили в список уже имеющихся (*щерба*, *бруни ть* и пр.).

Как-то осенью визиты парней прекратились. Целый месяц никто не заходил на наш огонек. Вскоре мы узнали, что в хутор привезли и поселили в клубе девушек из города – для уборки картошки с совхозных полей. По рассказам бюро ОБС¹, каждый день – с вечера и почти до утра – там проходили веселые посиделки. Хуторские парни (всех категорий) стали проводить в клубе, превращенном в общежитие, свой досуг. Рассказывали о пьянках и *подночѣвках*. Сами парни говорили нам, что деньги на самогон добывали путем продажи хуторянам картофеля, уносимого девушками (при их активном участии) с колхозных полей.

Итак, посиделки... Именно это слово стало ключевым в последующем моем осмыслении наших сложных отношений с хуторскими парнями. Много лет спустя я стала

¹ ОБС – аббревиатура от «одна бабка сказала» (подробнее см. (Ryblova, 2021: 62))

записывать в экспедициях воспоминания моих информанток о том, как организовывался молодежный досуг в казачьих станицах и хуторах в дореволюционное время. Осенне-зимние посиделки и летние молодежные *вулицы* с хороводами были тогда девичьей территорией (тщательно организуемой девушками брачного возраста), но при этом представляли собой часть территории, подконтрольной организованной группе парней. В станицах и больших хуторах одновременно устраивались посиделки в разных концах поселения. Девушки приходили на них с *уроками* – заданием от родителей спрясть определенный объем пряжи или связать какое-то количество изделий из шерсти. Для посиделок заранее снимали хату или курень у какой-нибудь одинокой казачки (*жалмёрки* или вдовы), оплачивая аренду продуктами или дровами. Парни, контролирующие тот или иной конец поселения (*куто́к*), всегда знали о месте и времени проведения таких посиделок и приходили спустя некоторое время после их начала. С этого момента начиналась вторая часть посиделок: с играми, танцами, «ухаживаниями» и пр. На посиделках молодежь приобретала опыт межполового общения, иногда здесь складывались и будущие брачные пары. В экспедициях мои информантки рассказывали, что парни на посиделках «озорничали», пугали девушек, мешали их работе и пр.: *«Девушки собирались платки вязать. Семечек нажарим. Я их приглашу, потом они ко мне придут. Другая подруга пригласит – мы к ней пойдём на сиделки. Возьмем палочку, она горит. Или сало в блюдечку и фитилек спичечкой зажжем. Она горит, а мы сидим, вяжем. Пели, смеялись, кто что говорит, кто что расскажет. А то бывало, кто спит, а один нарисует что. Мы тут вот не видим, коптёрка плохо горит. А ребята пришли, сидят у двери. Они заметили, что какая-то залезла на печь и спать. А мы и не видим. Они и разрисовали сапухой – сажа от трубы. А потом разбудили её, подвели нам к столу, а мы: Ха-ха-ха – весело. А ещё ребята нас пугали... Кто-нибудь нарядится, в окно смотрят... Тыкву вот, выржут глаза, брови, рот, зубы. А они тогда подойдут: стук-стук – об окно. Мы: ой, страсть какая! Все хоронимся. А они держат эту куклу. Боимся её, она страшная. Они там свечку зажгли, какой-то фитилей зажгут. Поставят, огонь горит, и в глазах горит, и в роте горит. После мы узнали. А так страшно пугались! Тогда посла они окажутся. Тогда постучат, а мы: Кто? Да мы знаем, что наши ребята. Отворим им, а они тогда: Ха-ха-ха – смеются. Вот так вот. Вот этим шутили, развлекались... А потом что: Здравствуйте. Проходите, садитесь. Они пройдут, сядут и сидят. Мы сидим вяжем, а они сидят, на нас глядят. Мы за столом, а они вот так, на скамейке. Они ж не вяжут. То курят. Начнут что-нибудь нам брехать, нас стращать: “Ну, вот я видал. Знаешь, что я видал? Вот мы пошли, а ведьма, говорит, идёт с ведром корову доить...” А мы шарфы, перчатки вязали...» (Полевые записи автора, 2008).*

В связи с этим рассказом вспоминаю, как однажды в новогоднюю ночь хуторские парни похулиганили в полном соответствии с обычаем так называемых «святочных молодежных бесчинств» (Власкина, 2012): у многих хуторян были сняты с петель и унесены калитки, а также все, что бесхозно лежало во дворах. Нам досталось особенно: исполнив традиционные колядки на пороге нашего дома, уходя, парни унесли дверь с дощатого (расположенного во дворе) туалета, перерезали выходящий на улицу провод телевизионной антенны, а входную дверь дома подперли большим бревном. Праздничная ночь с неработающим телевизором и невозможностью выйти из дома запомнилась нам надолго. Освободили нас уже утром проходящие мимо окон (как водится, *напрямки́* – через наш двор) соседи. Туалетную дверь через несколько дней наших мучений те же соседи посоветовали поискать возле клуба: все, что парни унесли со дворов хуторян, было свалено там в кучу. Никто не ругался, не обижался...

Как я сейчас понимаю, наши хуторские парни вели себя абсолютно адекватно с позиции той традиции, которая сложилась и существовала в народной среде, частично сохранившись в социокультурном пространстве хутора и в советское время. Наши дома, в которых не было «взрослых» («семейных», т.е. состоящих в браке), воспринимались парнями как территория посиделок, на которых девушки ждут прихода будущих женихов, как это было и в прежнее время. И агрессивное поведение молодых людей, и их матримониальные устремления также полностью вписывались в эту традицию. Причиной конфликтов было наше непонимание и непризнание того статуса, который был присвоен нам, причем не только парнями, но и всем хуторским сообществом. Когда моя подруга-казачка, пошла однажды жаловаться родителям одного, особо наглого нашего гостя,

то получила ответ: «Мы в это не вмешиваемся. Разбирайтесь сами...». Мы и разбирались, стараясь хоть как-то очертить границы своего пространства, опираясь в тот момент скорее на интуицию, чем на понимание реальной ситуации. А ее глубинный смысл был таков: попав на территорию хутора в статусе незамужних, мы автоматически подпадали под контроль сообщества неженатых хуторских парней, которые действовали в полном соответствии с принятыми здесь нормами межполовой молодежной коммуникации, и, что очень важно, ожидали от нас ответного поведения в рамках тех же норм.

Вообще ситуации, когда жители станиц и хуторов если не требовали, то во всяком случае ожидали от нас во время работы в этнографических экспедициях на их территориях соответствия их нормам жизни, встречались мне многократно. Так пожилая казачка отчитывала наших парней за бороды: «*Вы же молодые. Эт тока старики бороды завсегда носили...*». Мне моя информантка пыталась выговорить за косу, полагая, что я замужняя женщина и должна носить соответствующую этому статусу прическу. Узнав, что я не замужем («до сих-то пор»), соглашалась: «*Ну, тогда ладно...*». Уже в XXI в. во время работы в одном казачьем хуторе к моей коллеге приехал на побывку муж, и ей пришлось выслушивать гневные тирады нашей квартирной хозяйки: «*Собарей она моих кормит с утра пораньше! Да штоб они посдохли! Мужа корми сперва! А потом все другое делай...*».

Во всех этих случаях мы, уже умудренные жизненным опытом, только посмеивались, хотя и фиксировали в своих полевых дневниках эти образцы автоматического переноса своих норм и правил жизни на тех, кто оказывался на чужой территории.

Вспоминается и случай в экспедиции, когда мне и моей коллеге пришлось заночевать в доме пожилой женщины – нашей информантки. Вечером за окном замелькали какие-то тени, раздался стук в окно. Хозяйка весело пояснила: «Разнюхали наши парни про вас...», – и также задорно крикнула в сторону окна, – *Идите мимо: одёжа на нас, еда в нас... Никого ни надо!*».

Возвращаясь к парням из нашего хутора времен «застоя», отмечу далее уже конспективно то, о чем мы знали либо понаслышке (по слухам и версиям бюро ОБС), либо лишь вскользь – от самих ребят. Знали мы, что многие, придя из армии, стремились поскорее вступить в брак, осознавая, что «засидевшись», сильно рискуют перейти в категорию «после заключения». Спивались или попадали на «зону» многие. Сами парни рассказывали нам, что поддерживали тех, кто отбывал срок в колониях (обычно оказываясь там «по дури и по пьяни»): собирали посылки с продуктами и одеждой, пересылали деньги. От них мы часто слышали: «Своих не бросаем и не сдаем». Помогали и тем, кто приходил (обычно ненадолго) в хутор после «отсидки», или возвращался из армии. В этом я сейчас вижу некоторые аналогии прежним казачьим *одному мствам* – сообществам служивых казаков, которые поддерживали друг друга, как на военной службе, так и в мирной жизни. Ходили в хуторе слухи и о такой школе взросления парней, как приобретение сексуального опыта у двух хуторских *засиде́лок*, имевших соответствующие прозвища. Говорили об этом без осуждения, как о делах естественных и обычных.

Если же проводить далее параллели между статусом и положением наших хуторских парней и прежних – дореволюционных, то придется признать, что от былой общинной организации всей молодежной жизни (от подготовки к воинской службе до активного привлечения к обрядовой и трудовой жизни общин) не осталось почти ничего. Наши парни были брошены взрослым сообществом хуторян буквально на произвол судьбы: мы не вмешиваемся, разбирайтесь сами... Почетной или просто хорошо оплачиваемой работы для молодежи в хуторе не было, немногочисленные клубные праздники (идеологически выверенные и необыкновенно скучные) не предполагали участия в них молодежи (с характерными комментариями завклубом: «Чтоб они потом драку устроили...?»). Никаких общественных организаций в хуторе тоже не было. Зато было беспробудное пьянство большей части взрослого хуторского сообщества, к которому очень рано приобщалась и молодежь. Все былые границы и запреты (например, на употребление алкоголя до совершеннолетия или ненормативной лексики в смешанных по половому признаку компаниях) были утрачены. И если в период обучения в школе хуторские парни еще чувствовали себя включенными в некую организованную структуру, то по окончании ее оказывались в ситуации социальной аномии – на территории без норм и границ. Именно эта

ситуация порождала и ранний алкоголизм, и агрессию против своих же (нередко – родителей), частые драки, и последующие нередкие походы на «зону», и ранние смерти.

Однако, как я могу судить на основе своих воспоминаний, хуторское сообщество парней, лишенное в советское время четко определенного места и функций в половозрастной иерархии жителей хутора и возможности перенимать соответствующий новым условиям жизненный опыт у старшего поколения, пыталось самоорганизовываться путем воссоздания форм, отдаленно напоминающих прежние – традиционные, в том числе и обрядовые (календарные и переходные). К ним можно отнести и попытки возрождения подобия прежних посиделок, и организацию проводов уходящих на службу в армию (на одно из таких мероприятий мы были приглашены и видели, что самыми активными его участниками была именно молодежь), и встреч и проводов уходящих на «зону», и практики коллективной взаимопомощи. Многие прежние моральные принципы и ценности утратили для молодежи свою актуальность, однако оставалась потребность в организации своей собственной жизни и поиск ее форм с опорой на молодежный коллектив. В рамках этого коллектива формировался собственный кодекс чести, происходила постоянная нивелировка поведенческих стереотипов, при этом преобладающими были не советские принципы и формы, а старые – традиционные (хотя и существенно трансформированные), а также маргинальные и экстремальные (романтизация хулиганского поведения и «зоны», передача опыта выживания в ней, пьянство, драки и пр.).

Семейные казаки и казачки. Мои представления об этой возрастной группе основаны на отрывочных воспоминаниях и не могут претендовать на полноту в силу того, что, будучи членом группы «не своих» («училок»), и к тому же не замужних, я мало общалась с семейными, имея возможность наблюдать их чаще всего со стороны. К тому же круг моего общения с ними ограничивался преимущественно женщинами. И связано это было не только с тем, что я сама – представительница женского пола. Дело еще и в том, что женщины численно преобладали в публичном пространстве хутора. На родительские собрания в школу приходили только матери наших детей. В редких клубных праздниках участвовали тоже в основном женщины, они же пели со сцены песни про тучные колхозные поля. А когда хуторяне гуляли на каком-либо неформальном празднике, именно женские голоса выводили и старинные казачьи песни, долго звеневшие над хутором пронзительным *ди́шкантом*. На клубной сцене, кстати, казачьи песни никогда не звучали. На мой вопрос, заданный завклубом: «Почему свои песни не поете?», – я получила краткий ответ: «Это не советское, это – нам чуждое».

Все почетные и значимые места работы в хуторе (за исключением должности управляющего совхозным отделением) занимали также женщины: продавцы в продуктовом и промтоварном магазинах, заведующие почтой и клубом. Единственным учителем в школе (и ее заведующей) до нашего приезда в хутор также была женщина. Две «технички» (уборщицы) в школе – женщины. Женщин мы встречали в магазинах и у колодца, они выгоняли и встречали коров, объединяясь на это время в своеобразные кружки-беседы. Места работы мужчин, как правило, были за пределами хутора: на полях (механизаторами), на ферме (скотниками) или между фермой и молокозаводом (в качестве водителей молоковозов, на которых молоко доставляли в районный центр по разбитой грунтовой дороге).

Отличительным внешним признаком группы семейных женщин была покрытая платком голова, в том числе и в летнее время. Однажды ко мне зашла молодая женщина-соседка с просьбой одолжить кусок белой ткани, чтобы смастерить из нее воротник и рукава-крылышки для платья, которое она шила, с пояснением: «Ткани на рукава не хватило, а с голыми руками неудобно – я же замужняя».

Помню, что редкое присутствие мужчин в публичном пространстве хутора тогда не вызывало у меня особого недоумения, но сейчас, глядя на архивные фотографии Ивана Болдырева со сценами из дореволюционной станичной жизни донских казаков, отмечаю, сколько их – на плацу, на ярмарке, на проводах призывников на службу, на встрече свадебного поезда и пр. Наш хутор представлял собой преимущественно женскую территорию. И помню, как восхищали меня эти женщины, успевавшие дважды за день подоить своих и совхозных коров, отстрипаться дома, наработаться на огороде, а потом на бахчах, обстирать всю семью, сбегать в магазин и пр. Женщины нашего хутора после выхода

замуж становились, по сути, главами домашних хозяйств, что было характерно в целом для российской деревни советского времени (Денисова, 2003: 183, 224).

Очень показательны, что никто из наших знакомых семейных женщин никогда не жаловался ни на тяжкий труд, ни на тяготы семейной жизни. А о том, что приходилось многим из них терпеть в узах брака, мы знали не понаслышке. Нередкими были случаи, когда женщины, жившие по соседству, прибегали к нам по ночам, чтобы отсидеться на время пьяных дебошей своих мужей. И опять без жалоб, просто: «Можно я у вас побуду, пока мой не уймется?». Одна из наших школьных «техничек» нередко приходила на работу со следами побоев на лице. Такие следы я нередко видела и на лицах других женщин. Вездесущее бюро ОБС часто доносило до нас вести об очередных семейных разборках, пьяных семейных драках, неверности мужей и жен.

Значит ли все, приведенное выше, что мужчины совсем не выполняли в семьях своих функций добытчиков и кормильцев? Так могло показаться лишь на первый взгляд. А я прожила в этом хуторе три года и со временем поняла, что невостребованность мужчин в общественной жизни хутора и их частая нереализованность в семейной нередко компенсировалась такими видами деятельности, которые были связаны с маргинальными зонами хуторского пространства и могли быть определены в качестве экстремальных. Так, многие из семейных мужчин промышляли на Дону браконьерством. Этот запретный промысел давал им не только ощущение занятости настоящим мужским делом (к тому же сопряженным с риском), но и приносил их семьям немалый доход, так как, например, донская чехонь имела в то время статус продуктовой валюты. В связи с этим промыслом в хуторе существовали и мужские браконьерские или просто рыбацкие компании (создававшиеся по типу прежних артелей), о деятельности которых, я, впрочем, почти ничего не знала, да и говорить об этом здесь было не принято.

Оценивая в целом положение группы семейных мужчин нашего хутора, я соглашусь с выводами, сделанными другими исследователями половозрастной структуры советской деревни, отмечавшими, что «советский мужчина продолжал вести себя как парень до конца своих дней, тогда как советская женщина, как только она становилась матерью, немедленно превращалась в большуху. Фактически доминирующим стереотипом советского мужчины был “большой ребенок”: неорганизованный, несамостоятельный, зависимый, уязвимый, требующий, чтобы о нем заботились, чтобы снисходительно принимали его агрессию, алкоголизм, неверность и регулярное отсутствие» (Олсон, Адоньева, 2021: 133).

Ребячливо-молодецкое поведение семейных мужчин, переложивших ответственность за состояние своих семей и воспитание детей на жен, нам приходилось наблюдать в хуторе постоянно. Уже много позднее для меня эта ситуация гендерного перевертыша в социокультурном пространстве хутора стала ассоциироваться с Диким полем и периодом формирования в нем вольных казачьих братств, с присущим им отсутствием настоящей семейственности и молодецким разгулом взрослых казаков, с той лишь разницей, что бывшие сферы их ответственности (охрана территории, завоевание и освоение новых земель, организация жизни казачьих братств, участие в их управлении и пр.) давно остались в прошлом, как остались там и более поздние формы участия семейных казаков в жизни общины и семьи, характерные для сословного периода их истории.

Старые казаки и казачки. Обращаясь к характеристике этой группы, я пытаюсь и не могу вспомнить ни одного старика. Их было мало и в числе наших информантов в то время, когда я стала ездить в этнографические экспедиции. Всегда численно преобладали пожилые и старые женщины, однако старики были. Степенные, с окладистыми бородами; иногда – больные и беспомощные – но они были. В нашем хуторе я видела только старых казачек. Они принимали самое активное участие во всей хуторской повседневной и праздничной жизни: составляли знаменитое (невидимое, но грозное) бюро ОБС, являясь поставщиками всех хуторских новостей и сплетен; участвовали в праздничных застольях, пели песни на клубной сцене; некоторые из них торговали самогонкой. О том, что в советское время и в русских деревнях старики утрачивали бывшие функции главных распорядителей и организаторов семейной и общественной жизни, также писали Л. Олсон и Т.Б. Адоньева, отмечая, что в это время полностью исчез статус мужчин-большаков (Олсон, Адоньева, 2021: 106-109).

В казачьей дореволюционной традиции главы семейств назывались *деда́ми*. О высоком статусе старости у казаков я впоследствии написала несколько статей, в которых отмечала ряд отличий положений стариков в казачьих и крестьянских общинах и семьях (Рыблова, 2006: 216-222; Рыблова, 2016: 71-86). Старые казаки на Дону пользовались необыкновенным почетом и уважением, были членами *судов стариков*, принимали активное участие в работе станичных и хуторских правлений, в организации и проведении многих семейных и общинных обрядов, занимались опекой сирот, разрешением семейных конфликтов. В экспедициях наши информанты часто рассказывали о том, как их с детства приучали с почтением относиться к старикам: «Если со стариком ни поздоровался, он за ухо драл и говорил: “Приди, скажи отцу, што вот такой дедушка меня потрепал за ухо, а отец прибавит еще”. Придѣшь дамой, скажешь, а отец другое уха надерѣть. Долго помнишь...» (Полевые записи автора, 1987). В рамках семьи *деды* были абсолютными «авторитетами», а нередко – и диктаторами.

В дореволюционное время граница старости на Дону была непосредственно связана с понятием воинской службы казаков. По достижении 40 лет, выполнив все свои сословные (*служивские*) обязательства перед Отчиной и общиной и выйдя в отставку, казак назывался *отставны́м*, и с этого момента начиналось его приближение к группе стариков.

Настоящая старость обычно была приурочена к 60-летнему рубежу и определялась степенью участия казака в хозяйственной жизни семьи. Как правило, именно в этом возрасте старики сдавали свои полномочия старшего в семье: «60 лет исполнилось – считай, уже старик. В 60 лет дет уже передавал хозяйство старшему сыну. Он после уже тока ездит на дрожках и смотрит, как они там в поле работают – можа што подсказать. Он тока руководит – каво поругать, каво поощрит...» (Полевые записи автора, 1999).

И после сдачи полномочий главы семьи и домохозяйства старики продолжали пользоваться неукоснительным авторитетом, более того – они получали еще больше возможностей для реализации себя в общественной жизни станиц и хуторов. Некоторые старые казаки выбирали другой путь: уходили из семей и поселялись на краю станиц и хуторов в землянках-кельях, посвящая остатки своих жизней молитвам и стяжанию духовной благодати. Их статус в общинах был особенно высок (Рыблова, 2019).

В советское время начало старости определялось выходом мужчин и женщин на пенсию, а оба вышеописанных варианта старости для мужчин-казаков были утрачены. Это во многом определяло отсутствие стариков в общественной жизни нашего хутора, хотя, безусловно, были и другие определяющие факторы, например, в советское время они и численно значительно уступали старым женщинам. Историки-казаковеды отмечали, что на Дону в первой трети XX в. появилось целое поколение детей, не знавших дедов, их воспитание и социализация проходили в это время в основном под контролем женщин¹. Еще более усугубила ситуацию Великая Отечественная война, лишившая дедов уже многих моих сверстников. Но и те старики, которые пережили все страшные катаклизмы XX в., не могли принимать активное участие в процессе социализации молодежи в силу того, что их прежний опыт и знания зачастую оказывались невостребованными в новых условиях жизни. Глубинной причиной такой ситуации было разрушение казачьих общин, ликвидация больших казачьих домовладений и земельных наделов в период коллективизации, крах всего традиционного уклада жизни казаков, в котором опыт старости всегда был актуален и востребован. И опыт этот был огромен и ценен, в чем я могла убедиться уже много позже, беседуя со стариками и старухами в экспедициях в конце 1980-х – 1990-х гг.

Однако, наша хуторская молодежь этим опытом не интересовалась. Показательно, что даже традиция коллективного исполнения казачьих песен в это время сохранялась лишь в коллективах старых казаков и казачек; молодежь перестала быть восприимчивой и в этой сфере, предпочитая песни нового времени. Об исполнении старых песен они высказывались непочтительно: «Ну, затянули свое старьё; е-е-е... Ни слова не разберешь!».

¹ Эту мысль высказал и актуализировал в устной беседе со мной А.В. Венков, за что выражаю ему благодарность. Он отметил также, что старые казачки, рассказывая внукам о своих мужьях (их дедах), сильно идеализировали последних, создавая образы настоящих героев, хороших семьянинов и пр.

О разрушении вертикали в передаче межпоколенческого опыта и разрыве связей между уже взрослыми детьми и стариками-родителями свидетельствуют многие вспоминаемые мною сейчас обстоятельства жизни в казачьем хуторе. Помимо описанного выше признания пожилых родителей в том, что они не могут воздействовать на сына-хулигана, вспоминается и инцидент, участником которого был упоминаемый в первой части работы Вован. Я писала о том, что мы присутствовали на суде над ним. Очередной срок он получил за то, что в пьяном виде грозил ножом беременной женщине (Ryblova, 2021: 62). Этому предшествовал пьяный дебош в доме его родителей, в результате которого все оконные рамы остались без стекол. Рассказывали, что стариков-родителей Вован выгнал ночью на улицу (дело было зимой в сильный мороз) и заставлял маршировать под его команду вокруг собственной усадьбы. Вована судили выездным открытым судом, в зале было много хуторян. Но никаких речей с осуждением и порицанием не прозвучало. Все понимали, что такая участь может ожидать любого из стариков, устранившихся (или устранившихся) от воспитания своих детей.

Конечно, я видела и образцы по-другому выстроенных межродственных отношений, основанных на взаимном уважении и поддержке представителей разных поколений, но мне до сих пор часто вспоминается старый дом, стоящий посреди занесенного снегом хутора и зияющий пустыми глазницами окон...

4. Заключение

В 2007 г. в третьем выпуске «Мужского сборника», посвященного анализу положения мужчин в различных экстремальных ситуациях, была опубликована моя статья «Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина», в которой я представила характеристики основных возрастных групп казаков в ранний период их истории (Ryblova, 2007). Составители сборника поместили статью в раздел «Территории экстремальности». Сейчас я понимаю, что территория моего хутора также во многом была той самой «территорией экстремальности». Не исключаю того, что такой она виделась только мне – стороннему наблюдателю, а для самих хуторян была обычным местом обычной жизни. Напомню, однако, что я не была горожанкой, а выросла в сельской местности, правда в большом совхозе, имеющем огромное хозяйство, развернутую инфраструктуру, общественные организации и пр., открывавшие широкие возможности для его жителей в выстраивании стратегий взрослой жизни. Таких возможностей у моих хуторян не было.

Их родители и деды с бабушками обустроивали свои жизни в условиях проведенной в хуторе социалистической модернизации, которая, разрушив прежние структуры, связи и скрепы, не сумела в полной мере создать предпосылок для полноценной реализации новых поколений в общественной и семейной сферах жизни. Очевидное безвластие, о котором я писала в первой части публикации, отсутствие условий для полноценной трудовой и культурной жизни хуторян, а также четких жизненных ориентиров и морально-нравственных принципов в новых условиях жизни создавали ситуацию, весьма приближенную к Дикому полю, определяемому разными исследователями то в качестве фронта (с его полупрозрачными и подвижными внешними границами) (Боек, 2001), то в качестве социальной аномии – территории, в которой отсутствуют внутренние границы и нормы (Ryblova, 2006: 45-46).

Вновь создаваемые хуторянами структуры также отчасти напоминали те, что выстраивались в Диком поле еще в период позднего Средневековья приходившими сюда «показывать» и поискать воли. Молодежная вольница хутора (с ее отказом от правильно организованной семейственности и приверженностью к маргинальным и экстремальным формам жизни) втягивала в свою сферу, как в воронку, и подрастающих *малолеток*, и взрослых семейных казаков, при очевидной отстраненности от былых функций казаков-стариков. Постепенно размывались границы между половозрастными группами, между нравственной нормой и аномалией.

Лишение мужчин прежних функций глав домохозяйств и активных участников общественной жизни приводило к тому, что эти функции переходили к женщинам. Старые мужчины также практически исчезли из общественной жизни хутора, нередко оказывались отстраненными и от воспитания и социализации молодежи, являясь наглядной

иллюстрацией процесса разрыва былых межпоколенческих связей и способов передачи культурного и социального опыта от старшего поколения младшим.

Как показывают исследования советской повседневности последних лет, многие из описанных мною явлений были характерны в целом для деревни того времени, однако в маленьком заброшенном хуторе они проявлялись с особой очевидностью и значительной степенью концентрации, во многом объясняя все последующие политические, экономические и социальные потрясения и катаклизмы постперестроечного времени.

Лишенные прежних внутренних и внешних связей маленькие казачьи хутора в советское время утратили и многие прежние ресурсы социальной и культурной жизни. Если в дореволюционное они были тесно связаны с другими такими же поселениями, а также со станицей (в юрте которой располагались) множеством невидимых нитей (родственных, церковно-приходских, административных, сословно-служивских и пр.), то в советское время наш хутор остался лишь производственной единицей (отделением) в системе совхозного хозяйства, в котором к тому же и отдельный человек уже не распоряжался полноправно производственными ресурсами и был лишен статуса настоящего хозяина. В этих условиях хуторское сообщество искало новые формы организации своей жизни, нередко опираясь при этом и на прежний опыт общинности, который далеко не всегда отвечал вызовам нового времени, но позволял социуму сохранять, с одной стороны целостность, а с другой – границы внутреннего социокультурного пространства.

5. Благодарности

Исследование половозрастных групп молодежи и семейных казаков выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР»; исследование положения группы стариков – в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г. 0198-2021-0016 № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Литература

- Боук, 2001** – Боук Б.М. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право. Материалы научной конференции. Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С. 147-155.
- Власкина, 2012** – Власкина Н.А. Святочные бесчинства на Дону // Труды конференции «Покровские Дни». 2012. № 3. Т. I. С. 22-32.
- Денисова, 2003** – Денисова Л.Н. Женщины русских селений: Трудовые будни. М.: Мир истории, 2003. 336 с.
- Олсон, Адоньева, 2021** – Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. 2-е изд. М.: НЛО, 2021. 520 с.
- Полевые записи автора, 1987** – Полевые записи автора 1987 г. в хут. Остроуховском Кумылженского р-на Волгоградской обл. Информант Маныцков, 1912 г.р.
- Полевые записи автора, 1999** – Полевые записи автора 1999 г. в хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл. Информант Недорубов А.П., 1909 г.р.
- Полевые записи автора, 2008** – Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Тишанской Нехаевского р-на Волгоградской обл. Информант Мурашкина А.Г., 1908 г.р.
- Рыблова, 2006** – Рыблова М.А. Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.
- Рыблова, 2007** – Рыблова М.А. Экстремалы Дикого Поля: основные этапы жизненного пути воина-казака // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. С. 207-223.
- Рыблова, 2016** – Рыблова М.А. Статья воином. Традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ; Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 280 с.
- Рыблова, 2019** – Рыблова М.А. Отшельники-келейники в социокультурном пространстве поселений донских казаков / Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-

практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.) / отв. ред. Д.П. Исаев, Д.В. Сень, М.Е. Шалак. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 170–178.

Щепанская, 2005 – Щепанская Т.Б. Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения. Сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 76–100.

Gal, Kligman 2000 – Gal S., Kligman G. The Politics of Gender alter Socialism: A Comparative-Historical Essay, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 168 p.

Ryblova, 2021 – Ryblova M.A. Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities // *Russkaya Starina*. 2021. 12(1): 54–65.

References

Bouk, 2001 – Bouk, B.M. (2001). Frontir ili pogranič'e? Rol' zbykikh granits v istorii donskogo kazachestva [Frontier or Borderland? The role of unsteady borders in the history of the Don Cossacks]. Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo. Materialy nauchnoi konferentsii [Social Organization and Customary Law. Proceedings of the Scientific Conference.]. Krasnodar: RITs «Vol'nye мастера», pp. 147–155. [in Russian]

Denisova, 2003 – Denisova, L.N. (2003). Zhenshchiny russkikh selenii: Trudovye budni [Women of Russian Villages: Labor Days]. M.: Mir istorii, 336 p. [in Russian]

Gal, Kligman 2000 – Gal S., Kligman G. The Politics of Gender alter Socialism: A Comparative-Historical Essay, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 168 p.

Olson, Adon'eva, 2021 – Olson, L., Adon'eva, S. (2021). Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of the Russian Village Woman]. 2nd edition. M.: NLO, 520 p. [in Russian]

Polevye zapisi avtora, 1987 – Polevye zapisi avtora 1987 g. v khut. Ostroukhovskom Kumylzhenskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Manytskov, 1912 g.r. [Field notes of the author in 1987 in the khutor Ostroukhovsky, Kumylzhensky district, Volgograd region. Informant Manytskov, born in 1912].

Polevye zapisi avtora, 1999 – Polevye zapisi avtora 1999 g. v khut. Tormosin Chernyshkovskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Nedorubov A.P., 1909 g.r. [Field notes of the author in 1999 in the khutor Tormosin, Chernyshkovsky District, Volgograd Region Informant A.P. Nedorubov, born in 1909].

Polevye zapisi avtora, 2008 – Polevye zapisi avtora 2008 g. v st-tse Tishanskoi Nekhaevskogo r-na Volgogradskoi obl. Informant Murashkina A.G., 1908 g.r. [Field notes of the author in 2008 in the village of Tishanskaya, Nekhaevsky district, Volgograd region. Informant Murashkina A.G., born in 1908].

Ryblova, 2006 – Ryblova, M.A. (2006). Donskoe bratstvo. Kazach'i soobshchestva na Donu v XVI–pervoi treti XIX veka [Don Brotherhood. Cossack Communities on the Don in the 16th – first third of the 19th Century]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 544 p. [in Russian]

Ryblova, 2007 – Ryblova, M.A. (2007). Ekstremaly Dikogo Polya: osnovnye etapy zhiznennogo puti voina-kazaka [Extremals of the Wild Field: the main stages of life of the Cossack warrior]. Morozov, I.A. (comp.), Pushkareva, N.L. (ed.). Muzhskoi sbornik. Vyp. 3. Muzhchina v ekstremal'noi situatsii [Men's Collection. Issue 3. Man in an extreme situation]. M.: Indrik., pp. 207–223. [in Russian]

Ryblova, 2016 – Ryblova, M.A. (2016). Stat' voynom. Traditsii sotsializatsii yunoshei i podgotovki voinov v donskoi kazach'ei obshchine [Becoming a Warrior. Traditions of Socialization of Young Men and Preparation of Warriors in the Don Cossack Community]. Volgograd: Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 280 p. [in Russian]

Ryblova, 2019 – Ryblova, M.A. (2019). Otshel'niki-keleiniki v sotsiokul'turnom prostranstve poselenii donskikh kazakov [Hermits-Cell-attendants in the Socio-Cultural Space of the Settlements of the Don Cossacks]. Isaev D.P., Sen' D.V., Shalak M.E. (eds.). Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshchina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.) [Scientific heritage of Professor A.P. Pronstein and topical problems of historical science (to the

100th anniversary of the outstanding Russian scientist): Materials of All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, March 22-23, 2019)]. Rostov-na-Donu: Al'tair, pp. 170-178. [in Russian]

Ryblova, 2021 – Ryblova, M.A. (2021). Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities. *Russkaya Starina*. 12(1): 54-65.

Shchepanskaya, 2005 – Shchepanskaya, T.B. (2005). Jekspedicionnye tradicii: k topografii «polja» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (jetnografov, arheologov, antropologov) [Expeditionary traditions: towards the topography of the “field” in the informal discourse of field researchers (ethnographers, archaeologists, anthropologists)]. Krivosheev Ju.V. (ed.). Problemy istoricheskogo regionovedenija [Problems of historical regional studies]. SPb.: Izd-vo SPbGU, pp. 76-100. [in Russian]

Vlaskina, 2012 – Vlaskina, N.A. (2012). Svyatochnyye beschinstva na Donu [Yuletide mayhem on the Don]. *Trudy konferentsii «Pokrovskiy Dni»*. Is. 3. Vol. I, pp. 22-32. [in Russian]

Три года в казачьем хуторе времен «застоя»: записки этнографа на полях воспоминаний сельской учительницы. Часть 2. Половозрастные группы хуторского сообщества: границы, статусы и функции

Марина Александровна Рыблова ^{a, b, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Российская Федерация

Аннотация. Эта публикация представляет собой продолжение статьи, опубликованной ранее в 1 номере журнала за 2021 г. Она посвящена воспоминаниям о трех годах, проведенных автором в маленьком казачьем хуторе в качестве учительницы 8-летней школы, которые дополнены авторскими же комментариями. Особенностью обеих частей публикации является их принадлежность к жанру «записок», в которых автор предстает одновременно в качестве человека вспоминающего и комментирующего. Во второй части публикации представлены характеристики половозрастных групп населения казачьего хутора времен советского «застоя»: молодежи брачного возраста, семейных и стариков с определением их границ, статусов и функций, а также выявлением тех изменений, которые произошли с ними в советский период нашей истории в сравнении с дореволюционным временем. Характеризуя группу молодых парней брачного возраста, автор выявляет особенности процесса их самоорганизации при адаптации к условиям взросления с использованием многих традиционных форм, унаследованных от прежней общинной жизни казаков. К числу таких форм относятся молодежные посиделки, практики коллективной взаимопомощи тем, кто оказался в трудных жизненных условиях (отбывание срока за уголовные преступления, нахождение на службе в армии) и др. Автор показывает, что, несмотря на то, что хуторская молодежь оказалась без опеки старшего поколения (на фоне утраты многих прежних моральных принципов и ценностей), у нее сохранялась потребность в организации своей жизни с опорой на молодежный коллектив. В рамках этого коллектива формировался собственный кодекс чести, происходила постоянная нивелировка поведенческих стереотипов, при этом преобладающими были не советские принципы и формы, а прежние – традиционные (хотя и существенно трансформированные), с наличием маргинальных и экстремальных (романтизация хулиганского поведения и «зоны», передача опыта выживания в ней, пьянство и пр.). Группа семейных казаков в публичном пространстве казачьего хутора представлена в большей степени женщинами, бывшими активными участницами общественной жизни поселения и истинными главами своих семей и домохозяйств, вытеснившими из этих сфер мужчин, доминировавших в них в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ryblova@mail.ru (М.А. Рыблова)

дореволюционное время. Как и в советской деревне, в казачьем хуторе семейные мужчины заняли позиции, приближенные к положению холостой молодежи: опекаемых, не обремененных заботой о семьях, нередко ведущих очень вольный образ жизни; в трудовой сфере жизни нередко реализующих себя также в маргинальных и экстремальных видах деятельности. Что касается группы старых казаков и казачек, то она также в большей степени представлена женщинами, демонстрирующими особую активность в публичном пространстве хутора. Старые мужчины, лишившись былых статусов и функций, практически исчезли из общественной жизни хутора, нередко оказывались отстраненными от воспитания и социализации молодежи, являясь наглядной иллюстрацией процесса разрыва былых межпоколенческих связей и способов передачи культурного и социального опыта от старшего поколения младшим. В советское время в хуторе происходило размывание границ между половозрастными группами, между нравственной нормой и аномалией. Как показывают исследования советской повседневности последних лет, многие из описанных автором явлений были характерны в целом для деревни того времени, однако в маленьком и заброшенном хуторе они проявлялись с особой очевидностью и значительной степенью концентрации, во многом объясняя все последующие политические, экономические и социальные потрясения и катаклизмы постперестроечного времени.

Ключевые слова: полевая этнография, эпоха советского «застоя», культура повседневности, половозрастные группы казачьего хутора.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(2): 155-172

DOI: 10.13187/rs.2021.2.155
<https://rs.cherkasgu.press>

Don Cossack Celebration of St. John's Day: Chrononyms and Ritual Actions

Nina A. Vlaskina ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article presents an analysis of the vocabulary, rituals and beliefs of the Day of St. John the Baptist (Midsummer) among the Don Cossacks and peasants. The empirical basis of the study was a sample of 126 detailed texts and short judgments recorded in 28 districts of the Rostov region and 11 districts of the Volgograd region. The text sequentially examines: the main elements of the *Kupala* rituals in European traditions (East Slavic included); the main symbolic dominants of this day in the Don region (water symbols, rituals associated with greenery, lighting fires, religious component). The author provides the characteristic of the symbolic connections of St. John's Day in the Don tradition with the days of Elijah the Prophet and Simon the Zealot, the Pentecost, the occasional rite of making rain. The author comes to the conclusion that, in general, the Don version of St. John's celebration is closer to that characteristic of Russian regions, but the specificity of actions with water is the leading pragmatics of making rain. At the same time, detailing and representativeness of the texts about St. John's celebration in territories with a significant proportion of the Ukrainian population shows that the powerful cultural layer of the holiday that existed in the Ukrainian tradition was not eroded even after the resettlement to the Don region.

Keywords: bathing, Don Cossacks, Don peasants, dousing, ethnic interaction, greenery, Russians, St. John the Baptist, traditional culture, Ukrainians.

1. Введение

День летнего солнцестояния с древних времен имел особое значение для земледельцев как момент наивысшего расцвета природы. Вместе с днем зимнего солнцестояния он делил год на два равных отрезка и потому наделялся символическим смыслом в традициях многих европейских народов (Frazer 2009: 1453-1476). В христианском календаре ему близок день Рождества Иоанна Предтечи (24.06/07.07), который с распространением христианства вообрал в себя символику народного праздника (Соколова, 1979: 228). В европейских традициях его типичными составляющими были «зажжение костров, якобы обладающих очистительной силой; действия, связанные с водой, так же как с очистительным средством; гадания о судьбе людей; соревнования как ритуальный комплекс очищения и прощения (умилостивления); поверья о существах преисподней, бродящих якобы в этот день по земле» (Красновская, 1978: 10). В Литве, Латвии и Эстонии Иванов день и сейчас является

* Corresponding author
 E-mail addresses: nvlaskina@gmail.com (N.A. Vlaskina)

официальным выходным днем, что говорит о его высоком статусе в ритуальном годе (Paukštytė-Šaknienė, 2016: 286).

Славянская обрядность Иванова дня и предшествующей ему ночи, будучи частью европейской, включает те же группы ритуальных действий. Наряду с ними Л.Н. Виноградова и С.М. Толстая в самостоятельные группы акций выделяют ночные бесчинства и поверья об «игре» солнца и других чудесах природы (Виноградова, Толстая, 1999: 363). В ряде регионов Восточной Славии, где проводилось сплошное этнографическое обследование, элементы названных выше действий фиксировались вплоть до середины XX в. (Корепова, 2009: 351-358; Красиков и др., 1998: 27-37; Махрачёва, Шлыкова, 2020; Пашина, 2003: 343-353; Толстая, 1978; Черных, 2006 и др.). Сказанное относится и к зонам, контактным с Ростовской и Волгоградской областью (Бондарь, 2011: 212-221; Пухова, Христова, 2005: 117-121).

В свою очередь, на территории бывшей Области войска Донского (далее — ОВД) обряды Иванова дня наследуют традициям метропольных территорий — южнорусских и малороссийских губерний, это один из тех праздников, в которых отсутствовала воинская компонента.

К рубежу XX–XXI вв. купальская обрядность сохранилась в основном в воспоминаниях, отражающих реалии 1930–1970-х гг. (самая ранняя фиксация — материалы корреспондента «Донских областных ведомостей» 1876 г. (Р., 1876), ряд свидетельств описывают реалии начала XX в.). В настоящей статье ставится задача обобщить и картографировать доступные этнографические материалы по верованиям и обрядам, относящимся к Иванову дню, на территории бывшей Области войска Донского.

2. Материалы и методы

В статье анализируются сведения о праздновании Иванова дня в донском регионе из нескольких типов источников. Самую большую группу составили материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (до 2006 г. — Ростовского государственного университета) и Южного научного центра Российской академии наук, собранные в 1990–2014 гг. в Ростовской и Волгоградской областях. Были также использованы труды этнографов и краеведов, изучавших традиционную культуру казаков и крестьян на территории бывшей ОВД (Апраксин, 2012: 318-319, 321; Р., 1876; Рыблова, 2014: 124-125; Пальгов, Шилкин, 2020: 84-85), а также словари донских говоров (БТСДК; СДГВО).

Объектом исследования стал корпус явлений традиционной культуры, включающий хрононимы и другую календарно приуроченную диалектную лексику, былички, легенды, приметы, поверья, гадания, клишированные запреты и предписания, устойчивые выражения, календарные песни, описания праздников и обрядов. Объем выборки составил 126 развернутых текстов и кратких суждений из 28 районов Ростовской¹ и 11 районов Волгоградской области². Исследование проводилось с использованием сравнительно-исторического и этнолингвистического методов, а также методов текстологического анализа и картографирования.

¹ Азовский (далее — Азов.), Багаевский (далее — Баг.), Боковский (далее — Бок.), Верхнедонской (далее — В.-Дон.), Веселовский (далее — Вес.), Волгодонской (далее — Волгод.), Дубовский (далее — Дуб.), Заветинский (далее — Зав.), Зимовниковский (далее — Зим.), Кагальницкий (далее — Каг.), Каменский (далее — Кам.), Константиновский (далее — Конст.), Миллеровский (далее — Милл.), Милютинский (далее — Милют.), Морозовский (далее — Мор.), Обливский (далее — Обл.), Октябрьский (далее — Окт.), Орловский (далее — Орл.), Пролетарский (далее — Прол.), Ремонтненский (далее — Рем.), Семикаракорский (далее — Сем.), Советский (далее — Сов.), Тарасовский (далее — Тар.), Тацинский (далее — Тац.), Усть-Донецкий (далее — У.-Дон.), Цимлянский (далее — Цимл.), Чертковский (далее — Черт.), Шолоховский (далее — Шол.) районы Ростовской области (далее — РО).

² Алексеевский (далее — Алек.), Даниловский (далее — Дан.), Иловлинский (далее — Илов.), Котельниковский (далее — Кот.), Кумылженский (далее — Кум.), Михайловский (далее — Мих.), Нехаевский (далее — Нех.), Новоаннинский (далее — Н.-Анн.), Суворикинский (далее — Сур.), Урюпинский (далее — Урюп.), Чернышковский (далее — Черн.) районы Волгоградской области (далее — ВО).

3. Обсуждение и результаты

Основные элементы купальской обрядности. Как отмечает В.К. Соколова, в различных частях восточнославянского ареала уже в XIX в. купальская обрядность и фольклор были представлены неравномерно: больше архаических элементов сохранили белорусы и украинцы, в то время как в различных русских регионах ритуалы Иванова дня преимущественно редуцировались до отдельных элементов, не связанных между собой полноценным ритуалом (Соколова, 1979: 230). В то же время и в самой России степень сохранности этих элементов была разной: в одних ее областях, например, в Нижегородской или Пермском крае, «хорошо сохранялись многие или даже почти все элементы купальской обрядности, но не в комплексе, а дискретно» (Корепова, 2009: 352). В других (в Воронежской, Тамбовской областях и др.) обывавших практиках и верованиях свидетельствуют лишь краткие мемораты и суждения, в третьих (например, на Южном Урале (Рожкова, Моисеева, 2003)) воспоминания о купальской обрядности не сохранились до наших дней.

Обрядовые действия Иванова дня у донских казаков и крестьян по полноте бытования и фиксации можно причислить, скорее, ко второй группе. В донском народном календаре этот день оказался на периферии круга значимых дат. Как отмечала одна из собеседниц, «на Купала я тебе скажу так: праздник маленький, яво не здорово. До обеда яво праздновали. А после обеда уж работали люди»¹ (записано (далее — зап.) от А.М. Котовской, 1910 года рождения (далее — г.р.), в пос. Нижний Чир Сур. ВО в 1993 г., собиратель (далее — соб.) Кравченко) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 61, т. 4).

Как и в других русских регионах, в казачьих станицах и хуторах ОВД большей популярностью обладала Троица, входившая в перечень двенадцатых праздников православного календаря. Значительная часть обрядов и поверий, связанных с зеленью, была приурочена именно к ней (см. подробнее: Власкина, 2017). Как представляется, облик Иванова дня в донской традиции, восстанавливаемый по записываемым в последние десятилетия рассказам, зависим и от факторов поздней фиксации, когда процессы утраты традиции стали активными и повсеместными, а также от переселенческого характера донской культуры, которая выборочно сохраняла элементы метропольных традиций.

Рассмотрим далее обрядовые действия и представления об Ивановом дне, обеспеченные в анализируемом регионе репрезентативным материалом.

Иванов день на Дону: водная символика. Наиболее устойчивой в донской традиции оказалась водная символика праздника². Воспоминания о тех или иных действиях с водой были записаны в большинстве районов, откуда получена развернутая информация об Ивановом дне. На наш взгляд, одним из факторов сохранности именно этого смысла стало закрепление символа в названии праздника. В ситуации редукции компонентов традиции и утраты символического обоснования действий название служит якорем, который удерживает мифологические представления в активной памяти носителей культуры. Роль народной этимологии как мотивирующей и генерирующей, порождающей обрядовые действия была подробно рассмотрена Н.И. и С.М. Толстыми (Толстой, Толстая, 2013). Наряду с общерусским хрононимом *Иван Купала* в рассматриваемом регионе встречены также *Иван Купайла* (х. Донской Азов., ст. Обливская Обл., ст. Раздорская У.-Дон.), *Иванка Купала* (пос. Зимовники Зим.), *Иван Купальный* (ст. Малая Лучка Дуб., х. Грузинов Мор., х. Боровки Илов., х. Большой Мих., х. Лысов, Бурацкий, пос. Нижний Чир Сур., х. Фирсовка, Тормосин Черн.), *Купальный день* (х. Лысов Сур.).

В многочисленных контекстах респонденты используют для обозначения ритуальных действий именно глаголы *купать*, *купаться*: «На Ивана Купала ходылы купаться» (зап. от А. Коваленко, 1930-х г.р., в с. Кагальник Азов. РО) (ПМА); «На Ивана Купала купаются» (зап. от А.П. Колесниковой, 1918 г.р., в ст. Кагальницкой Каг. РО в 2006 г., соб. К. Лонская) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 110, т. 5); «На Ивана Купала купались, обливались» (зап. от

¹ Здесь и далее диалектные тексты приводятся в орфографической записи с сохранением отдельных фонетических черт, присущих донским говорам.

² Обливание водой и купание как основные составляющие купальской обрядности в населенных пунктах Вологодской области выделяют на своем материале также С.Ю. Пальгов, В.А. Шилкин (Пальгов, Шилкин, 2020: 84) и М.А. Рыблова (Рыблова, 2014: 124).

Анализ лексем, обозначающих действия с водой в Иванов день, показывает, что при их описании глагол *купать* не только обозначает 'погружать в воду', но и получает диалектное значение 'обливать водой' и используется как синоним глагола *обливать*, ср.: «В этот день такая жара, и говорят: "Ивана Купайла, надо купать всех". А колодезь один был, одна тягает, а энтих за ним гонють, энта отсель ведром. А он в хату залез, а мы его в хате нашли, облили всё. И дош пошёл к вечеру. Вот энтим же и вызывали дош» (зап. от А.П. Громовой, 1909 г.р., в ст. Обливской Обл. РО в 1998 г., соб. Л.И. Гнутова) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 116, т. 2); «Мы вот уже детьми, ну сегодня Ивана Купала, давай купать — вёдрами воду один на одного. К Дону туда, обливаем. Кто придёт, всех вот обливали» (зап. от В.В. Качалиной, 1935 г.р., в ст. Раздорской У.-Дон. РО в 2001 г., соб. Е. Муштенко) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 56, т. 11). Так же и сами ритуальные действия купания и обливания часто сосуществуют в донских рассказах об Ивановом дне.

Свидетельства о купании в Иванов день были записаны в х. Донском, ст. Елизаветинской, с. Кагальник Азов., ст. Кагальницкой Каг., пос. Зимовники Зим., ст. Мальчевской, сл. Волошино, Колодези, Нижне-Нагольной Милл., х. Юдине Милют., х. Грузинове, Парамонове Мор., Сеньшине Обл., ст. Кочетовской Сем., Митякинской Тар., Раздорской У.-Дон., с. Маньково-Калитвенском Черт., ст. Вешенской Шол., х. Большом, Орлы Мих., пос. Нижний Чир Сур., х. Бубновском Урюп., х. Большетерновом Черн (Рисунок 1).

Об обливании рассказывали в ст. Маньчской Баг., х. Потапове Волгод., ст. Малая Лучка Дуб., пос. Зимовники Зим., ст. Кагальницкой Каг., Мариинской Конст., сл. Колодези Милл., х. Юдине Милют., х. Грузинове, Донском, г. Морозовске Мор., х. Гундоровском Орл., ст. Кочетовской, х. Чебачьем Сем., ст. Верхнекундрюченской, Раздорской У.-Дон., Маркинской, Красноярской Цимл., Черт., х. Красноярском Кот., Большом Мих., Лысове, Бурацком, пос. Нижний Чир Сур., х. Бубновском Урюп., Большетерновом, Фирсовке, Нижнегнутове Черн.

Локусом купания чаще всего становился ближний к населенному пункту водоем: река, пруд. Обливания могли совершаться как в пределах станицы, хутора, слободы (во дворе, даже в доме, на улице), так и за их границами: в поле.

Чаще всего, по воспоминаниям респондентов, в обливании участвовали все, кто хотел, но иногда упоминали особенно охотное участие в нем молодежи (например, в ст. Малая Лучка Дуб.). При этом ритуальное обливание приобретало форму игры, шутки. Приведем несколько колоритных описаний.

В ст. Кагальницкой Каг. парни старались облить девушек: «Вот Ивана Купала, вот будешь мимо идти, те да те искупають, шо будешь мокрый. Девочки — да они хоронились, чтоб их не покупали ребята. Они ж не выходили на улицу. Это же день сегодня примерно Ивана Купала, а назавтра уже можно выходить, уже завтра не будут купать» (зап. от А.П. Колесниковой). В ст. Мариинской Конст.: «А тогда у нас раньше на один день обливали водою. Иван Купала был. И вот мои родители позалезли, ну, тётка там, на эту крыльцо и сидять. Их же никто не гонял. И они [те, кто обливал] влезли там сзади на баля сы и кругом. Пока они добежали, крыльцо большая, а наши вскозили в коридор. И не облили их» (зап. от Л.И. Дорминой, 1918 г.р., в 2005 г., соб. Н.С. Бондаренко) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 79а, т. 6). В х. Юдин Милют.: «Праздновали, о, это обливались страшно, не глядели, что ты идёшь нарядная, обольють. Ипать, какие, люди есть старые, подымуть, он идёт, а тут как начнут, а хто убягает, поймають да в речку его тянуть, кинуть по воде яво» (зап. от А.Н. Карповой, 1910 г.р., в 1992 г., соб. И. Смирнова) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 40, т. 13).

Особого внимания заслуживает мотивировка действий с водой в этот день. В.К. Соколова (Соколова, 1979: 234), Л.Н. Виноградова и С.М. Толстая (Виноградова, Толстая, 1999: 365) указывают прежде всего на очистительную функцию купания и обливания, целительную силу воды в этот день, однако в рассматриваемом регионе такие мотивировки единичны. Традицию набирания воды в колодцах в полночь накануне Иванова дня и смешивания ее с крещенской водой отмечает М.А. Рыблова без указания населенного пункта (Рыблова, 2014: 125). Об особых свойствах купальской росы говорится в записанном в ст. Вёшенской Шол. предписании выгнать до рассвета скот в этот праздник, чтоб он был здоровым; там же говорили, что на рассвете нужно искупать детей, тогда они будут здоровыми, с чистой кожей (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 67, т. 26). Целительную силу воды на

Ивана Купалу упоминали в донской слободе с украинским по происхождению населением: «*На Купалу. <...> Купаемось, облываемость, а у кого ни, так дома отак от, с шлангу, прыстрое шлангу, потянуть, облывались, смеются. <...> Надо, для здоровья полезно. Водычка ця для здоровья*». Но далее в рассказе собеседница вспоминает и о том, что обливание вызывало дождь: «*И диты прыскають, як начнуть. Як то она раз и накупала, тай дощ пийшов. А у нас как повыскакували вси, детвора: хлюстаються, радуються, облываются. Попрыходьлы у муляки: “Та шо ж вам!” – “Ньчѐ, ньчѐ”, шлангу протяглы, пообмывались*» (зап. от П.И. Левченко, 1932 г.р., в сл. Колодези Милл. РО в 2011 г., соб. М.А. Карпун, Н.С. Бондаренко) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 103, т. 1).

В целом же в большей части рассказов об обливании, записанных на территории бывшей ОВД, на первый план выходит магическая функция вызывания дождя: «*Все же праздновали вроде бы, ну занимались, купали один одного, чтоб вроде дожди пошли*» (зап. от К.С. Степанниковой, 1915 г.р., в пос. Нижний Чир Сур. ВО в 1993 г., соб. Кравченко) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 61, т. 4); «*На Иван Купала <...> обливаться можно, чтоб хоть дощ пошёл*» (зап. от К.Д. Бобырёвой, 1927 г.р., в ст. Верхнекундрюченской У.-Дон. РО в 2007 г., соб. Ю. Шумилова) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 84, т. 1); «*Обливались у нас, Иван кода Купалы, обливались скрость. Хоть одетый идёт человек, всё равно обольют. Считалось, думали, что дождь пойдёт*» (зап. от А.И. Химиной, 1914 г.р., в ст. Маркинской Цимл. РО в 1992 г.) (ПМ Б.Н. Проценко). Соответствующие мотивировки получают и действия взрослых, и поведение детей, которые, обливаясь, пели заклички: «*На Ивана Купального там обливаются, да ой: “Дождик, дождик, пропусти, мы поедем на кусты: Богу молиться, царю поклониться”. Это если дождя нету, на Ивана Купального вызывают. Это я знаю, что было в детстве*» (зап. от К.И. Суховой, 1941 г.р., в х. Грузинове Мор. РО в 2009 г., соб. М. Кабакова) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 98, т. 10); «*Приглашать его [дождь] – приглашали. На Ивана Купалу: “Приходи к нам, принеси нам росу, полей нам поля, сделай нам урожай”*» (зап. от П.М. Шмелевой, 1911 г.р., зап. в ст. Обливской Обл. РО в 1998 г., соб. Н.В. Калининичева) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 116, т. 2).

Особенно прагматика вызывания дождя актуализирована в тех случаях, когда обливались в поле, для чего специально везли с собой бочки с водой: «*Вот мы раньше у степи же работали, и на этот Ивана Купала понавозить водовоз воды у бошке, и тогда обливаемси, купаемси*» (зап. от З.В. Виноградовой, 1923 г.р., в х. Крюкове Конст. РО в 1999 г., соб. С. Ярмыш) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 27, т. 7); «*Раньше, кода работали в поле, то обливались, обливались водою, уже взрослые были, чтоб дождь пошёл*» (зап. от М.В. Морозовой, 1932 г.р., ур. г. Морозовска Мор. РО, зап. в х. Волоцком Черн. ВО, в 2011 г., соб. М.Э. Тупогузова, А.А. Смирнова) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 102, т. 1).

К этому же дню на Дону был приурочен комплекс религиозных ритуалов, нацеленных на вызывание дождя. Среди них молебны в церкви, крестные ходы по полям с молением Богу о дожде (Баг., Зим., Конст., Обл., Тар.), освящение водоемов и колодцев (ст. Красноярская Цимл.). Приведем несколько иллюстраций: «(Соб.: На Ивана Купалу освящали в Дону воду?) *Раньше освящали. Батюшка панихиду служил*» (зап. от Е.Ф. Кагановой, 1910 г.р., в ст. Раздорской У.-Дон. РО в 2001 г., соб. О. Карпенко) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 56, т. 5); «*Бывает же сушь такая, дождя же нету. Его мы вызывали. Батюшка приезжает к колодезю, и он цитаёт молитву, опять обливаются*» (зап. от З.В. Виноградовой, в х. Крюкове Конст. РО) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 27, т. 7); «*Вот так слышала, что вот как раз перед Ивана Купала, от это что дождей не было, тоже как-то священник там выходил, что-то там святил, ходили там с водой с этой*» (зап. от Э.Е. Ульяновой, 1935 г.р., в пос. Зимовники Зим. РО в 2014 г., соб. Ю.Ю. Постникова, М.О. Костяева, О.В. Гарачук) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 106, т. 6).

В нескольких рассказах об этих действиях упоминалось о том, что обливали священника: «*На Дону на праздник Иоанна Предтечи, который известен под именем Ивана Купалы, освящают воду в колодцах, при чем присутствующие обливают друг друга водою, то же делают и с священнослужителями*» (Р., 1876: 3); «*Иван Купала – обливались, вот так с утра встають, так вёдры, и в реку али тут, у колодезю, и обливають. И бывало, и в церкви и батюшку обольём, засмяётся и всё, такой праздник – Иван Купала*» (респондент не указан, зап. в х. Потапове Волгод. РО в 1997 г., соб. Т. Супрунова) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 19, т. 8). «*Это на Ивана Купала делают. Ну и тогда*

ходили с иконами, просили Господа Бога, чтобы дожжик пошёл, тоже брали с бочки воду и обливали друг друга. И священник кричить: “И мене, раб Божий, и мене облей”. Все обливаются, не брезговали никто ничем” (зап. от Е.А. Кисляковой, 1928 г.р., в ст. Маньчской Баг. РО в 2002 г., соб. С.А. Шестак, А.С. Бабаева) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 14, т. 19). В последнем и в ряде других случаев ритуалистика Иванова дня демонстрирует, как в народной культуре реализуется синонимия обрядовых символов, «параллельное разнокодовое воплощение одного и того же содержания» (Толстая, 2013: 174): связь с водой задается хрононимом *Иван Купала*, прагматика вызывания дождя заложена в ритуальном обливании и усиливается обливанием священника.

В трех районах преодоление засухи связывалось с широко распространенными в других славянских ареалах действиями в отношении ведьм, запирающих небесные воды. Считалось, что, если облить ведьму водой, пойдет дождь: «А ишо говорили: “Хто ведьма, от её бы искупать”. Колдунья дожжа боится» (зап. от А.П. Громовой в ст. Обливской Обл. РО) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 116, т. 2); «Вот это как на Иван Купала... смотрите, как Пришиха придёт воды набирать, давайте её обольём. Вдруг дощ пойдёт» (зап. от Е.П. Сычевой, 1934 г.р., в х. Чебачьем Сем. РО в 2008 г., соб. И. Минасян) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 85, т. 5); «Было такое поверие, что если на Ивана Купала облить ведьму водой, то дождь пойдёт» (зап. от А.Ф. Филоновой, 1936 г.р., ур. Чертковского района РО, зап. в г. Цимлянске Цимл. РО, в 2000 г., соб. А.Н. Тулунова, М.Н. Костенко, М.И. Жулина) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 33, т. 1).

Представление о том, что в Иванов день должен пойти дождь, получило отражение и в приметах: «У нас такой ливень был и град. У нас ужасный был. Я говорю: вот вам Ивана Купала! Кто-то ишо сказал: вот на Ивана Купалу прошёл сильный дождь <...> дак это не то сорок дней будет дождь, что-то такое» (зап. от Т.И. Беспаловой, 1925 г.р., в х. Казачий Ерик Азов. РО в 2003 г.) (ПМА); «Если Иван Купала холодный дожжик идёт, так токо через пять дней солнышко засмеётся» (зап. от Ф.Г. Разогреевой, 1937 г.р., в х. Кукуевском В.-Дон. РО в 2004 г., соб.: Ерёмкина) (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 76, т. 8).

В сохранении ритуальных действий с водой, как видится, сыграл свою роль не только фактор имени праздника, но и природный — специфика южного климата, жаркая середина лета, которые вывели проблемы засухи и ритуального от нее избавления на первый план.

Рассмотрим далее **обряды Иванова дня, связанные с зеленью**. Летнее солнцестояние представляет собой время пика вегетативной активности, следствием этого является многообразие ритуальных действий с зеленью, приуроченных к Иванову дню в ряде славянских стран. Но в Ростовской и Волгоградской областях, особенно в южных районах, это самый жаркий месяц, когда температура может подниматься выше +40 °С, возможно, это обусловило относительно меньшую популярность здесь данной группы действий и верований.

Различные ритуальные действия с венками были зафиксированы нами в девяти районах РО: в ст. Елизаветинской, х. Донском, Коса, с. Кагальник Азов., х. Кукуевском В.-Дон., пос. Зимовники Зим., х. Крюкове Конст., ст. Мальчевской, сл. Волошино, Колодези, Кудиновке, Нижне-Нагольной Милл., х. Юдине Милют., Парамонове, Грузинове Мор., ст. Красноярской Цимл., с. Маньково-Калитвенском Черт. В селах с восточнорусским по происхождению населением процесс сбора зелени для венка был ритуализован: «У дворицах заранее траву ходылы просыть, плыльсь винкы, и всё. На Ивана Купала мы плыльсь винкы. <...> (Соб.: А у кого траву просили — у кого больше цветов?) Ну у тэбэ, допустим, есть, но мало. А там виноград от дикий, от таки листься, ты ж пойдёшь» (А. Коваленко, с. Кагальник Азов.) (ПМА). В венки вплетали красивые цветы и листья: в ст. Елизаветинской Азов. — калачики, в с. Кагальник Азов. — ромашки, листья дикого винограда, ку́ дря, в с. Колодези Милл. — розу, в сл. Кудиновка Милл. — бессмертники, в ст. Мальчевской Милл. — одуванчики; в сл. Нижне-Нагольной, Волошино Милл., с. Маньково-Калитвенском Черт. — мак и ромашки (Карташова 2014: 84). В х. Мокрый Гашун Зим. в день Ивана Купалы девушки делали веночки из полевых цветов и ходили в них весь день, в ст. Мальчевской Милл. в венках прыгали через костер.

Наиболее популярным ритуальным действием с венками были гадания. Какая из метропольных традиций в данном случае выступила источником для ритуальной практики, сказать сложно, поскольку действия с венками — неотъемлемый элемент купальской

обрядности разных групп восточных славян. Азовский и Миллеровский районы, в которых действие описывалось с обилием вариантов, — это места, где украинское по происхождению население превалирует над русским. Значительна доля украинцев в Зимовниковском и Чертковском районах; заселение территории Морозовского района происходило позже других, из разных станиц ОВД, южной России и восточной Украины. С другой стороны, в некоторых случаях решающим фактором для сохранения этого типа действий могла стать близость населенных пунктов к воде — рекам Дону, Калитве. В целом же гадания с венками в донском регионе гораздо более многочисленны в троицкий период (что характерно в первую очередь для русской традиции) и в большинстве случаев сконцентрированы именно в станицах и хуторах по течению крупных рек: Дона, Северского Донца, Маньча, Хопра, Медведицы.

По венкам, брошенным в реку, гадали о суженом: смотрели, в какую сторону поплывет веночек — с той стороны будет жених (х. Коса, ст. Елизаветинская, с. Кагальник, х. Донской Азов.; ст. Мальчевская *Милл.*, х. Парамонов *Мор.*, ст. Нижнегниловская (ныне часть Ростова-на-Дону); поплывет ли вперед — это предвещало девушке скорое замужество (х. Донской Азов.); кто поймает пущенный девушкой на воду веночек — тот станет ее женихом (х. Донской Азов.); наблюдали, утонет веночек (это предвещало смерть), останется на поверхности воды (что предвещало замужество и благополучную жизнь) (х. Крюков *Конст.*, пос. Зимовники, *Зим.*) или будет кружиться на месте («жизнь будет не совсем гладкая») (пос. Зимовники, *Зим.*). Окунались в венке в реку, при этом по тому, к какому берегу поплывет оставшийся на поверхности веночек, судили, в какую сторону девушка выйдет замуж (сл. Нижне-Нагольная, Волошино, Мальчевская *Милл.*, Маньково-Калитвенское *Черт.* ([Карташова, 2014: 84](#))). Вынимали веночек из воды после купания и по цветку зверобоя из венка гадали: «любит — не любит» (сл. Колодези *Милл.*).

В некоторых случаях бросание купальского венка в воду можно рассматривать в первую очередь как способ уничтожения этого обрядового атрибута ([Виноградова, Толстая, 1995: 314](#)). Ср.: «В Дон [веночек кидали]. Вы купаешься, а он поплыл на море» (зап. от М.А. Заруцкой, 1923 г.р., в х. Донском Азов. РО в 2003 г.) (*ПМА*).

Наряду с этим венки забрасывали на крышу, «чтобы голова не болела», не выйти замуж — «дома остаться» в этом году (с. Кагальник Азов.), приносили домой (сл. Кудиновка, сл. Колодези *Милл.*).

Сбор лечебных трав — одно из типичных ритуальных действий Иванова дня у русских и украинцев. Но на территории ОВД, как и гадание с венками, оно было приурочено преимущественно к Троице, а в Иванов день было зафиксировано лишь в нескольких районах: в ст. Нижнегниловской, Азовском и Константиновском районах РО, а также в Кумылженском, Михайловском, Новоаннинском и Урюпинском районах ВО. Можно предположить, что на сохранность этого ритуального действия могли влиять особенности климата степной зоны (особенно в Задонье), где уже с середины июня трава начинает сохнуть. Однако там, где травы собирали, символика Иванова дня как пика вегетации была устойчива, о чем говорит бытование в Волгоградской области хронима *Иван Травный*, который фиксировали М.А. Рыблова (без указания населенного пункта) ([Рыблова, 2014: 125](#)), В.А. Апраксин в х. Сарычевском *Кум.* ([Апраксин, 2012: 321](#)), автор статьи и лексикографы в х. Бубновском *Урюп.* (*ПМА; СДГВО: 214*). Записанные рассказы о сборе трав содержат важные символические детали: в ст. Богоявленской *Конст.* сообщали, что «сорок трав, все понемножку рвали» (зап. от М.В. Харчистой, 1915 г.р., в 2005 г.) (*ПМА*); в ст. Нижнегниловской бытовало присловье: «Иванов день пришёл, траву собирать пошёл» (зап. от Е.Ф. Житковой, 1920 г.р., в г. Ростове-на-Дону в 1998 г., соб. Е. Тер-Абрамян) (*ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 45, т. 1*); в х. Рогожкино Азов. лечебные травы собирала знахарка, которая лечила людей травами, в ст. Филоновской *Н.-Анн.* перечисляли целебные растения, сбор которых вели на Ивана Купалу: душица, зверобой, мята ([Пальгов, Шилкин, 2020: 85](#)).

Составной частью верований, связанных с растениями и имеющих купальскую приуроченность, являются представления о чудесной силе цветка папоротника, распускающегося в канун Иванова дня. Поверья о папоротнике известны в большей части европейских традиций со средневековья ([af Klintberg, 2018: 183](#)), сведения о приуроченности поиска папоротника ко дню Ивана Предтечи содержатся также в русских травниках XVII–

XVIII вв. и в более поздних записях народных обрядов и верований (Ипполитова, 2020: 368, 369). Это растение повсеместно наделяется мифологическими свойствами, но всё же, как правило, соотносится с одним из реальных видов: *Pteridium aquilinum*, *Dryopteris filix-mas*, *Athyrium filix-femina*, *Botrychium lunaria*, *Typha angustifolia*, *Polypodium vulgare* (af Klintberg, 2018: 181, 182, 188; Ипполитова, 2020: 369). Названные растения не типичны для степей и чаще произрастают в лесах, зарослях кустарников. В Ростовской области первые три названных вида занесены в Красную книгу (Федяева, 2014: 528, 546, 552). В нескольких случаях (Шол., Кам., Цим., У.-Дон.) ареал распространения папоротника на территории Ростовской области совпадает с локусами бытования текстов о папоротнике.

Записанные на территории ОВД тексты о папоротнике, который ищут в ночь под Ивана Купалу, в жанровом отношении можно отнести к поверьям и быличкам.

Единственный раз в Ростовской области был записан сюжет о случайном обретении цветка папоротника: «Мужчин стерёг быков, ночью быков стерёг, днём на них работали, шёл и незаметно ему, шёл ночью, а ему он упал в чирик, под ногу цвяток упал. (Соб.: Цветок папоротника?) Да, отломился и упал. Он и не знал. Он пришёл дамой и жене рассказывает: “Фотя, а я знаю, о чём цыплята разговаривают, да, знаю, — говорить, — и не знаю сам, почему”. Потом подметал пол, из чирика выметал сор, лазил там, и всё, он ничё не стал знать» (зап. от А.М. Яковлевой, 1928 г.р., в х. Терновском Шол. РО в 2005 г.) (ПМ Т.Е. Гревцовой).

Все остальные записанные тексты относятся к сюжетной схеме «добывание чудесного предмета» (Агапкина, 2002: 544). При этом в ряде случаев можно наблюдать контаминации сюжетов, выделенные Бенгтом аф Клинтбергом: о цветке папоротника и о кладах, о людях, которые стали обладателями ценного инструмента колдовства по соглашению с дьяволом, и легенд о других волшебных растениях (af Klintberg, 2018: 186, 188, 192).

Охарактеризуем далее основные компоненты легенд и поверий о поиске папоротника в ночь накануне Ивана Купалы. Папоротник могли искать вместе с разрыв-травой (Филипповская, Цимл. (Р., 1876: 3)). Найти его трудно: «за им охотятся» (х. Коса Азов.), «так расцветёт, что его никто не найдёт» (пос. Зимовники Зим.). Растет обычно в лесах: в Поганом лесу (сл. Кудиновка Милл.), в лесах над Донцом (ст. Митякинская Тар.), а также по садам, в байраках, при этом достигает высоты одного метра (х. Попов Кум. (Апраксин, 2012: 318-319)). Может расти прямо в реке (сл. Колодези Милл.).

Папоротник «трудно взять» (сл. Колодези Милл.) «страшно высиживать» (ст. Усть-Бузулукская Алекс. (Рыблова, 2014: 125)), за ним страшно ходить в одиночку (ст. Митякинская Тар.). Найти папоротник может сильный человек (ст. Филипповская Цимл.), знающий, «многие не выдерживают, не могут высидеть» (ст. Усть-Бузулукская Алекс.). Появляется цветок папоротника ночью (ст. Усть-Бузулукская Алекс.), в полночь (х. Веселый Гай Зим., сл. Кудиновка Милл., ст. Митякинская Тар., ст. Филипповская Цимл.; х. Сарычевский Кум. (Апраксин, 2012: 321)), в полночь или в час ночи (х. Табунный Мор.). Сам цветок розовый (х. Попов Кум.). Цветет по велению Господа лишь мгновение (пос. Зимовники Зим.), только час или два (х. Попов Кум.).

Чтобы увидеть папоротник, нужно описать «с заклятием около себя круг» (ст. Филипповская Цимл.), очертить вокруг себя круг, расстелить скатерть или клеенку, сесть на нее и читать в Евангелии то место, где написано о папоротнике (х. Попов Кум.); очертить у папоротника круг и сесть с вечера в этот круг. В кругу надо молиться, причем молитву надо знать особую, говорить особые заклинания (х. Сарычевский Кум.); когда брать, читать молитву (сл. Колодези Милл.).

Высиживая папоротник, человек встречается с нечистой силой, не допускающей человека к цветку: слышны шум, крик, кажется, что нападают змеи, гады, наутро место все вытоптано (ст. Филипповская Цимл.); «То тебе кажется, там на тебе змеи лезут, на тебе курица вязёт такой воз грамадный» (х. Терновской Шол.); «Огненные шары летают и катаются, разная нечисть до полуночи рычать будут, могут звери выскакать и стараться разодрать. Человек от страха может умереть страшно, но все равно сидеть надо, молиться и твердить заклинание» (х. Сарычевский Кум. (Апраксин, 2012: 321)). Если испугаешься видений, не увидишь цветок (х. Терновской Шол.). «Черти тоже ждут и ковыряют его, и многие не выдерживают, не могут высидеть» (ст. Усть-Бузулукская Алекс.); нужно, чтобы не дотронулась до папоротника «нечистая

рука», иначе будет плохо (пос. Зимовники *Зим.*); «черти стараются помешать этому: лают по-собачьи или орут из кустов “дурным” голосом, стараются напустить ветер или дождь, т. е. хотят разогнать людей» (х. Попов Кум. (Апраксин, 2012: 318-319)). Далее возможны два варианта: в первом случае кто-то вручает папоротник человеку (ст. Усть-Бузулукская *Алекс.*); во втором — человек, не выдержавший испытаний, остается ни с чем (ст. Филипповская *Цимл.*); Бог не допускает человека к папоротнику (сл. Кудиновка *Милл.*).

Если человеку удастся заполучить цветок папоротника, нужно разрезать руку и вставить его в разрез (ст. Мальчевская *Милл.*, х. Терновской *Шол.*, ст. Вёшенская *Шол.*, х. Попов Кум.), рана зарастает, не оставляя шрама (х. Веселый Гай *Зим.*, х. Сарычевский Кум.).

Получение цветка папоротника дает человеку чудесные возможности и способности: под цветком папоротника можно найти клад (ст. Гундоровская *Кам.*), цветок папоротника помогает найти клад (Филипповская *Цимл.*), дает счастье (ст. Митякинская *Тар.*), волшебную силу (ст. Вёшенская *Шол.*), мудрость и знание языка зверей и птиц (х. Антиповский, *Шол.* (Власкина и др., 2004: 63)). Если увидеть, когда расцветает цветок, всё будешь знать (х. Табунный Мор., х. Терновской, ст. Базковская *Шол.*), «будешь все знать: чужие тайны, секреты, где спрятаны клады и другое» (х. Попов Кум.). У нашедшего будет способность открыть любой замок, взять или украсть любую вещь, обнаружить любой клад: «Ходить надо с вытянутой рукой (ладонью вниз) и, где появится свечение, там и искать клад» (х. Сарычевский Кум. (Апраксин, 2012: 321)). Если принесешь цветок домой, никто ничего не возьмет из твоего двора (сл. Кудиновка *Милл.*). Сорвавшая цветок папоротника женщина, которую считали ведьмой, получила сверхъестественные способности (могла забрать тюк ткани из магазина, никто не мог остановить, попасть в другой хутор и вернуться обратно за день) (х. Веселый Гай *Зим.*).

Целью похода может быть просто желание «поглядеть на папертный цветок» (х. Солдатовский *Шол.* (БТСДК: 355)). Нужен не цветок, а корень папоротника — его сок используют как растирку при болях в ногах (сл. Колодези *Милл.*).

Все перечисленные мотивы принадлежат славянскому (Агапкина, 2002: 544-550) и шире — европейскому репертуару (af Klinberg, 2018).

Возжигание костров, характерное для украинской традиции, было встречено в нескольких районах Ростовской и Волгоградской областей — тех, где значительная часть населения представлена выходцами из Восточной Украины. В пос. Зимовники *Зим.* костры устраивали на берегу реки и прыгали через них; в Миллеровском районе РО прыгали через костер прямо в воду: в пруд в ст. Мальчевской, в реку в с. Колодези. Наряду с этим два упоминания о кострах встречены и в казачьих районах: в записях 1996 г. из ст. Вёшенской Шолоховского района и в пограничном с Воронежской областью Верхнедонском. В последнем перепрыгивание через костер сочеталось с гаданием о судьбе молодых: «В Иванов день костры жгли. Сига ли вот молодые, ухватятся, через костёр вот так сигнуть. Значить, вам будет счастье, значить, вы поженитесь» (зап. от А.И. Панчихиной, 1932 г.р., М.Ф. Редкокашевой, 1912 г.р., в х. Кукуевском В.-Дон. РО в 2004 г., соб. Д. Новичков) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 76, т. 7).

Рассказы о купальских **бесчинствах**, симметричных святочным и известным многим европейским традициям, в обследуемом регионе записывались редко. Единожды в ст. Митякинской *Тар.* в отношении ночи перед Иваном Купалой использовался хрононим *разгульная ночь* (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 77, т. 15). По имеющимся у автора данным, к середине XX в. молодежные ритуализованные бесчинства в Иванов день совершались в компактном ареале на юго-востоке бывшей ОВД — в современных Чернышковском и Котельниковском районах ВО, Зимовниковском и Обливском районах РО. В первом сообщали о том, что раньше в Иванов день молодые люди могли снять дверь или выпустить скотину (Рыблова, 2014: 125). В ст. Обливской *Обл.* фиксировался хрононим *дурачий Купала* и рассказ о том, как на Ивана Купалу хуторяне мазали соседей глиной (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 116, т. 2). В х. Красноярском *Кот.*, обливая друг друга, могли налить воды и в хате (Пальгов, Шилкин 2020: 84), а в пос. Зимовники *Зим.* тем, кто не соглашался обливаться, могли налить воду в трубу.

В нескольких населенных пунктах сохранились отголоски представлений о дне Ивана Купала как **родовом празднике**. Эту компоненту его символики выделил

А.Н. Веселовский. Ученый считал, что Купала вначале был общинно-родовым праздником, знаменовавшимся браками и принятием в род, и связывал с этим обычай кумовства и посестримства (Соколова, 1979: 249). В ст. Кагальницкой *Каг.* были записаны воспоминания о праздничных купальских посиделках у кумовьев: «Соединялись девчата, ребята дружно все. Ну молодёжь собиралась там, песни играли, а мужики себе собираются. У кума там или у куме придуть это все, гуртом посидать» (зап. от А.П. Колесниковой) (ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН: п. 110, т. 5). О семейных посиделках и трапезах сообщали в ст. Казанской *В.-Дон.*, о гуляниях молодежи — в пос. Веселом *Вес.* Единожды в х. Помалинском *Алекс.* суббота, предшествовавшая дню Ивана Купалы, называлась поминальной, входящей в перечень семи родительских суббот (Тимофеев, 2013: 151).

Религиозная составляющая Иванова дня в записях конца XX – начала XXI вв. находится на периферии его актуальной семантики. В основном сообщения о посещении церковных служб, о проведении молебнов на полях и освящении водоемов в этот день апеллируют ко времени родителей и бабушек наших собеседников. В тех случаях, когда Иванов день воспринимается прежде всего как церковный праздник, это получает отражение и в описаниях событий, и в выборе хрононима. В ст. Кривянской *Окт.* сообщали, что Иванов день назывался днем Иоанна Крестителя¹, в х. Осиновском *Сов.* — *Ивана Крестителя Господня Предтечи.* Кроме того, в х. Гундоровском *Орл.* рассказывали о церковной службе в этот день, которую посещали все хуторяне, и последующем всеобщем обливании (ПМДЭЭ ЮФУ: п. 43, т. 3). В ряде населенных пунктов (*Зав.*, ст. Николаевской *Конст.*, х. Мокрая Ельмута *Прол.*, х. Козлиновском *Н-Анн.*) вспоминали только о церковных службах в этот день. Кроме того, в ОВД в честь праздника Рождества Иоанна Предтечи до революции были освящены храмы в ст. Мишкинской Аксайского района и Боковской *Бок.* Как следствие, в последней станице на вопрос об Ивановом дне прежде всего вспоминали традиции проведения престольных праздников.

Наконец, в трех районах нам сообщили о приуроченности к Иванову дню **хозяйственных работ**: в х. Бубновском *Урюп.* в этот день готовили топливо на зиму — «кизеки мяли», в х. Тормосине *Черн.* начинали ткать, в ст. Вёшенской *Шол.*, пос. Нижний Чир *Сур.*, х. Бубновском *Урюп.* с Иванова дня начинали покос. Появление этих мотивов можно связать с актуализацией восприятия Иванова дня как времени петровского поста, поэтому символический акцент переносился на хозяйственные работы. Такая трактовка укладывается в характерную для русских регионов особенность утраты ритуальных действий в Иванов день: согласно выводу В.К. Соколовой, «из-за поста многие элементы купальской обрядности уже давно были перенесены на Семик-Троицу» (Соколова, 1979: 250).

Иванов день и его символические связи с другими календарными датами. Имея присущие только ему символические и ритуальные характеристики, наряду с этим Иван Купала является частью более широкого календарного периода, «момента наивысшей точки расцвета природы» (Агапкина, 2002: 540), традиционно рассматривавшегося как троицко-купальско-петровский период. Анализируя связи Иванова дня и других праздников, автор следует концепции Т.А. Агапкиной, предложившей рассматривать народный календарь через призму мифологических доминант — общих тем (содержательных сходжений), которые «пронизывают определенный календарный период, присутствуют на всем его протяжении и воплощаются во всех его жанровых формах» (Агапкина, 2002: 21). Тексты об Ивановом дне, записанные в Области войска Донского, позволяют проследить несколько таких тем. Среди них:

1. **«Макушка лета» как время чудес.** В ст. Каргинской *Бок.* автором был записан единичный текст, в котором «высиживание» волшебного цветка, позволяющего стать всезнающим, приурочено ко дню Ильи Пророка, а само цветущее растение — это не папоротник, а капуста.

2. **Пик вегетативного цикла.** Здесь необходимо упомянуть прежде всего сбор трав, который в ОВД осуществляли (помимо Иванова дня) в день Симона Зилота (Сухоруков, 1891: 65) и преимущественно под Троицу (Власкина, 2017; Пальгов, Шилкин, 2020: 77),

¹ Следствием восприятия этого праздника как религиозного, возможно, стало бытование в станице запрета на выметание мусора в этот день.

различные ритуальные действия с венками, которые совершались как на Троицу, так и в Иванов день. В х. Бубновском Урюп. говорили, что на Ивана Травного собирали травы последний раз в году, таким образом указывая на то, что этому дню предшествовал период, когда это было возможным. Неслучайным представляется и то, что у некоторых респондентов в памяти смешивались события этих двух праздников. Так, в х. Заикинском В.-Дон. автору рассказывали о том, что Иванов день праздновали два дня, а потом появился еще и третий — Святой Дух; на первый день завивали венки, а на второй развивали.

В ст. Малая Лучка Дуб. связь Иванова дня с троицким циклом реализуется иначе: здесь Иван Купала входит в контекст Русальской недели¹: «*Это ж она, Русальская, на второй день, на третий день — Иван Купальный. Обливаются, ну вот эта вот молодёжь бегали, обливались*» (зап. от К.Х. Пименовой, 1918 г.р., соб. Е. Левченко); «*Русальская неделя — молодые вот мы были, мы обливались вот из ведров. Иван Купала, вот это называется Русальская, это купает он нас*» (зап. от А.М. Белавиной, 1934 г.р., соб. Е. Левченко) (ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН: п. 9, т. 8). У восточных славян названный хрононим обычно связывается с Троицей (это либо неделя, предшествующая Троице, либо следующая за ней), лишь изредка встречается ассоциация ее с Ивановым днем (Моргунова и др., 2015: 367).

3. Тема защиты урожая. Рассказы о различных способах вызывания дождя, приуроченных к Иванову дню, — обливанию, обходах полей, молебнах — в гипертекстах бесед с носителями традиции часто соседствуют с рассказами об окказиональных летних обрядах той же прагматики². Ср.: «*Бегали, обливались, вот Ивана Купала, ми прибегли к одной, она сидит латает чё-то, а ми пряма с ведра её — гугу! — воды. Глядим — дожджик пошёл. Слава тебе, Господи! А потом ещё с иконами ходили у степ. Иногда настоко засуха была. Люди молились вместе с попом, шли в поля с иконами, песни распевали молебные, подводы шли с водою. <...> И идём и поём: “Христос воскрес”. У нас, девочки, била, пойдём у церкви, большая церковь, пойдём у Пустошкине, у хутора, и спускаемся на Усьман. Нас встречают там жители, стол*» (зап. от А.Н. Смольновой, 1912 г.р., В.Ф. Сазоновой, 1938 г.р., в ст. Манычской Баг. РО в 2002 г., соб. С.А. Шестак, А.С. Бабаева) (ПМДЭЭ ЮФУ — ЮНЦ РАН: п. 14, т. 19). Приуроченность окказиональной обрядности, направленной на преодоление засухи, к летним календарным праздникам характерна и для других южных регионов, в частности, купальские обливания и крестные ходы, имеющие целью вызывание дождя, встречались в Воронежской, Орловской областях (Пухова, Христова, 2005: 20; Соколова, 1979: 245³), в восточнославянском регионе в целом ритуальные обливания, обладающие рассматриваемой прагматикой, могли быть приурочены к разным датам троицко-купальского периода (Агапкина, 2002: 324-325).

4. Заключение

В настоящей статье мы попытались показать, что купальская обрядность донского региона — даже в своем редуцированном виде — может служить источником для выявления характерных черт региональных традиций.

Область войска Донского, как известно, представляет собой регион позднего заселения, в течение последних 500 лет почти непрерывно испытывающий приток населения из соседних областей. Естественным следствием этого было сосуществование или столкновение этнических и сословных традиций, что имело разные результаты.

Перечень и распространение основных сохранившихся в памяти респондентов действий позволяют заключить, что в целом донской вариант празднования Иванова дня ближе к характерному для русских регионов. При этом если в других русских регионах

¹ Хрононим *Русальская, Русальная неделя* был известен и в других частях ОВД. В частности, в ст. Нижнегниловской им обозначали седьмую неделю после Пасхи.

² Забота о сохранности урожая на территории ОВД проявлялась и огромной популярностью запретов на работу в праздники второй половине лета: в донском календарном репертуаре обеспечены многочисленными текстами так называемые *страшные, наказные* праздники, прежде всего дни Казанской, Смоленской икон Божией Матери, св. Пантелеймона, грозящие нарушителям запретов на работу в этот день жестокими пожарами (Шестак, 2010: 155-157).

³ Исследователь приходит к выводу о том, что «вызов дождя был одной из важных и исконных функций купального обряда» (там же).

центром купальских ритуальных действий является костер (Соколова, 1979: 249), то на Дону это действия с водой, имеющие целью вызывание дождя.

В то же время большая развернутость и репрезентативность текстов о праздновании Ивана Купалы на территориях с украинской доминантой, значительным процентом неказачьего населения показывают, что более мощный культурный слой праздника, существовавший в украинской традиции, не был размыт и после переселения на Дон.

На территории нынешнего Азовского района Ростовской области казаки и крестьяне проживали в соседних населенных пунктах (это обусловлено тем, что одна часть района раньше входила в состав Екатеринославской губернии, а другая — в ОВД). Но в этническом отношении доля малороссов по происхождению была значительной и среди казаков, и среди крестьян (Матишов и др., 2012: 54). Это отразилось в комплексе купальской обрядности, где как в селах, так и в хуторах и станицах на первый план выходят различные действия с венками, фиксировалось собирание трав, даже поверье о папоротнике (при том что папоротник здесь не растет) — комплекс, характерный для украинского празднования Ивана Купалы. То же распределение ведущих мотивов, а также возжигание костров наблюдается на территории Зимовниковского района, куда в течение 150 лет постоянно направлялись потоки мигрантов из южной России и малоземельных казачьих станиц (в этническом отношении великороссы и малороссы) (Власкина, 2015: 244-247).

Наряду с этим в районах этнокультурных контактов ритуальные действия, характерные для двух соседних традиций, могут становиться и средством символического противопоставления групп населения. В рассказе из ст. Митякинской *Тар.*, расположенной вблизи современной границы с Луганской Народной Республикой (Луганской областью Украины), местные (казачьи) и украинские (крестьянские) купальские обычаи последовательно противопоставляются как на лексическом (Иван Предтеча — Иван Купала, купальная ночь), так и на акциональном уровне (казаки купаются, ищут папоротник — украинцы разжигают костёр, водят хоробыды с венками и бросают их в воду, гадая по ним, купаются на рассвете для здоровья), при этом детали рассказа указывают на подробное знание традиции соседей (зап. от Н.И. Ковалёвой, 1933 г.р., в ст. Митякинской *Тар.* РО в 2003 г.) (ПМА).

Станицы и слободы со стабильным населением демонстрируют лучшую сохранность полноценных текстов, в то время как в более поздних по формированию населенных пунктах сведения о празднике оказываются более отрывочными.

Подводя итог, отметим, что анализ популярности мотива обливания позволил актуализировать проблему причин сохранения определенных фрагментов культуры и акцентировать роль культурной терминологии в закреплении народных верований в репертуаре территории.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2021 г., № гр. проекта АААА-А19-1190-11190182-8.

Литература

Агапкина, 2002 — Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Апраксин, 2012 — Фольклор хопёрских казаков: материалы краеведа В.А. Апраксина / ред.-сост. И.Е. Посоха, Н.Е. Котельникова, В.Л. Кляус. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. 432 с.

Бондарь, 2011 — Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2011. 376 с.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания; ред.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.

Виноградова, Толстая, 1995 — Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Венок // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 314-318.

Виноградова, Толстая, 1999 — *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Иван Купала // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. М.: Международные отношения, 1999. С. 363-368.

Власкина и др., 2004 — *Власкина Т.Ю., Архипенко Н.А., Калиничева Н.В.* Народные знания донских казаков // Традиционная культура. 2004. № 4. С. 54-66.

Власкина, 2015 — *Власкина Н.А.* Народный календарь восточных славян степного Задонья в контексте миграционных процессов XIX–XX вв. // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы / отв ред. М.В. Ахметова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. С. 243-253.

Власкина, 2017 — *Власкина Н.А.* Троицкая зелень на этнолингвистической карте бывшей области Войска Донского // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культуре. С. 191-207.

Ипполитова, 2020 — *Ипполитова А.Б.* Папоротник без сердца в русских рукописных травниках XVII–XVIII веков // Slavica Slovaca. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 368-384.

Карташова, 2014 — *Карташова Т.А.* Песенная традиция украинцев Дона в прошлом и настоящем: исследование. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2014. 352 с.

Корепова, 2009 — *Корепова К.Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с.

Красиков и др., 1998 — Матеріали фольклорно-етнографічної експедиції «Муравський шлях – 97» (по селах Богодухівського, Валківського, Краснокутського та Нововодолазького районів) / упор. М.М. Красиков, Н.П. Олійник, В.М. Осадча, М.О. Семенова. Харків: Харківський державний інститут культури, 1998. 360 с.

Красновская, 1978 — *Красновская Н.А.* Итальянцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX — начало XX в.): летне-осенние праздники / отв. ред. С.А. Токарев. М: Наука, 1978. С. 8-19.

Матишов и др., 2012 — Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / *Г.Г. Матишов, Т.Ю. Власкина, А.В. Венков, Н.А. Власкина.* Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 216 с.

Махрачёва, Шлыкова, 2020 — *Махрачёва Т.В., Шлыкова М.А.* Иван Купала в Тамбовской области // Живая старина. 2020. № 4. С. 16-19.

Моргунова и др., 2015 — *Моргунова О.В., Кривошанова Ю.А., Осипова К.В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-пресс книга, 2015. 544 с.

Пальгов, Шилкин, 2020 — *Пальгов С.Ю., Шилкин, В.А.* Календарные обряды Волжского Поволжья и Подонья (по материалам фольклорных экспедиций). Волгоград: [б.и.], 2020. 169 с.

Пашина, 2003 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / отв. ред. О.А. Пашина. М.: Индрик, 2003. 760 с.

ПМА — Полевые материалы автора.

ПМ Б.Н. Проценко — Полевые материалы Бориса Николаевича Проценко.

ПМДЭЭ ЮФУ — Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (до 2006 г. — Ростовского государственного университета).

ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН — Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук.

ПМ Т.Е. Гревцовой — Полевые материалы Татьяны Евгеньевны Гревцовой.

Пухова, Христова, 2005 — Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. III / сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. 249 с.

Р., 1876 — *Р. Иванов день* // Донские областные ведомости. Часть неофициальная. 1876. № 69. С. 2-3.

Рыблова, 2014 — *Рыблова М.А.* Календарные праздники донских казаков. Волгоград: Издатель, 2014. 168 с.

Рожкова, Моисеева, 2003 — Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры / авт.-сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск: МаГУ, 2003. 307 с.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Соколова, 1979 — *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.

Сухоруков, 1891 — *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–1832 гг. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского, 1891. 303 с.

Тимофеев, 2013 — Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк: Юго-восток, 2013. 384 с.

Толстая, 1978 — *Толстая С.М.* Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И.М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 131-143.

Толстая, 2013 — *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Толстые Н.И., С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 166-181.

Толстые, 2013 — *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Народная этимология и этимологическая магия // Толстые Н.И., С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 182-196.

Федяева, 2014 — Красная книга Ростовской области. Изд. 2-е / науч. ред. В.В. Федяева. Т. 2. Растения и грибы. Ростов н/Д: Минприроды Ростовской области, 2014. 344 с.

Черных, 2006 — *Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень. Пермь: Пушка, 2006. 368 с.

Шестак, 2010 — *Шестак С.А.* Система календарных запретов донских казаков по современным полевым материалам // *Palaeoslavica*. 2010. Vol. 1 (XVIII). P. 138-163.

Frazer, 2009 — *Frazer J.G.* The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. Auckland: Floating Press, 2009. 1667 p.

af Klintberg, 2018 — *af Klintberg B.* The Wonders of Midsummer Night: Magical Bracken // *Storied and Supernatural Places: Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas* / ed. by Ü. Valk and D. Sävborg. Helsinki: Finnish Literature Society; SKS, 2018. P. 181-193.

Paukštytė-Šaknienė, 2016 — *Paukštytė-Šaknienė R.* Joninės // *Šventės šiuolaikinėje vilniečių šeimoje* / R. Paukštytė-Šaknienė, J. Mardosa, Ž. Šaknys, I. Šidiškienė. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. P. 263-290.

References

Agapkina, 2002 — *Agapkina, T.A.* (2002). Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. М.: Indrik, 816 p. [in Russian]

Apraksin, 2012 — *Posokha, I.E., Kotel'nikova, N.E., Klyaus, V.L.* (eds.) (2012). Fol'klor khoperskikh kazakov: materialy kraevedy V.A. Apraksina [Folklore of the Khopyor Cossacks: materials of the local historian V.A. Apraksin]. М.: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 432 p. [in Russian]

Bondar', 2011 — *Bondar', N.I.* (2011). Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva [Calendar feasts and rituals of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Traditsiya, 376 p. [in Russian]

BTSDK — Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva [Large Dictionary of the Don Cossacks]. М: Russian Dictionaries, AST, Astrel, 2003. 608 p. [in Russian]

Chernykh, 2006 — *Chernykh, A.V.* (2006). Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX – serediny XX v. Ch. 1. Vesna, leto, osen' [Russian folk calendar in the Kama region. Feasts and rituals of the late 19th – mid-20th centuries. Part 1. Spring, summer, autumn]. Perm': Pushka, 368 p. [in Russian]

Fedyaeva, 2014 — *Fedyaeva, V.V.* (ed.). Krasnaya kniga Rostovskoy oblasti. Izdanie vtoroe. T. 2. Rasteniya i griby [Red Book of the Rostov Region. 2nd edition. Vol. 2. Plants and mushrooms]. Rostov n/D: Minprirody Rostovskoi oblasti, 344 p. [in Russian]

Frazer, 2009 — *Frazer, J.G.* (2009). The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. Auckland: Floating Press, 1667 p.

Ippolitova, 2020 — *Ippolitova, A.B.* (2020). Paporotnik bez serdtsa v russkikh rukopisnykh travnikakh XVII–XVIII vekov [Paprotnik bez serdca in Russian Handwritten Herbals of the 17th–18th centuries]. *Slavica Slovaca*. 55(3): 368-384. [in Russian]

Kartashova, 2014 — *Kartashova, T.A.* (2014). Pesennaya traditsiya ukraintsev Dona v proshlom i nastoyashchem: issledovanie [A Study of the Song tradition of Don Ukrainians in the past and present]. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. S.V. Rakhmaninova, 352 p. [in Russian]

af Klintberg, 2018 — *af Klintberg, B.* (2018). The Wonders of Midsummer Night: Magical Bracken, Valk, Ū. & Sävborg, D. (eds.). Storied and Supernatural Places: Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas. Helsinki: Finnish Literature Society; SKS, pp. 181-193.

Korepova, 2009 — *Korepova, K.E.* (2009). Russkie kalendarnye obryady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Russian calendar rituals and feasts of the Nizhny Novgorod Volga region]. SPb.: Tropa Troyanova, 481 p. [in Russian]

Krasikov et al., 1998 — *Krasikov, M.M., Oliynyk, N.P., Osadcha, V.M., Semyonova, M.O.* (comp.) (1998). Materiali fol'klorno-etnografichnoi ekspeditsii "Muravs'kiy shlyakh – 97" (po selakh Bogodukhivs'kogo, Valkivs'kogo, Krasnokuts'kogo ta Novovodolaz'kogo rayoniv) [Materials of the folklore and ethnographic expedition "Muravsky Way – 97" (in the villages of Bohodukhiv, Valkiv, Krasnokutsk and Novovodolazk districts)]. Kharkiv: Khar'kivs'kii derzhavnii institut kul'turi, 360 p. [in Ukrainian]

Krasnovskaya, 1978 — *Krasnovskaya, N.A.* (1978). Italyantsy [The Italians]. *Tokarev, S.A.* (ed.) Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy (konets XIX — nachalo XX v.): letne-osennie prazdniki [Calendar customs and rites in the countries of foreign Europe (end of the 19th — beginning of the 20th century): summer-autumn holidays]. M.: Nauka, pp. 8-19. [in Russian]

Makhrachyova, Shlykova, 2020 — *Makhrachyova, T.V., Shlykova, M.A.* (2020). Ivan Kupala v Tambovskoy oblasti [Ivan Kupala in Tambov Region]. *Zhivaya Starina*. 4(108): 16-19. [in Russian]

Matishov et al., 2012 — *Matishov, G.G., Vlaskina, T.Yu., Venkov, A.V., Vlaskina, N.A.* (2012). Sotsial'no-istoricheskiy portret del'ty Dona: kazachiy khutor Donskoy [A Social-Historical Portrait of the Don Delta: A Cossack Hamlet of Donskoi]. Rostov n/D: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 216 p. [in Russian]

Morgunova et al., 2015 — *Morgunova, O.V., Krivoshchapova, Yu.A., Osipova, K.V.* (2015). Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar' [Russian Folk Calendar: Ethnolinguistic Dictionary]. M.: AST-Press Kniga, 544 p. [in Russian]

Pal'gov, Shilkin, 2020 — *Pal'gov, S.Yu., Shilkin, V.A.* (2020). Kalendarnye obryady Volzhskogo Ponizov'ya i Podon'ya (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy) [Calendar Rites of the Lower Volga and Don Regions (Based on the Materials of the Folkloric Expeditions)]. Volgograd: [s.n.], 169 p. [in Russian]

Pashina, 2003 — *Pashina, O.A.* (ed.) (2003). Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik. T. 1. Kalendarnye obryady i pesni [Smolensk collection of music and ethnography. Vol. 1. Calendar rites and songs]. M.: Indrik, 760 p. [in Russian]

Paukštytė-Šaknienė, 2016 — *Paukštytė-Šaknienė, R.* (2016). Joninės [Midsummer Day]. *Paukštytė-Šaknienė, R., Mardosa, J., Šaknys, Ž., Šidiškienė, I.* Šventės šiuolaikinėje vilniečių šeimoje. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, pp. 263-290. [in Lithuanian]

Pukhova, Khristova, 2005 — *Pukhova, T.F., Khristova, G.P.* (2005). Kalendarnye obryady i obryadovaya poeziya Voronezhskoy oblasti. Afanas'evskiy sbornik. Materialy i issledovaniya. Vyp. III [Calendar rituals and ritual poetry of the Voronezh region. Afanasyevsky collection. Materials and research. Issue III]. Voronezh: Izd-vo VGU, 249 p. [in Russian]

R., 1876 — *R.* (1876). Ivanov den' [St. John's Day]. *Donskie oblastnye vedomosti. Chast' neofitsial'naya*. 69: 2-3. [in Russian]

Rozhkova, Moiseeva, 2003 — *Rozhkova, T.I., Moiseeva, S.A.* (2003). Kalendarno-obryadovyy fol'klor Yuzhnogo Urala: sbornik materialov fol'klornykh ekspeditsiy laboratorii narodnoy kul'tury. [Calendar and ritual folklore of the Southern Urals: a collection of materials of folkloric expeditions of the laboratory of folk culture]. Magnitogorsk: MaGU, 307 p. [in Russian]

Ryblova, 2014 — *Ryblova, M.A.* (2014). Kalendarnye prazdniki donskikh kazakov [Calendar Feasts of the Don Cossacks]. Volgograd: Izdatel', 168 p. [in Russian]

SDGVO — *Kudryashova, R.I.* (ed.) (2011). Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd: Izdatel', 704 p. [in Russian]

Shestak, 2010 — *Shestak, S.A.* (2010). Sistema kalendarnykh zapretov donskikh kazakov po sovremennym polevym materialam [The system of calendar bans of the Don Cossacks based on modern field materials]. *Palaeoslavica*. Vol. 1 (XVIII): 138-163. [in Russian]

Sokolova, 1979 — *Sokolova, V.K.* (1979). Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov. XIX – nachalo XX v. [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Belarusians. The 19th – early 20th century]. M.: Nauka, 288 p. [in Russian]

Sukhorukov, 1891 — *Sukhorukov, V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822–1832 gg. [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–1832]. Novocherkassk: Oblastnoe pravlenie Voiska Donskogo, 303 p. [in Russian]

Timofeev, 2013 — *Timofeev, P.T.* (ed.) Materialy mezhdunarodnykh studencheskikh fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsiy Donetskogo natsional'nogo universiteta na Verkhniy Don (Volgogradskaya i Rostovskaya oblasti: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 gg.) [Materials of international student folkloric and ethnographic expeditions of Donetsk National University to the Upper Don Region (Volgograd and Rostov regions: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012)]. Donetsk: Yugo-Vostok, 384 p. [in Russian]

Tolstaya, 1978 — *Tolstaya, S.M.* (1978). Materialy k opisaniyu polesskogo kupal'skogo obryada [Materials for the description of the Polissya Kupala rite]. *Sheptunov, I.M.* (ed.) Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Genezis. Arkhaika. Traditsii [Slavic and Balkan Folklore. Genesis. Archaic. Traditions]. M.: Nauka, pp. 131-143. [in Russian]

Tolstaya, 2013 — *Tolstaya, S.M.* (2013). Terminologiya obryadov i verovaniy kak istochnik rekonstruktsii drevney dukhovnoy kul'tury [Terminology of rituals and beliefs as a source of reconstruction of ancient spiritual culture]. *Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M.* Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii [Slavic ethnolinguistics: theoretical issues]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 166-181. [in Russian]

Tolstoy, Tolstaya, 2013 — *Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M.* (2013). Narodnaya etimologiya i etimologicheskaya magiya [Folk etymology and etymological magic]. *Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M.* Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii [Slavic ethnolinguistics: theoretical issues]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 182-196. [in Russian]

Vinogradova, Tolstaya, 1995 — *Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M.* (1995). Venok [Wreath]. *Tolstoy N.I.* (ed.). Slavyanskije drevnosti etnolingvisticheskiy slovar': v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Vol. 1. M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, pp. 314-318. [in Russian]

Vinogradova, Tolstaya, 1999 — *Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M.* (1999). Ivan Kupala [St. John the Baptist (Ivan Kupala)]. *Tolstoy N.I.* (ed.). Slavyanskije drevnosti etnolingvisticheskiy slovar': v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Vol. 2. M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, pp. 363-368. [in Russian]

Vlaskina, 2015 — *Vlaskina, N.A.* (2015). Narodnyy kalendar' vostochnykh slavyan stepnogo Zadon'ya v kontekste migratsionnykh protsessov XIX–XX vv. [The folk calendar of the Eastern Slavs of the steppe Trans-Don region in the context of the migration processes of the 19th–20th centuries]. *Aknmetova, M.V.* (ed.). Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy [Regional Studies in Folkloristics and Ethnolinguistics - Problems and Prospects]. M.: Gosudarstvennyi respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, pp. 243-253. [in Russian]

Vlaskina, 2017 — *Vlaskina, N.A.* (2017). Troitskaya zelen' na etnolingvisticheskoy karte byvshey oblasti Voiska Donskogo [Pentecost greens on the ethnolinguistic map of the former Don Host Oblast]. *Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. Vol. 13, part 2: 191-207. [in Russian]

Vlaskina et al., 2004 — Vlaskina, T.Yu., Arkhipenko, N.A., Kalinicheva, N.V. (2004). Narodnye znaniya donskikh kazakov [Folk knowledge of the Don Cossacks]. *Traditsionnaya kultura*. 4: 54-66. [in Russian]

Иванов день у донских казаков: хрононимы и ритуальные действия

Нина Алексеевна Власкина ^{a, *}

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ лексики, обрядности и верований Иванова дня у донских казаков и крестьян. Эмпирической базой исследования послужила выборка из 126 развернутых текстов и кратких суждений, записанных в 28 районах Ростовской и 11 районах Волгоградской области. В тексте последовательно рассматриваются: основные элементы купальской обрядности в европейских и уже — восточнославянских традициях; основные символические доминанты этого дня на Дону (водная символика праздника, обряды, связанные с зеленью, возжигание костров, религиозная составляющая). Дается характеристика символических связей дня Ивана Купалы в донской традиции с днями Ильи Пророка и Симона Зилота, Троицей, окказиональным обрядом вызывания дождя. Делается вывод о том, что в целом донской вариант празднования Иванова дня ближе к характерному для русских регионов, но спецификой действий с водой является ведущая прагматика вызывания дождя. В то же время большая развернутость и репрезентативность текстов о праздновании Ивана Купалы на территориях со значительной долей украинского по происхождению населения показывает, что мощный культурный слой праздника, существовавший в украинской традиции, не был размыт и после переселения на Дон.

Ключевые слова: донские казаки, донские крестьяне, зелень, Иван Купала, купание, межэтническое взаимодействие, обливание, русские, традиционная культура, украинцы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nvlaskina@gmail.com (Н.А. Власкина)